

Священное Писание

Нового Завета

Содержание:

Вводная глава

Годы до пришествия Иисуса Христа. Состояние языческого и иудейского мира. Политическое обозрение. Политическое состояние Иудеи. Иудея под Римским господством. Мирозерцание античного мира. Религиозные верования иудейского народа.

Возникновение Новозаветных книг

Новый Завет. Состав Нового Завета. Разделение новозаветных книг по содержанию. Краткая история канона свящ. книг Нового Завета. Порядок новозаветных книг в каноне. История канона Нового Завета со времени реформации. Язык книг Нового Завета. Текст Нового Завета. Переводы и цитаты. Судьба новозаветного текста.

Евангелия

Время написания Евангелий. Взаимоотношение между Евангелиями. Характер каждого из Евангелий. Евангелие от Матфея. Евангелие от Марка. Евангелие от Луки. Евангелие от Иоанна.

Нагорная Проповедь

Значение Нагорной Проповеди. Заповеди Блаженства. Христиане — Свет мира. Две меры праведности. Гармония между внешним и внутренним. Молитва Господня. О приобретении вечного сокровища. О неосуждении ближних. Постоянство и надежда на Бога. О Ложных Пророках. Как устоять во время испытаний.

Евангельские Притчи

Значение Евангельских Притч. 1. Притчи о Царстве Божьем. Притча о Сеятеле. О Плевелах. О Невидимо Растущем Семени, О Зерне Горчичном. О Закваске. О Сокровище, скрытом в поле. 2. Притчи о Милосердии Божией. О Заблудшей Овце. О Блудном Сыне. О Мытаре и Фарисее. 3. Притчи о Добрых Делах и Добродетелях. а) О Прощении Обид. Притча о Немилосердном Должнике. б) О Добрых Делах. Притча о Милосердном Самарянине. О Неверном Управителе. О Богатом и Лазаре. в) О Добродетелях. О Безрассудном Богаче. Притча о Талантах. г) о Рассудительности и Молитве. О Строителе Башни и о Царе, Готовящемся к Войне. О Друге, Просящем Хлеба и О Судье Неправедном. 4. Притчи об Ответственности и Благодати. а) Об Ответственности Человека. О Злых Виноградарях. О Бесплодной Смоковнице. О Званных на Брачный Пир, б) О Благодати Божией. О Работниках, получивших одинаковую плату. О Десяти Девах. О Рабах, ожидающих пришествия

своего господина. Заключение. Указатель Параллельных Текстов Евангельских Притч.

Книга Деяний и Соборные Послания

Книга Деяний. Соборные Послания. Послание апостола Иакова. Послания апостола Петра. Послания Евангелиста Иоанна Богослова. Послание апостола Иуды.

Послания ап. Павла.

Введение. Связь учения апостола Павла с его жизнью. Жизнь и труды ап. Павла. Перечень посланий ап. Павла. Обзор учения ап. Павла. Значение посланий ап. Павла.

Книга Апокалипсис.

Значение Апокалипсиса и интерес к нему. Автор книги. Время, место и цель написания Апокалипсиса. Содержание, план и символика Апокалипсиса. Письма семи церквам (2-3 гл.). Видение небесного Богослужения (4-5 гл.). Снятие семи печатей. Видение четырех всадников (6-я гл.). Семь труб Запечатление избранных. Начало бедствий и поражение природы (7-11 гл.). Семь знамений (12-14 гл.). Церковь и царство зверя. Семь чаш. Усиление богоборческой власти. Суд над грешниками (15-17 гл.). Суд над Вавилоном, антихристом и лжепророком (18-19 гл.). 1000-летнее Царство святых. Суд над дьяволом (20 гл.). Воскрешение мертвых и Страшный суд. Новое Небо и новая Земля. Вечное блаженство (21-22 гл.). Письма Семи церквам. План Апокалипсиса.

Вводная глава

Вводная глава в историю христианской Церкви включает в себе ответ на два вопроса: В чем состояло **приготовление человеческого рода к пришествию Иисуса Христа?** И Каково было **состояние языческого** и иудейского мира ко времени пришествия Иисуса Христа?

Годы до пришествия Иисуса Христа.

Согрешившим прародителям обетование о спасении дано было очень скоро, во время произнесения суда над ними (Бытие, 3 гл.). Однако прошли тысячи лет, прежде чем это спасение явилось во Христе-Спасителе. По апостолу (Гал.4.4), Сын Божий воплотился только тогда, когда исполнилась “полнота времен,” *πλήρωμα τῶν χρόνων*; для чего потребовался длинный период, отделявший грехопадение от спасения? Спасение не могло быть навязано людям. Невозможно было спасти человека без сознания им нужды во спасении, без желания этого спасения, без деятельного участия во спасении его свободной воли.

В течение всей ветхозаветной истории происходит приготовление человеческого рода ко Христу: в Иудействе готовилось спасение для Иудейства, а в язычестве — спасение для человечества. Иудейский народ готовился положительным образом, чрез непосредственное водительство Божие. Языческие же народы были предоставлены самим себе (Ср. Деян. 14:16-17), они оставались вне непосредственного ведения Божия. Они, “ходили в путех своих.” Однако не были лишены окончательно милости Бога. “*Ибо, что*

можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им” (Рим. 1.19-20). “Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их...” (Рим. 2:14-15).

Священное Писание называет языческих идолов демонами; но чтобы в язычестве все было только демоническое — этого оно не говорит. Если многие церковные писатели (Тертуллиан, Лактанций, Арнобий) подчеркивали демоническую, отталкивающую сторону в язычестве, то другие (Св. Иустин, Феофил, Ориген, Климент Александрийский, Василий Великий, Иоанн Златоуст) находили в нем глубокое предчувствие божества, божественного Логоса, рассеявавшего семя, лучи истины.

Еврейский народ подготовлялся чрез обетования и закон (Ср. Рим. 9.4). Обетования были даны Аврааму и семени его о спасении чрез него всех людей. Закон был привнесен после обетования чрез 430 лет (Гал. 3-17) и отнюдь не отменял обетование, а играл при нем служебную роль. Он имел именно **педагогическое** παιδαγωγός, (ср. Гал. 3:24) значение, возбудить в человеке жажду спасения и привести его ко спасению. Этого он достигал, выясняя, доказывая человеку глубокое искажение природы грехом, когда человек не делал того доброго, чего хотел, а совершал то злое, что ненавидел (ср. Рим. 7:15, 23). Чрез это закон как бы увеличивал количество прегрешений человека. *“Закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление” (Рим. 5:20). Закон “Дан после по причине преступлений” (Гал. 3.19).* Вследствие этого человек приходил к сознанию своего бессилия, своей беспомощности, и тем сильнее в нем возбуждалась жажда спасения. *“Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти” (Рим. 7:24).* Вера в обетования и подавала эту надежду на спасение. Положительные (и реальные) результаты приготовления еврейского народа выразились в создании благоприятной почвы для явления Спасителя, в рождении среди еврейского народа Божьей Матери и в представлении первых последователей Христова учения.

Языческий мир — это маслина дико растущая (ср. Рим. 9:17) — должен был исчерпать свои естественные силы и показать, что может сделать человек, стоя вне непосредственной среды Божественного откровения. Ко времени пришествия Иисуса Христа, языческие народы были объединены под крыльями римского орла не только политической властью, но и духовною силою в виде эллинизма. Идея могущественного и возвышенного, как её показали особенно восточные народы, — идея эстетически прекрасного, как выразили её греки, идея общественной пользы, права и справедливости, как её развили римляне, — всё это положительные результаты приготовления язычников ко Христу, всё это должно было найти свое освящение в истинно Святом, который мог освятить всех и возвысить всё над земным.

Состояние языческого и иудейского мира

Ко времени пришествия Иисуса Христа весь средиземноморский мир находился под властью Рима.

Политическое обозрение.

В век Рождества Христова римское царство простиралось от Евфрата до Атлантического океана, от Африканской пустыни до Рейна. Оно обнимало 600 т. миль с населением более 120 миллионов. Рядом с римским царством уже тогда имело значение примыкавшее к нему на востоке **Парфянское** царство. Оно явилось за III века до Рождества Христова (с 256 г.) и охватывало области от Евфрата до Инда и от Каспийского моря до Персидского залива и Индийского океана. Этому царству положил конец основатель нового **персидского** царства Сассанидской династии Артаксеркс I (IV), в 226 г. после Рождества Христова, и основал среднее персидское царство, ставшее беспокойным соседом римского царства. К северо-западу от Парфянского царства находилось **Эдесское** или Осромское (östhö-nisches) государство. Оно держалось до 216 года, потом вошло в состав римской империи. К северу от Парфянского царства лежала **Армения**: малая Армения еще до Рождества Христова сделалась принадлежностью римской империи, а великая Армения была под властью Рима при Траяне, с 259-286 г. была персидскою провинцией, в другое время имела собственных князей. К югу от римского и парфянского царства лежала Аравия, западнее — Африка. В **Европе жили** к востоку от Рейна и к северу от Дуная **германцы**. Они постепенно объединились с другими германскими народами — франками, саксами, алеманами, готами и другими, и угрожали Риму. С половины III-его века готы начали победоносно напирать на северные пределы римского царства, так что римляне должны были уступить им **Дакию**, завоеванную в начале II века Траяном, из которой императору Аврелиану (271 г.) пришлось вывести свои легионы.

К чему стремился Александр Великий, — это удалось достигнуть только римлянам, т.е. основать **мировую монархию**. Но непрерывные войны, при помощи которых эта цель достигалась, превратили цветущие страны в пустыни, ослабили торговлю и промышленность и повсюду создавали невыносимое состояние неуверенности. Люди только постепенно осваивались и привыкали к новому порядку вещей. Восток пришел скорее в нормальное состояние, чем Запад. Римский принципат, который был для римского народа невыносим и по политическим и по религиозным основаниям, там не встречал противодействия; там, наоборот, с чувством благодарности принимали блага нового управления. Христиане же потом увидели в римской монархии особое действие Провидения. Несомненно одно: в условиях и пределах старого римского царства проповедь универсальной религии была немыслима. Окончательной победе монархии на Западе помог **эллинизм**; он вообще стал главною опорою мирового единства. Он дал культуру римскому государству и наделил его мировым языком, на котором говорили образованные люди всех наций или, по крайней мере, все понимали его. Он подчинил горделивое, победоносно-сокрушительное настроение Рима чувству терпения в отношении к пестрому разнообразию народностей мира. Государственное управление восприняло в себя полностью это новое явление жизни в виде эллинизма. Благодаря этому торговля и разнообразные сношения быстро развились. Удобные шоссейные дороги покрыли сеть страну и служили, как для целей управления, так и торговли. Разрушенные города были большею частью вновь отстроены. Взаимообщению в стране, кроме исправных дорог, служили **морские рейсы**. Благодаря всему этому связь между жителями государства поддерживалась правильными **почтовыми сношениями**. Но главным образом объединение народностей достигалось

благодаря греческому языку: это был язык торговли, постоянных сношений и сделок. Конечно, этот язык уже сильно отличался от классического греческого языка.

Однако, в этой прекрасной картине жизни, наставшей для римских народов с основанием мировой монархии, были и тени. Рядом с накоплением богатств в больших, торговых городах, с увеличением капиталов и сосредоточением их в немногих руках, параллельно шла ужасающая бедность, умножение пролетариата. Усилившееся мировое общество еще в начале римских завоеваний повело к уничтожению свободного крестьянства в Италии. Благородные стремления братьев Гракхов не увенчались успехом. Чем легче делался ввоз заграничного хлеба, тем быстрее и естественнее последовало падение цен, и тем труднее делалась для крестьян борьба за существование. Следствием этого было постепенное исчезновение крестьянства, и их хозяйства стали переходить в руки богатых всадников и у них превращаться в огромные имения (латифундии) и обрабатываться при помощи рабского дешевого труда. Императорское время сопровождалось неожиданным падением мировой торговли, которая естественно была неразрывно связана с индустрией и способствовала её процветанию. Вследствие этого подверглись угрозе мелкие ремесленники в городах. Во всяком случае, самостоятельное, независимое существование их сделалось почти невозможным. Положение еще более обострилось чрез то, что государству не удалось провести правильной податной системы и распределения налогов среди населения. Так как римские граждане не несли никакой военной службы, а также были освобождены от прямых податей, то вся тяжесть налогов была перенесена на провинцию. Собирающие податей там было передано откупщикам, и произволу старших и младших чиновников не было предела. Можно представить себе социальное состояние и переживания низших классов, совершенно задавленных экономическими трудами. Они естественно искали хоть минутного забвения тяжестей жизни в мечтах о потустороннем блаженстве, лучшей жизни в другом мире.

От тяжелых, даже гибельных последствий такого развития дел в политической и экономической жизни пытались укрыться чрез основание различных союзов, дружеств, товариществ. И тогдашнее время было классическою эпохою союзов. Наряду с ремесленными союзами (цехами кузнецов, среброковачей), союзами по общественному положению (жрецов, купцов, музыкантов) — были союзы, которые имели своею задачею воспитывать просто чувство товарищества (например, ежемесячные собрания и пирушки на счет общей кассы); были и другие, которые преследовали чисто социальные цели, как кассы больных и умирающих, таковы *Collegia tenuiorum* и *Collegia funeraticia*; из них последние являлись особенно утешительными для бедных. Чрезвычайного значения тогда достигли **религиозные союзы**, которые имели своею задачею отправление, совершение культа тем или иным божествам по обычаям их страны (ἑταῖοι, θίασοι). Известную связь с религиозною жизнью имели все организации, хотя бы они служили и светским целям, поэтому и жрец выдвигался на первое место. Было очень важно, что забота о почитании своего местного божества не только организовала союзы, но на этом пути получили права гражданства в римском царстве иностранные культы (Изиды, Сераписа и сирийских божеств). Часто признаваемая (Вайнгартен, Хайнрици, Геч и другие) зависимость христианских общин от организаций этих религиозных союзов не могла быть доказана. Но что возникновение христианских общин **облегчалось** чрез наличность таких союзов — это бесспорно. Так как союзы часто под невинными названиями занимались политикой, и, ввиду отсутствия контроля над ними, их деятельность была тем опаснее. Император Траян запретил все тайные сою-

зы и не разрешал устройства даже таких организаций, которые могли преследовать самые желательные задачи, как он не позволил учреждения пожарного общества в Вифинии.

Политическое состояние Иудеи.

Движение на восток Александра Великого затронуло иудейский народ, хотя политические последствия этого были незначительны: иудеи стали теперь зависеть от македонян, как раньше от персов. Спор за наследство Александра Македонского сделал Палестину яблоком раздора, пока страна не подпала под продолжительное господство селевкидов. Естественно теперь начинаются эллинистические влияния, как ранее вавилонские и персидские. Эллинистическое влияние проникло в жизнь иудеев настолько глубоко, что привело к **образованию партий** в иудействе. — Первосвященническое сословие стало на сторону эллинистов; им противопоставили chasidim “благочестивые,” твердо державшиеся национальной обособленности и религиозных требований закона, за ними стояла народная масса. Попытка Антиоха IV Епифана (175-164 г.) насильственно эллинизировать весь народ, стеснивши его религию, — не удалась. Ответом на его жестокую политику был сильный подъем религиозного воодушевления. Это повело к восстанию под предводительством Маккавеев. Сирийцы принуждены были уступить: ограничившись сбором дани, они предоставили страну дружественному грекам высшему классу и асмонеям с их приверженцами. Начавшаяся внутри страны борьба за власть над народом повела к образованию религиозно-политических партий: хасиды преобразовались в **фарисеев**, а высшее пресвитерство — в саддикитов или **саддукеев**. Асмонеи стали на сторону последних. Продолжавшаяся борьба между аристократической партией и демократическими фарисеями, имевшими неизменное влияние в синедрионе, и особенно между последними и асмонеями — повлекла за собой вмешательство **римлян**, которые положили конец Селевкидскому господству. Именно, **Птоломей** осенью 63 года до Р.Х. завоевал Иерусалим и заставил иудеев платить дань Риму. С этих пор политические перемены в Риме имели значение и для Палестины. Асмонеям удалось добыть себе в Риме некоторую политическую власть над Иудеей. Когда последний Асмоней был казнен, его наследником сделался идумеянин **Ирод** (37 г. до Р.Х. — 4 г. по Р.Х.). Несмотря на силу его характера и открыто выраженную преданность религии, ему не удалось расположить к себе иудейский народ. Недовольство управлением возросло еще более, когда после его смерти, его сыновья начали междоусобицы. Недовольные римляне передали теперь управление Иудеей императорскому прокуратору (6 г. по Р.Х.). Чрез это было заложено основание к разделению между Римом и иудейской национальной партией, которое привело к катастрофе 70-го года.

Ирод Великий и его сыновья. Ирод родился в 37 году до Рождества Христова от штатгальтера Идумеи Антипатра и жены его аравийского происхождения, и как полу иудей, всегда был подозрителен еврейскому народу. Он был энергичный, умный, но чрезвычайно честолюбивый, Он придал блеск своему имени чрез роскошные постройки (храмы, театры, замок, водопроводы). В последние годы своей жизни он был огорчен междоусобицами среди его сыновей от Мариамны — Александром и Аристовулом — и идумейскими родственниками от сестры Саломии. Ирод старался предотвратить опасности чрез убийства. Из его 9-ти сыновей **Александр** и **Аристовул** были убиты в 7-ом году до Рождества Христова. Старший Антипатр пал жертвою подозрения своего отца за несколько дней до его кончины. Согласно его завещанию, **Архелай** (4-6 по Р.Х.) получил в управление Иудею,

Самарию и Идумею с титулом этнарха. **Антипа** (4-39 г.) был поставлен над Галилеей и Переей в звании тетрарха. **Филипп** (4-34 г.) с титулом также тетрарха завладел Батанею, Трахонитскою областью и Авранитскою. **Антипа был царем страны, где жил Иисус**. Он разделял со своим отцом страсть к роскошным постройкам, пирам, женщинам и королевской пышности. В последние годы он подпал под влияние **Иродиады**, внучки Ирода Великого, которая в первом браке была замужем за его сводным братом; жену же свою отослал к её отцу Арефе. Антипа сделался жертвою интриги своего шурина Агриппы I. **Филипп** — единственный из сыновей Ирода, о ком потомство сохранило добрую память (Иосиф Флавий. Древности XVIII, 6-4). На короткое время царство объединилось в руках уже упомянутого **Агриппы I**, сына Аристовула (41-44 г.). Он заключил союз с фарисеями и в угоду им преследовал христиан (Ср. Деян. 12 гл.). После его внезапной смерти (Деян. 12.23) император Клавдий подчинил Иудею Риму.

Иудея под Римским господством.

Август ввел в Иудее ту же самую форму управления, какая была применена в Египте. Во главе стоял прокуратор (επίτροπος, πρᾶξων), который, бывши самостоятелен в своем округе, был, однако, подчинен штатгальтеру в Сирии. Первым штатгальтером был **Копоний** (Сороний, 6-9 г.)..., Понтий Пилат (26-36), Антоний Феликс (52-60), Порций Фест (60-62), Альбин (62-64), — последний Гессий Флор (64-66). Окончательное подчинение Иудеи Риму императором Клавдием вызвало в иудеях большое раздражение. Неспokoйное состояние, энергично поддержанное националистическими шовинистами — зилотами (ветвь фарисеев), усиленное неспособностью или подлостью отдельных прокураторов — повело к кровавому усмирению непокорных. Раздражение возросло, когда Калигула велел поставить свои статуи в Иерусалиме, в Храме... Наряду с зилотами действовали **сикарии**, агенты тайных политических убийств. Выступали и восставали лжепророки (например — Февда); они уверяли народ в близком конце господства римлян (Выход египетского пророка на Масличную гору). Жестокость и корыстолюбие последних двух прокураторов сделали войну неизбежною. Эту войну с иудеями вел римский полководец Веспасиан, а когда он, в 69 г., был избран кесарем, — то его сын Тит довершил дело, завоевав окончательно Иерусалим в 70-ом году.

Миросозерцание античного мира.

Духовное, или просветительно-морально-религиозное состояние античного мира в век Рождества Христова характеризуется развитием и широким распространением (т.е. господством) **эллинизма**.

Когда же великий македонский завоеватель Александр, сын Филиппа, ученик Аристотеля, победоносно двинулся на персидское царство, вооруженный не только стальным мечем, но и греческим просвещением, то Восток, хотя уже и дряхлый, все же нашел в себе достаточно сил, чтобы не подчиниться греческому духу, а, при взаимном влиянии, объединиться с ним в эллинизме. Таким именем со времени Драйзена называют то новое культурное течение, которое образовалось из смешения греческих образовательных элементов с восточными. Невозможно определить, насколько вошли в так называемый эллинизм и как объединились, с одной стороны, достояние греческой культуры, а с другой стороны — традиционное наследство Востока. Здесь можно говорить лишь об общих чертах и при-

близительно. Несомненно, по своей природе наследство Востока есть явление преимущественно **религиозного** характера; **философское** же направление составляло отличительную черту греческого духа. Эллинизм есть весьма сложное явление заходившего солнца древнего мира; он давал себя знать и в области политики и права, религии и науки, языка и литературы, в общественной жизни и в частном быту.

Общую, но и точную характеристику эллинизма мы находим у знаменитого Гарнака. Для эллинизма, по нему, характерны следующие явления, настроения и понятия:

1. **Проникновение восточных — сирийских и персидских религий в империю**, особенно со времени Пия, — религий, которые имели некоторые черты общими с христианством. Они возбуждали новые потребности в душах людей, удовлетворить которые могло лишь христианство.
2. Наступившее, вследствие демократизации общества и других причин падение точной науки и возросшее уважение к мистической религиозной философии, ищущей откровений и жаждущей чудес.
3. Резкое разделение между душою (духом) и телом, более или менее исключительное предпочтение духа и представление, что он исшел из другого высшего мира и носит в себе вечную жизнь или, по крайней мере, способен к ней. Утверждение чрез это индивидуализма.
4. Острое разделение между Богом и миром и разрушение наивных представлений об их связи и единстве.
5. Как следствие разделений: уточнение понятий о Божестве — *via negationis et eminentiae* (путь отрицания и возвышения); только теперь оно становится непонятным, неописуемым, но также великим и благим.
6. Далее, как следствие предпочтения духа, **уничтожение** мира и сознание, что он темница духа.
7. Убеждение, что связь с плотью для духа унижительна и осквернительна.
8. Искание спасения, как спасения от мира и плоти.
9. Убеждение, что всякое спасение есть сохранение для вечной жизни, что оно связано с сознанием и очищением.
10. Уверенность, что спасение души, как возвращение к Богу, совершается постепенно.
11. Почти уверенность, что спасение, значит и Спаситель — уже существуют.
12. Убеждение, что все освобождающие средства должны быть причастны познанию, но не исчерпываются им; в конце концов, они должны принести и сообщить действительную божественную силу.

Короче говоря, характерными признаками эллинистического мировоззрения являются:

- а) устранение границ между эллинами и варварами, благодаря знакомству с варварскою культурою (Сирийской, Вавилонской и Персидской) и как результат этого космополитизм, который спасение видел в учреждении мировой монархии вместо национальных государств;
- б) **индивидуализм**: на место всеобщего благополучия, обеспечиваемого государством, стала *eudaimonia* отдельного — идеал мудреца, который свое счастье находит в самом себе (киники);

- в) **реализм** — философия обращается в учительницу житейского благополучия;
- г) религиозный **синкретизм** вследствие знакомства с восточными религиями, притягивавшими к себе энтузиастическим или грубо-чувственным характером, а также суеверными и волшебными обрядами (оракулами, астрологическими толкованиями, таинственными действиями)... Как следствие такого синкретизма выступает сильнейший стимул к монотеизму, в котором богатое познание чуждых культов носило свое объединяющее выражение и свой пункт единства... Носители этой культуры были почти повсюду греки, у варваров она была лишь полировкой.

Только что указанные настроения и стремления эллинистического периода создались, главным образом, благодаря особым философским направлениям и философско-этическим течениям, а также — религиозным верованиям изучаемой эпохи. Об этом мы и скажем.

Достигнув в философии Платона и Аристотеля как бы своего предельного совершенства и будто бы исчерпав свои силы, греческий гений начал быстро склоняться к своему концу. Что совпадало и в значительной мере обуславливалось потерей со стороны Греции политической свободы. Греческая мысль, утомленная теоретической аналитической работой, неизменно устремляется к построению целого философского мирозерцания, вместо анализа и исследования обращаясь к системе и догме. Такое мирозерцание является потребностью времени и обновленной культуры. Греческая мифическая религия потеряла свою силу, и для широких образованных кругов её место заступила философия, которая поэтому должна была дать систему сведений с религиозным оттенком. Развитие политической, гражданской и общественной жизни прекратилось, и греческий народ погрузился в обыденную частную жизнь; горизонт личности сузился, и она стала ограничивать себя небольшим домашним кругом. После того как политические и общественные интересы были изъяты из жизни, пришлось обратиться самому к себе, к своей внутренней жизни, и разумное устройство личного бытия сделалось главной задачей существования. Естественно, при этих условиях жизни, должны были выдвинуться интересы жизненно-практические. Между тем, и философская мысль, как замечено, уставшая от разрешения теоретических вопросов, занялась этическими проблемами.

Этому направлению жизни как раз соответствовали три новые философские школы, выступившие с III столетия — стоическая, эпикурейская и скептическая. Они, не занимаясь самостоятельно вопросами метафизическими, а, примыкая в этом случае к предшествовавшим философским системам, сосредоточивали главное внимание на вопросах этических и решали проблему человеческого счастья. Апатия стоиков, самодовольство эпикурейцев и скептиков имели в виду создать блаженство именно личной жизни.

Стоицизм. Основателем стоической школы был Зенон († 264 г.), а наиболее талантливым продолжателем является Хризипл (281-208 г.). Задача философии, по воззрению стоиков, заключается в научно обоснованной, научно-нравственной деятельности человека. Вместе с киниками, стоики видели в человеческом знании лишь средство к добродетельному поведению и достижению блага, а главное назначение философии полагали в руководстве к добродетели, к правильным действиям, чрез упражнение в них. Поэтому они определили философию, как упражнение в добродетели, как *ἀσκήσις ἀρετῆς*, т.е. упражнение в разум-

ной деятельности. Но разумная деятельность невозможна без истинного, объективного знания, ибо разумное поведение должно соответствовать природе человека и всех вещей, а для этого нужно познать законы вселенной и человека. Поэтому философия, определяемая, как “упражнение в добродетели,” есть вместе с тем “сознание божественного и человеческого.” Здесь стоики, очевидно, следуют Сократу, доказывая необходимость знания для добродетели и ставя последнюю в зависимость от первого. Из указанного определения философии следует необходимость двух наук — физики и этики.

Третья наука стоической системы — логика — имеет значение методологическое, техническое и гносеологическое. Необходимо в системе стоиков этику поставить в центр наук или на вершину, путь к которой ведет от логики через физику. Стоики не полагали никакого существенного различия между Богом и миром: по ним, между божеством и первоначальной материей никакого реального различия нет. Стоическая система есть строго **пантеистическая** (но не материалистическая, ибо понятие силы — динамизм — ставится у них выше материи). Всеобщий разум, как мирообразующая сила, носит имя *λόγος σπερματικός*. Всякое существо, каждый предмет ранее своего появления в мире мыслились в мировом разуме, как понятия, и желались, как определенные цели развития божества (*λόγοι σπερματικοί*). Учение о человеке стоики разрабатывают с особым интересом и полной последовательностью. Здесь ясно выступают главные положения стоической системы: материализм — в антропологии, пантеизм — в возведении всех действий человека на божество и монизм в понимании душевной жизни. Душа, как и все реальное в мире, вещественна; она неразрывно связана с целым и не может избежать судьбы его. Она также должна в конце мирового процесса обратиться в первоначальную материю, что тоже — возвратиться к божеству, как и все в мире. Значит, стоики, считая возможной жизнь души по смерти тела, допускали в некотором смысле потустороннее продолжение жизни души. На практический взгляд могло казаться, что они учат о бессмертии. Так и случилось, например, среди последователей римских стоиков. Под влиянием атмосферы своего времени эту идею о призрачном бессмертии души особенно развил римский стоик Сенека (3-65 по Р.Х.). Стоическая этика видит высшее благо и высшую цель или божество в жизни, сообразной с природою. Это — разумная жизнь, она же и добродетельная; разумная жизнь, как добродетель, есть высшее благо. Безусловной цене добродетели, как благу, наносится ущерб, если допускается нечто вне человека, как благо, или цель его жизни. Кто, например, вместе с Эпикуром возводит на трон удовольствие, тот добродетель делает рабыней. Добродетель не нуждается ни в каких посторонних добавлениях, но в себе самой носит все условия счастья.

В стоической системе нет места политике, на её место выступает **космополитизм**. Он не есть что-либо наносное в системе стоицизма, а тесно связан с нею. Всем людям присущ один и тот же разум; все члены одного тела, или, как это прекрасно, в религиозной форме, выразил Эпиктет (ок. 120 по Р.Х.): все братья, потому что все одинаковым образом имеют Бога Отцом. Характерным признаком стоической системы является **фатализм**. Покорность року — любимая тема многих стоических писателей... Но судьба может поставить человека (мудреца) в такое положение, которое является для него невыносимым. В этом случае позволялось избавиться от жизни чрез самоубийство. Многие, очень важные в развитии школы стоики — Зенон, Клеант, Эратосфен, Антипатр и многие другие кончили самоубийством. Стоицизм не только философская, но и религиозная система. Благодаря своей связи с платонизмом, он заменял для образованных до известной степени религию и

опору нравственной жизни. Блестящим представителем позднейшего стоицизма является **Посидоний** из Апамеи в Сирии (около 50 г. до Р.Х.).

Римляне с большим вниманием отнеслись к стоицизму, он был им особенно по духу. Основателем римского стоицизма является **Панеций**, а главным представителем был **Анней Сенека**, очень влиятельный по своему личному положению (воспитатель Нерона) и известный тонким гуманизмом (родом из Кордовы, в Испании). Его взгляд на смерть, как день рождения в вечную жизнь, и рассуждения о полном мира блаженстве потустороннего мира вместе с религиозными основами его учения — дали повод к легенде, что он был обращен в христианство апостолом Павлом. Император Марк Аврелий находил большое утешение в его учении и в хромом рабе “видел своего учителя и образец.”

Эпикурейство. Учение Эпикура (341-270 г.) столь же мало оригинально, как и стоическое, и близко примыкает к последнему. Главным принципом стоицизма является материалистический монизм, а в основе эпикурейства лежит материалистический атомизм. Если материалистический пантеизм стоиков вышел из философии Гераклита, то механический атомизм эпикурейцев имеет своим источником философию Демокрита, Хотя сам Эпикур говорил своим ученикам, что он не имеет учителя и книг, откуда бы он заимствовал свое учение. Поэтому ученики заучивали наизусть его изречения и относились к своему учителю просто с благоговением, создали ему что-то вроде культа, а после смерти возвели его прямо в герои. Несомненно, тесная дружба связывала Эпикура с его учениками.

Цель философии поставляется в счастье человека, и философия есть ничто другое, как деятельность, которая помогает нам достигнуть счастья благодаря мысли и слову. Если научная деятельность не служит этой цели, то она является излишнею и бессмысленною. Среди различных знаний Эпикур придавал значение больше других учению о природе (физике), потому что это единственное средство освободить душу от ужасов суеверия. Если бы мысль о богах и смерти не отягощала нас, то мы не нуждались бы ни в каком исследовании природы. Еще придавал Эпикур значение исследованиям о наших желаниях, ибо они (исследования) могли повлиять на ограничение и умеренность их.

В общем, как и стоики, эпикурейцы признавали три науки — логику (канонику), физику и этику. Единственное, безусловное благо, по учению Эпикура, есть удовольствие, а единственное безусловное зло — скорбь, печаль. Это положение не нуждается в доказательствах: оно очевидно и является масштабом нашей деятельности. Все живые существа от самого рождения стремятся к удовольствию и избегают несчастья. Существенное и непосредственное основание блаженства лежит в спокойствии духа, или в атараксии; положительное же удовольствие есть только посредствующее условие душевного спокойствия, насколько оно освобождает от неудовольствия неудовлетворенной потребности... если мы считаем, рассуждает Эпикур, удовольствие высшим благом, то имеем в виду не удовольствия распутства, не вообще чувственное удовольствие, а то, чтобы тело было свободно от скорби и душа от беспокойства. Ибо не пирушки или попойки, не удовольствия от мальчиков и женщин, не застольные друзья делают жизнь приятной, но трезвый ум, который исследует основы всякого поступка и изгоняет предрассудки, ужаснейших врагов нашего благоденствия. Корень всего и величайшее благо — благоразумие, только оно делает нас свободными. Наши необходимые потребности крайне несложны, а их легко удовлетворить, сама природа заботится о нашем счастье. Кто живет согласно с природою, тот никогда не беден. Мудрый не будет роптать на Зевса, имея хлеб и воду. Внешние несчастья не

имеют над ним силы, и телесная скорбь не может возмутить спокойствия мудреца. Мудрый может быть счастлив при самих пытках. Но эпикурейская система не отрицает, что телесное удовольствие есть первоначальный, и даже — последний источник всякого удовольствия. Однако оно должно быть введено в должные границы. (Эпикур подчинял телесные удовольствия духовным). Все жизненные правила направляются к одному — вести человека к счастью чрез умеренность желаний и воздержание от страстей. Не умножение богатства, а ограничение желаний делает нас богатыми. Душа человека отличается от тела только качеством атомов, состоя из наиболее тонких, эфирных. Если связь между душою и телом совершенно прекращается, то атомы её легко рассеиваются, и тело подвергается тлению.

Отношение к религии в обеих системах — стоической и эпикурейской — непоследовательное. Не имея нужды со своей, т.е. чисто материалистической точки зрения говорить о вере в богов, стоицизм и эпикурейство, тем не менее, весьма подробно рассуждают по данному вопросу, признают богов и даже не вполне отрицают народную религию. По Эпикуру представления о богах и демонах возникли из невежества и страха; вера в Провидение это сказка (миф). По выражению Лукреция, *timor fecit primes deos*. Но с другой стороны, всеобщность веры в богов и желание видеть в них свой идеал осуществленным побуждал Эпикура признавать богов. Его боги решительно человекообразны, хотя вечны и блаженны. Обладая эсферическим телом, они не могут жить в наших мирах, а помещаются в интервалах между мирами, где они, как говорит Лукреций, не беспокоиваются никакою непогодой, а живут под вечно-ясным небом. На богов никоим образом не может быть возложено попечение о мире и об обстоятельствах жизни человека, ибо мучительная забота лишила бы их блаженства. Они совершенно свободны от трудов и забот, они наслаждаются чистым счастьем в сознании своего превосходства. Общество богов — это идеальное общество эпикурейских философов. Они все имеют, что последние только могут желать для себя — вечную жизнь, отсутствие забот и постоянные случаи к приятным беседам.

Третьим весьма значительным и важным течением философской мысли эллинистического периода является **скептицизм** — но он совсем не похож на позднейший скептицизм, т.е. глубокое сомнение в истинности, доведенное до крайности. Древний скептицизм был отражением своего времени; он вместе со стоиками и эпикурейцами указывал философии практическую задачу и достоинство теоретических исследований, измерял их влиянием на жизнь человека и значением для его счастья; также и его воззрение на жизнь отличалось этическим характером и высшее благо полагалось в воздержании от суждений (*ελοχί*), своего рода апатии или атараксии.

Первым скептиком считается **Пиррон** из Элиды (360-270 г.). Он не оставил после себя сочинений; об его учении приходится судить по произведениям одного из его учеников — **Тимона** из Флиунта (320-230 г.). То немногое что известно о философии Пиррона можно выразить в трех положениях: а) о свойствах предметов мы ничего не знаем, б) правильное отношение к ним состоит в воздержании от всякого суждения, и в) результатом всего этого является вожденная атараксия. Тимон к этому прибавляет, что для счастья человеческого необходимо дать ответ на следующие вопросы: 1) как созданы вещи, 2) как мы должны относиться к ним и 3) каковы могут быть для нас последствия такого отношения.

Скептицизм привел к **эkleктизму**, т.е. некритическому, субъективному соединению различных элементов знаний. Дело в том, что скептицизм **сравнил** все философские течения, отрицая в каждом из них истину; а эkleктизм сделал уравнение тех же систем в другом отношении, признавши долю истины за каждым из них. Скептицизм сделал и то, что за истину были признаны положения не одной школы, а всех понемногу. С появлением и развитием эkleктизма совпадает или точнее, находится в связи постепенное покорение римлянами эллинистического мира. Римлянам были свойственны трезвое, житейское благоразумие и сильная воля, как отличительные черты характера. С этой точки зрения они ценили и философию, измеряя её достоинства по её практической годности; философию, которая не имела влияния на практическую жизнь, они не признавали. Задачу и пользу философии они видели в укреплении нравственных основных положений и подготовке ораторов и государственных людей. Ввиду этого греческие философы, преподававшие науки своим римским ученикам, должны были приспособляться к их пониманию, иметь в виду их настроение и потребности. Это уже заметно у таких выдававшихся философов своего времени, как **Панэций и Антиох**. Представителями эkleктизма считаются Филон из фессалоникийской Лариссы и Антиох из Аскалона, жившие в последнем веке до Р.Х. Цицерон был учеником Филона. Кроме них, известны Варрон, стоик Дидим, **Парамон** и другие. Последний прекрасно охарактеризовал задачу деятельности своих предшественников, вместе и свою собственную — составление истинной системы из учения всех философских школ, назвав свою школу **эkleктической**.

Большой успех эkleктизм имел в области религиозно-философской, пока не сменился здесь религиозным синкретизмом.

При столкновении греческой культуры с восточной, влиянию востока были открыты особенно древние народные верования и религиозные обряды, обычаи, которые теперь получили значение в греческой жизни. Эти древние греческие верования были родственны восточным, и теперь, при взаимном столкновении, усилились. Религиозное настроение среди народов римского государства возросло до высшей степени. Но масса не удовлетворялась эпикурейским сознанием и верованием в рай земной жизни и с лихорадочным рвением устремилась в поисках за высшим таинственным удовлетворением, которое находила в фантастичных культах Востока. Философская “мудрость,” полагавшая смысл жизни в добродетели, утратила свой кредит и сменилась напряженным ожиданием высшей силы и освобождением от мира. Под давлением таких настроений, эллинистическая философия должна была дать место новым побегам религиозного мистицизма. Отличительный характер их состоит в стремлении чрез откровение божества получать познание и блаженство. Одновременно, и в связи с этим, развивается воззрение на божество, как существо бесконечно возвышающееся над миром и стоящее вдали от него. Оно само по себе уже не может соприкасаться с чувственным грешным миром. Нужен ряд событий и божественных посредников между божеством и человеком; такими обыкновенно считались демоны и мировая душа. Чтобы вступить в общение с божеством чрез этих посредников, отдельные лица должны стать на служение божеству и чрез различные очистительные средства и особенно мистерии сделать себя способными к общению с божеством и достойными почтения среди людей. Таким образом, откровение объявляется источником философии и всякого познания вообще. Словом, “когда потеряли доверие к знанию, тогда бросились в объятья веры.”

Главнейшими религиозно-философскими течениями указанного характера являются ново-пифагорейство и платонизм. Центром движения служит по преимуществу Александрия.

Ново-пифагорейство, появившееся в последнем столетии до Р.Х., претендовало на тесную связь с древним пифагорейством. Но оно не имело на это никакого права, помимо всяких комбинаций с цифрами. Пифагорейская школа сходит со страниц истории только в IV в. Из последователей ново-пифагорейства можно упомянуть — Нигидия Фигула, друга Цицерона, П. Ватиния, Арт. Дидима и Евдора. Более поздними представителями неопифагорейства являются Модерат и Аполлоний Тианский. У них было какое-то монистически-дуалистическое представление о происхождении мира из единства и неопределенного двойства, отсюда возводились геометрические построения из единства линий, поверхностей и тел. Практически неопифагоризм прибегал в деле спасения к аскетизму, теургии и магии.

Платонизм — очень родственен неопифагорейству. Он также обязан своим происхождением религиозному и эклектическому течению времени и близко примыкает к философии Антиоха, стремившегося вызвать (будто бы) из забвения древнее учение Платона. Типичным новопифагорейским платоником является Плутарх Херонейский. Философия, по его мнению, должна споспешествовать нравственной жизни. Своей внешней цели философия достигает чрез благочестие и богопознание.

Религиозный синкретизм. Эклектическое религиозно-философское движение охватило только высшие классы общества. Народные же массы начали увлекаться восточными культами; их широко заимствовали и объединяли с прежними своими верованиями. Если эклектизм есть более или менее систематическое соединение положений из разных философских школ, то на религиозной почве **синкретизм** есть как бы механическое нанизывание, скопление, собиранье, почему-либо угодных верований. В конце 1-го века, как выражается Ювенал на своем образном языке, Оронт, Нил и Галлий излились к великому огорчению древних римлян, в Тибр. Изида и Серапис, Цибела и Аттис (сирийский Ваал), Сабаций и Митра — были почитаемы до крайних западных границ, и в Германии, и в Бретании.

Из исторических моментов должно быть отмечено присоединение Селевкидского царства к римскому, как пункт, когда халдеи массами устремились на запад и распространили здесь свое учение. Причиной широкого распространения восточных культов на западе были особые свойства восточных религий — их космополитизм (и индивидуализм) и мистицизм. Между восточными культами самым популярным был культ Митры, который восторжествовал в Риме, в конце концов, над всеми языческими религиями.

Несомненно, главная причина этого лежит в синкретическом характере культа Митры. Неизвестно собственно где зародившись, культ Митры обошел все восточные страны, впитывая в себя особые элементы из всех восточных религий и в частности из мистицизма. Вследствие этого культ Митры сделался как бы интернациональным культом, объединившим в себе все культы древности. И это объединение не было просто внешним, механическим, но, по-видимому, довольно глубоким, органическим. Будучи завершением язычества в религиозном отношении (как неоплатонизм — в религиозно-философском) — “культ Митры,” говорит Грессэ, “занимает посредствующее положение между язычеством и христианством”; правда, он борется с последним, но вместе с тем подготавливает его, — этим объясняется его быстрое распространение, а также его короткое существование.

Чтобы покончить со всеми крупными проявлениями античной мысли в век Рождества Христова, которые так или иначе влияли на развитие христианской науки, а прежде создавали атмосферу и почву, при появлении и распространении христианства, — нам остается сказать еще о неоплатонизме, правда, несколько опережая хронологическое развитие событий.

Неоплатонизм есть последняя форма греческой философии, в которой античный дух, использовав элементы многих предшествовавших учений, возвысился до высоко парящей, отчасти мистической спекуляции. Пытливая мысль направляется в нем особенно на божество и на отношение к нему мира и человека, но не пренебрегает физику, этику и логику. В противоположность к раннейшей космоцентрической и сравнительно поздней антропоцентрической точке зрения греческой философии, выступает в этой последней фазе теоцентрическая, т.е. с преобладанием в центре религиозного элемента. Несмотря на связь с раннейшим, неоплатонизм все философское знание привел в новую философскую систему.

Неоплатонизм возник в Александрии, где в водовороте народностей встречались также тогда значительные философские и религиозные течения и часто сливались. Его основателем был **Аммоний Сакк** (175-242 по Р.Х.), он был воспитан в христианской религии, но позднее снова обратился к эллинизму. Он не оставил письменного изложения своего учения. Это сделал его ученик Плотин (204-268 г.), но обнаружил, опубликовал только ученик последнего Порфирий (†304 г.). Кроме Плотина учениками Ам. Сакка были неоплатонист **Ориген** и христианин **Ориген**, также Лонгин, филолог. От этой александрийско-римской школы отличают сирийскую, во главе которой стоял **Ямвлих**, фантастический теург, — и **афинскую**, которая снова более склонилась к теоретической спекуляции, и в **Прокле** нашла своего славного представителя.

Под неоплатоническим учением собственно разумеют учение Плотина.

Что существенно отличает Плотина от Платона, как и его непосредственных предшественников — это признание единого принципа, стоящего над $\nu\omicron\upsilon\varsigma$. $\nu\omicron\upsilon\varsigma$ для него не был совершенным единством, так как, он в одно и тоже время есть субъект и объект знания $\nu\omicron\omicron\upsilon\upsilon$ и $\nu\omicron\omicron\upsilon\mu\epsilon\nu\omicron\nu$, следовательно, должен распадаться на два. Есть потребность искать нечто высшее, возвышающееся над двойством. Это есть абсолютное единство, одно — $\tau\acute{o}\ \acute{\epsilon}\nu$, высшее, какое только вообще может быть мыслимо. Это не есть разум, но и неразумное, а сверхразумное ($\upsilon\pi\epsilon\rho\beta\epsilon\beta\eta\kappa\acute{o}\varsigma\ \tau\acute{\eta}\nu\ \phi\acute{\upsilon}\sigma\iota\nu$). Единое или божество ближе, точнее определить, положительно представить Плотину не удавалось, т.к. оно выше мысли, выше бытия. Многое возникает из единого путем **эманации**, излучивания ($\pi\epsilon\rho\iota\lambda\alpha\mu\psi\iota\varsigma$), подобно тому, как из солнца исходит окружающий его отблеск. Ничего нет в едином, но все из него. То, что из единого ближайшим образом возникает — это $\nu\omicron\upsilon\varsigma$. Он мыслится как произведение и отражение единого. От единого $\nu\omicron\upsilon\varsigma$ получает творческую силу, он содержит $\kappa\acute{o}\sigma\mu\omicron\varsigma\ \nu\omicron\upsilon\eta\tau\acute{o}\varsigma$, как истинный мыслимый мир, возвышающийся над призрачным миром. Из $\nu\omicron\upsilon\varsigma$ 'а исходит душа, третий принцип Плотина. Она есть посредница между мыслимым и феноменальным миром. Материя представляется у Плотина, как эманация из души. Материя у Плотина как и у Платона, — бескачественное, бесформенное $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\iota\omicron\nu$ (безграничное), которое получает свои формы только чрез $\pi\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma$ (свыше). В $\phi\acute{\upsilon}\sigma\iota\varsigma$ воплощаются $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\iota$, т.е. идеи высшего мира. Эти $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\iota$ Плотина подобны $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\iota$ $\sigma\tau\epsilon\rho\mu\alpha\tau\iota\kappa\acute{o}\iota$ стоиков, только без их свойств материальности. Теодицею, подробнейшую для древнего времени, дает Плотин в

своих книгах *Περὶ προνοίας* (Энн. III, 2 и 3)¹. Здесь доказывается, что данный мир есть лучший и превосходнейший.

Мы рассмотрели в общих чертах религиозные, нравственные и философские воззрения в век Рождества Христова и приходим к выводу, что, с одной стороны, древний мир в рассматриваемое время представлял собою глубоко грустное зрелище падения античного гения, а с другой — открывал светлые точки, к которым могла привиться новая жизнь. Упадок коснулся собственно философии — что касается нравственной стороны, то в теоретическом отношении, в этике происходило какое-то топтание на одном месте, повторение с некоторыми вариациями сократовских воззрений на добродетель, как явление тождественное со знанием, и как цель жизни. Не видя выхода из таких воззрений, люди беспомощно метались в жизни, переходя от стоического ригоризма и неопифагорейского аскетизма в практическое эпикурейство.

Стоики в самоубийстве видели лучший исход человеческой жизни; практические эпикурейцы весь смысл полагали в утонченном гедонизме, а люди низшего развития — вообще в грубых развлечениях.

Положительная сторона развития античного мира сказалась в уклонении человека от внешнего мира и в обращении к самому себе, к своей внутренней религиозно-нравственной жизни. На этом пути люди пришли к постановке серьезных нравственных и религиозных проблем и к сознанию единства человечества и братства. Одной из характернейших черт рассматриваемого времени является искание спасения и стремление к очищению души в различных мистериях. Спасение поставляется в зависимости от сообщения чрез откровение известных истин, от познания Бога, мира и человека. Таким образом, благочестие переходит в гносис.

Религиозные верования иудейского народа.

Две главных задачи были положены в основу воспитания еврейского народа: что Ягве, единый истинный Бог всего мира, призвал еврейский народ в завет с собою и что Ягве вступил в завет с этим народом не для его эгоистических национальных целей, а для спасения всего мира. На укрепление в первой истине ушло все время вплоть до Вавилонского плена. Только после плена народ не уклонялся от Ягве и не подвергался обличению со стороны пророков в идолопоклонстве (ср. кн. Неем. 9. 6,7)².

Вторая задача воспитания еврейского народа — послужить спасению всех людей, вследствие различных неблагоприятных обстоятельств не была достигнута или выполнена. Евреи, в несравненном своем большинстве, были убеждены, что они призваны лишь для собственного блага спасения и наследия в мессианском царстве; другие народы войдут в это царство разве лишь в качестве трофеев избранного народа, т.е. побежденными, рабами его. Это горделивое богопротивное сознание было причиной отвержения народа и его полной катастрофы в 70-135 г. по Р.Х.

До плена Вавилонского (и некоторое время после плена, чрез малых пророков) еврейскому народу было сообщено божественное откровение. После плена началось изучение народом сообщенного откровения. На это дело ушло свыше 10-ти веков, со времени Езд-

1 Порфирий разделил 54 трактата своего учителя на 9 Эннеад и систематизировал весь материал по его содержанию.

2 М. Поснов. Идея завета Бога с Израильским народом. Ст. 166 (См. стр. 47).

ры (конец V в.) до заключения талмудов — Иерусалимского (IV-V в. по Р.Х.) и Вавилонского (VI в.). С объективно-культурной точки зрения, после пленная эпоха является весьма знаменательным временем в истории развития **национального самосознания** израильского народа: это века особого возбуждения внутренней жизни, времена колоссальной работы. Достаточно указать на то, что в это время зародился талмуд, который сделал возможным многовековое существование народа без государства, территории, без храма, царя и первосвященника.

После пленное время характеризуется, как “господство закона,” номократия. Начало этому господству — собственно среди иудеев иерусалимских положил Ездра, учредивший институт книжников. Сильным врагом развития номизма и иудейского национализма явился со 2-ой половины IV в. эллинизм. К этому времени иудеи александрийские, и отчасти палестинские, уже в значительной мере подчинились влиянию эллинизма. Однако, насильственный напор эллинизма, в лице Антиоха Епифана, на целый народ породил маккавейское восстание. С этого времени, тем не менее, развитие жизни под сенью закона было нарушено.

Политическая независимость, достигнутая народом, делается исходным пунктом собственно иудейской, после пророческой апокалиптики и служит к сильному оживлению мессианских чаяний.

За четыре с лишним века до Р.Х., с последним пророком Малахией, прекратилось пророчество в истории еврейского народа и вообще какое бы то ни было сообщение божьего откровения. Это был период самостоятельного усвоения еврейским народом полученного откровения, который открывается эпохой книжничества.

В начале 2-ой половины V-го века священник Ездра, бывший в Вавилоне, услышав о больших неурядицах среди иудеев, вернувшихся из плена в Палестину, с разрешения царя, отправился в Иерусалим, чтобы привести в нормальный порядок жизнь в Иудее. В кн. Неемии (8:1-8) так рассказывается о начале деятельности Ездры среди народа:

“И принес священник Ездра закон пред собрание мужчин и женщин... и читал из него на площади... **И уши всего народа были преклонены к книге закона...** И читали (левиты) из книги, из закона Божия, внятно и присоединяли толкование, и народ понимал прочитанное... Народ умилился и плакал, слушая слово закона. По всему этому (т.е. высказанному в законе) мы даем твердое обязательство и подписываем” (ср. 9:9, 38:10).

Это относится к 445 г. до Р.Х. За это время закон Божий настолько изучен, что может быть к половине II-го века, т.е. ко времени Маккавеев, были выработаны главнейшие положения, которые в половине II-го века по Р.Х. вошли в **Мишну**, кодификация которой приписывается Иуде св. (Гакодеш, конец II-го века). Забегая несколько вперед, скажем сейчас, что Мишна составляет основу талмуда. К Мишне — закону — было составлено толкование — **Гемара**; из Мишны и Гемары состоит **талмуд** иерусалимский, составленный в IV-V в., и Вавилонский — в VI в.

Полное господство закона привело к необходимости ограничения его, или лучше, — восполнения.

Со времени Маккавеев начинается изучение пророков. Люди, искавшие у пророков лишь ответа на вопрос, какая награда их ожидает якобы за исполненный закон, — сделали

из них очень скудные, даже жалкие извлечения, отнюдь не поняв всей глубины их содержания. Люди же глубоко религиозные и несколько мистически настроенные создали на основании пророков величественный образ будущего, хотя быть может носивший в себе следы излишней фантазии и недисциплинированной мысли.

Под влиянием изучения пророков создается **апокалиптика**. Самое название *αποκάλυψις* покоится на обще-библейском или религиозном понятии об откровении вообще. Самым названием своим апокалиптика показывает, что она близко примыкает к пророчеству. Апокалиптики заняты вопросом о судьбе народа избранного: не противоречит ли понятию единого всемогущего Бога и Его народа все, совершающееся с этим народом в мире, при господстве языческих народов. Апокалиптика занята вопросами **эсхатологическими** и решает их в рамках **универсальной** истории. Прямым переходом от пророчества к апокалиптике служит книга пророка Даниила, будучи сама первым апокалипсисом и образцом для последующих. Важнейшими апокалипсисами являются книга **Эноха** (появ. ок. 162-161 до Р.Х.), потом апокалипсисы **Варуха** и **Ездры**, по более вероятному предположению явившиеся после разрушения Иерусалима, т.е. в конце 1-го века. Есть еще апокалипсис, но уже являющийся подражанием не иудейскому пророчеству, а кутающийся в одежду языческого оракула. Мы разумеем **книги Сивиллы** (*oracula Sibyllina*) — литературный сборник разновременного происхождения александрийского Иудейства. Богатством мессианского и эсхатологического материала отличается 3-я книга Сивиллы, и именно стихи 97-807, относящиеся к 140 г. до Р.Х. Неизвестный автор при описании мировых событий и переворотов, изображая те бедствия, которые причинил Египту вышедший из Азии “сильный царь, могучий орел,” продолжает: “тогда (когда бедствия губительной войны достигнут крайних пределов) с востока (соб. от солнца) Бог пошлет царя, который успокоит землю от губительной войны, умерщвляя одних и исполняя твердые обетования другим.”

Рядом с этим апокалиптическим направлением, отнюдь не проникавшим глубоко в народ, жило направление древнейшее его, национально-политическое или рационалистическое. Для последователей его закон был и остался главнейшею опорой жизни и в некотором смысле единственным источником спасения. С этой точки зрения закона смотрели и на религию и на самое будущее избавление. Религия, вместо прежнего союза, как интимного взаимоотношения Бога с народом, получила характер делового, жизненно-практического договора. Народ обязан исполнить весь закон, а Бог должен даровать ему за это спасение. **Мессия для них был дорог не как откровение живого Бога, а как носитель благ для своего народа.** Поэтому не удивительно, что за деревьями будущих благ забывается иногда и Мессия (как, например, в книге Юбилеев, Вознесении Моисея и др.). Первым литературным памятником, где дает себя знать рационалистическое направление, является книга Сираха. В ней именно проводится идея о законе, как главнейшем источнике спасения, и не упоминается о Мессии. Сильно дает себя знать рационально-политическое направление в книгах Варуха и Товита. В книге **Юбилеев** или Малом Бытии, написание которой можно только с вероятностью относить к 1-му веку до Р.Х., совсем не упоминается о мессианском царе, но изображению будущих мессианских эсхатологических времен в этой книге достаточно отведено места (особ. гл. 1 и 23). Апокалиптическая книга “Псалмы Соломона” есть наиболее яркое выражение национально-политического направления.

Что касается воззрений на Мессию народных масс, то они проникнуты, согласно нашим евангелиям, национально-политическим характером; от этого взгляда не были свободны и лучшие израильтяне, например, Захария, ученики Христовы и другие. Они лишь не настаивали, не упорствовали в своих воззрениях, а, в конце концов, смиренно подчинились воле Божьей. Идея христианского посреднического служения ближним, тем более братства со всеми народами была чужда сознанию иудея. Это-то его эгоистическое желание царства Мессии для себя и было Ахиллесовой пятой для него, при первом пришествии Иисуса Христа.

Примечание. По общему мнению исследователей, иудеи не имели учения о Страждущем Мессии до III в. по Р.Х. В книгах апокрифических, в частности в апокалипсисах, такого учения не содержится. — Из “Разговора с Трифоном-иудеем” (глава LVIII) св. Иустина следует, что во II-ом веке некоторые из иудеев стали признавать необходимость страданий и смерти Христа, но упорно оспаривали образ смерти на кресте, ссылаясь на закон (“проклят всяк, висий на древе”).

Возникновение Новозаветных книг

Новый Завет.

Самым ранним разделением Библии, идущим из времен первенствующей христианской Церкви, было разделение ее на две далеко не равные части, получившие название Ветхого и Нового Завета.

Такое разделение всего состава библейских книг обусловлено было их отношением к главному предмету Библии, т. е. к личности Мессии: те книги, которые были написаны до пришествия Христа и лишь пророчески Его предъизображали, вошли в состав “Ветхого Завета,” а те, которые возникли уже после пришествия в мир Спасителя и посвящены истории Его искупительного служения и изложению основ учрежденной Иисусом Христом и Его св. апостолами Церкви, образовали собой “Новый Завет.”

Все эти термины, т. е. как самое слово “Завет,” так и соединение его с прилагательными “ветхий” и “новый” завет взяты из самой же Библии, в которой они, помимо своего общего смысла, имеют и специальный, в котором употребляем их и мы, говоря об известных библейских книгах.

Слово завет (евр. — “berit,” греч. — *diathiki*, лат. — *testamentum*), на языке Св. Писания и библейского употребления, прежде всего, значить известное постановление, условие, закон, на котором сходятся две договаривающиеся стороны, а отсюда уже — самый этот договор или союз, а также и внешние знаки, которые служили его удостоверением, скрепой, как бы печатью (*testamentum*). А так как священные книги, в которых описывался этот завет или союз Бога с человеком, являлись, конечно, одним из лучших средств его удостоверения и закрепления в народной памяти, то на них весьма рано было перенесено также и название “завета.” Оно существовало уже в эпоху Моисея, как это видно из 7 ст. 24 гл. кн. Исхода, где прочитанная Моисеем еврейскому народу запись Синайского законодательства названа книгой завета (“сефер хабберит”). Подобные же выражения, обозначающие собой уже не одно Синайское законодательство, а все Моисеево Пятикнижие, встречаются и в последующих ветхозаветных книгах (4 Цар. 23:2, 21; Прем. Сирах. 24:25; 1 Мак. 1:57). Ветхому же Завету принадлежит и первое, еще пророческое указание на “Но-

вый Завет,” именно, в известном пророчестве Иеремии: “вот наступят дни, говорит Господь, когда я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет” (Иер. 31:31).

Впоследствии термин Новый Завет неоднократно употреблялся самим Иисусом Христом и святыми Его апостолами для обозначения начавшейся истории искупленного и облагодаствованного человечества (Мат. 24:28; Мар. 14:24; Лук. 22:20; 1 Кор. 11:25; 2 Кор. 3:6 и др.).

Подобно тому, как десятословие (Десять заповедей), или весь закон назывались “заветом,” точно также выражение “новый завет” стало прилагаться в христианской Церкви к священным книгам, в которых содержится учение Христа и апостолов. [С таким значением мы встречаем термин “Новый Завет” в конце 2-го и в начале 3-го века по Рождестве Христове, именно у Климента Александрийского (+180 г.), у Тертуллиана (+220 г.) и у Оригена (+260 г.).]

Впрочем, состав новозаветных священных книг имел в древности и другие наименования. Так, он назывался “Евангелие и Апостол,” как состоящий из четырех книг евангельских и двадцати трех произведений священной апостольской письменности. Наконец, как и Ветхозаветные книги, состав Новозаветных книг у Отцов и Учителей Церкви называется нередко просто “Писанием.”

Состав Нового Завета.

В Новом Завете всего находятся 27 священных книг: четыре Евангелия, книга Деяний Апостольских, семь соборных посланий, четырнадцать посланий апостола Павла и Апокалипсис ап. Иоанна Богослова. Два Евангелия принадлежат двоим апостолам из числа 12-ти — Матфею и Иоанну, два — сотрудникам апостолов — Марку и Луке. Книга Деяний написана также сотрудником апостола Павла — Лукою. Из семи соборных посланий — пять принадлежат апостолам из числа 12-ти — Петру и Иоанну и два — братьям Господа по плоти, Иакову и Иуде, которые также носили почетное наименование апостолов, хотя и не принадлежали к лику 12-ти. Четырнадцать посланий написаны Павлом, который, хотя был призван и поздно Христом, но тем не мене, как призванный именно Самим Господом к служению, является апостолом в высшем смысле этого слова, совершенно равным по достоинству в Церкви с 12-ю апостолами. Апокалипсис принадлежит апостолу из числа 12-ти Иоанну Богослову.

Таким образом видно, что всех писателей новозаветных книг — восемь. Более всех потрудился в составлении писаний великий учитель языков ап. Павел, который основал много церквей, требовавших от него письменного наставления, которое он и преподавал в своих посланиях. [Некоторые западные богословы высказывают предположение, что настоящий состав новозаветных книг — не полный, что в него не вошли утерянные послания апостола Павла — 3-е к Коринфянам (написанное будто бы в промежуток между 1-м и 2-м посланиями к Коринфянам, к Лаодикийцам, к Филиппийцам (2-е). Но, как будет показано в толковании на послания апостола Павла, те места из посланий этого апостола, на какие ссылаются западные богословы в подтверждение своего предположения, могут быть объяснены и не как указания на утерянные будто бы послания. Притом невозможно допустить, чтобы христианская Церковь, с таким уважением относившаяся к апостолам и в частности к апостолу Павлу, могла совершенно утратить какое либо из апостольских проповеданий].

Разделение новозаветных книг по содержанию.

По содержанию своему священные книги Нового Завета разделяются на 3 разряда: 1) исторические, 2) учительные и 3) пророческие.

Исторические книги — это четыре Евангелия: Матвея, Марка, Луки и Иоанна и книга Деяний Апостольских. Они дают нам историческое изображение жизни Господа нашего Иисуса Христа (Евангелия) и историческое изображение жизни и деятельности апостолов, распространявших Церковь Христову по всему миру (книга Деяний Апостольских).

Учительные книги — это Послания Апостольские, представляющие собой письма, написанные апостолами к разным церквам. В этих письмах апостолы разъясняют различные недоумения относительно христианской веры и жизни, возникавшие в церквах, обличают читателей посланий за разные допускаемые ими беспорядки, убеждают их твердо стоять в преданной им христианской вере и разоблачают лжеучителей, смущавших покой первенствующей Церкви. Словом, апостолы выступают в своих посланиях, как учителя порученного им попечению стада Христова, будучи притом часто и основателями тех церквей, к коим они обращаются. Последнее имеет место по отношению почти ко всем посланиям ап. Павла.

Пророческая книга в Новом Завете только одна: Это Апокалипсис ап. Иоанна Богослова. Здесь содержатся различные видения и откровения, каких удостоился этот апостол и в которых предъизображена будущая судьба Церкви Христовой до ее прославления, т. е. до открытия на земле царства славы.

Так как предметом содержания Евангелий служит жизнь и учение Самого Основателя нашей веры — Господа Иисуса Христа и так как, несомненно, в Евангелии мы имеем основание для всей нашей веры и жизни, то принято называть четыре Евангелия книгами **законоположительными**. Этим наименованием показывается, что Евангелия имеют для христиан такое же значение, какое имел для евреев Закон Моисеев — Пятикнижие.

Краткая история канона свящ. книг Нового Завета.

Слово “канон” (*kanon*) первоначально означало “трость,” а потом стало употребляться для обозначения того, что должно служить правилом, образцом жизни (напр., Гал. 6:16; 2 Кор. 10:13-16). Отцы Церкви и соборы этим термином обозначили собрание священных богодухновенных писаний. Поэтому канон Нового Завета — есть собрание священных богодухновенных книг Нового Завета в его настоящем виде.

Примечание: По взгляду некоторых протестантских богословов, новозаветный канон есть нечто случайное. Некоторым писаниям, даже и не апостольским, просто посчастливилось попасть в канон, так как они почему-либо вошли в употребление при богослужении. И самый канон, по представлению большинства протестантских богословов, есть не иное что, как простой каталог или перечень употреблявшихся при богослужении книг. Наоборот, православные богословы видят в каноне не иное что, как переданный апостольскою Церковью последующим поколениям христиан, признанный в то уже время состав священных новозаветных книг. Книги эти, по представлению православных богословов, не всем церквам были известны, может быть потому, что имели или слишком частное назначение (напр., 2-е и 3-е послания ап. Иоанна) или слишком уже общее (послание к Евреям), так что неизвестно было, к какой церкви обратиться за справками относительно имени автора того или другого такого послания. Но несомненно, что это были книги, подлинно принадлежавшие тем лицам, имена которых они на себе носили. Церковь не случайно приняла их в канон, а вполне сознательно, придавая им то значение, какое они в действительности имели.

Чем же руководилась первенствующая Церковь, принимая в канон ту или другую священную новозаветную книгу? Прежде всего так называемым историческим Преданием. Исследовали, действительно ли та или другая книга получена прямо от Апостола или сотрудника апостольского, и, по строгом исследовании, вносили эту книгу в состав книг богодухновенных. Но при этом обращали также внимание и на то, согласно ли учение, содержащееся в рассматриваемой книге, во-первых, с учением всей Церкви и, во-вторых, с учением того Апостола, имя которого носила на себе эта книга. Это — так называемое догматическое предание. И никогда не бывало, чтобы Церковь, раз признав какую либо книгу канонической, впоследствии изменяла на нее свой взгляд и исключала её из канона. Если отдельные отцы и учителя Церкви и после этого все-таки признавали некоторые новозаветные писания не подлинными, то это был лишь их частный взгляд, который нельзя смешивать с голосом Церкви. Точно также не бывало и того, чтобы Церковь сначала не принимала какой либо книги в канон, а потом включила бы её. Если на некоторые канонические книги и нет указаний в писаниях мужей апостольских (напр., на послание Иуды), то это объясняется тем, что мужам апостольским не было повода цитировать эти книги.

Таким образом Церковь, путем критической проверки, с одной стороны, устраняла из всеобщего употребления те книги, какие по местам незаконно пользовались авторитетом подлинно апостольских произведений, с другой — устанавливала как всеобщее правило, чтобы во всех церквях признавались подлинно-апостольскими те книги, какие, может быть, некоторым частным церквям были неизвестны. Ясно отсюда, что с православной точки зрения может быть речь не об “образовании канона,” а только об “установлении канона.” Церковь ничего не “творила из себя” в этом случае, а только, так сказать, констатировала точно проверенные факты происхождения священных книг от известных богодухновенных мужей Нового Завета.

Это “установление канона” продолжалось очень долгое время. Еще при апостолах, несомненно, существовало уже нечто вроде канона, что можно подтвердить ссылкой ап. Павла на существование собрания слов Христа (1 Кор. 7:25) и указанием ап. Петра на собрание Павловых посланий (2 Петр. 3:15-16). По мнению некоторых древних толкователей (напр. Феодора Мопсуэтского) и новых напр., прот. А. В. Горского, больше всех в этом деле потрудился ап. Иоанн Богослов (Приб. к Твор. Св. Отцов, т. 24, стр. 297-327). Но собственно первый период истории канона — это период мужей апостольских и христианских апологетов, продолжающийся приблизительно с конца 1-го века и до 170-го года. В этот период мы находим большей частью довольно ясные указания на книги, вошедшие в новозаветный канон; но писатели этого периода все-таки очень редко прямо обозначают, из какой священной книги они берут то или другое место, так что у них мы находим так называемые “глухие цитаты.” Притом, как говорит Барт в своем “Введении в Новый Завет” (изд. 1908 г., стр. 324), в те времена еще в полном расцвете были духовные дарования и было много богодухновенных пророков и учителей, так что искать основы для своих учений писатели 2-го века могли не в книгах, а в устном учении этих пророков и вообще в устном церковном предании. Во второй период, продолжавшийся до конца третьего века, появляются уже более определенные указания на существование принятого Церковью состава новозаветных священных книг. Так, фрагмент, найденный ученым Мураторием в Миланской библиотеке и относящийся приблизительно к 200—210 г.г. по Р. Х., дает ис-

торическое обозрение почти всех новозаветных книг: не упомянуто в нем только о послании к Евреям, о послании Иакова и о 2-м посл. ап. Петра. Этот фрагмент свидетельствует, конечно, главным образом о том, в каком составе устанавливался канон к концу 2-го века в западной Церкви. О состоянии канона в восточной Церкви свидетельствует сирский перевод Нового Завета, известный под именем Пешито. В этом переводе упомянуты почти все наши новозаветные книги, за исключением 2-го посл. ап. Петра, 2 и 3 посл. Иоанна, послания Иуды и Апокалипсиса. О состоянии канона в церкви Карфагенской свидетельствует Тертуллиан. Он удостоверяет подлинность послания Иуды и Апокалипсиса, но за то не упоминает о посланиях Иакова и 2-м ап. Петра, а послание к Евреям приписывает Варнаве. Св. Иринеи Лионский является свидетелем о веровании церкви Галльской. По нему, в этой церкви признавались каноническими почти все наши книги, исключая 2-го посл. ап. Петра и посл. Иуды. Не цитируется также послание к Филимону. О веровании александрийской церкви свидетельствуют св. Климент Александрийский и Ориген. Первый пользовался всеми новозаветными книгами, а последний признает апостольское происхождение всех наших книг, хотя сообщает, что относительно 2-го посл. Петра, 2 и 3 посл. Иоанна, посл. Иакова, посл. Иуды и посл. к Евреям были в его время несогласия.

Таким образом во второй половине второго века несомненно богодухновенными апостольскими произведениями признавались повсюду в Церкви следующие св. книги: четыре Евангелия, книга Деяний Апостольских, 13 посланий ап. Павла, 1-е Иоанна и 1-е Петра. Прочие же книги были менее распространены, хотя и признавались Церковью за подлинные. В третий период, простиравшийся до второй половины 4-го века, канон окончательно устанавливается в том виде, какой он имеет в настоящее время. Свидетелями веры всей Церкви выступают здесь: Евсевий Кесарийский, Кирилл Иерусал., Григорий Богослов, Афанасий Александрийский, Василий Вел. и др. Наиболее обстоятельно говорит о канонических книгах первый из этих свидетелей. По его словам в его время некоторые книги были признаваемы всею Церковью (*ta omologumena*). Это именно: четыре Евангелия, кн. Деяний, 14 посланий ап. Павла, 1-е Петра и 1-е Иоанна. Сюда он причисляет, впрочем с оговоркой (“если угодно будет”), и Апокалипсис Иоанна. Затем у него идет класс спорных книг (*antilegomena*), разделяющийся на два разряда. В первый разряд он помещает книги, принятые многими, хотя и спорные. Это — послания Иакова, Иуды, 2-е Петра и 2-е и 3-е Иоанна. Ко второму разряду он относит книги подложные (*notha*), каковы: Деяния Павла и др., а также, “если угодно будет,” и Апокалипсис Иоанна. Сам же он лично все наши книги считает подлинными, даже и Апокалипсис. Решительное же влияние в восточной Церкви получил перечень книг Нового Завета, имеющийся в пасхальном послании св. Афанасия Александрийского (367-го года). Перечислив все 27 книг Нового Завета, св. Афанасий говорит, что только в этих книгах возвещается учение благочестия и что от этого собрания книг ничего нельзя отнимать, как нельзя что-либо и прибавлять к нему. Принимая во внимание великий авторитет, какой в восточной церкви имел св. Афанасий, этот великий борец с арианством, можно с уверенностью заключить, что предложенный им канон Нового Завета был принят всей восточной Церковью, хотя после Афанасия не последовало какого-либо соборного решения относительно состава канона. Заметить нужно, впрочем, что св. Афанасий указывает при этом на две книги, которые хотя и не канонизованы Церковью, но предназначены для чтения вступающим в Церковь. Эти книги — учение двенадцати апостолов и Пастырь Ерма. Всё остальное св. Афанасий отвергает, как еретическое измышление (т.е. книги, носившие ложно имена апостолов). В западной

Церкви канон Нового Завета в настоящем его виде окончательно установлен на соборах в Африке — Иппонском (393-го г.) и двух Карфагенских (397 и 419 г.). Принятый этими соборами канон Нового Завета римская церковь санкционировала декретом папы Геласия (492-496).

Те христианские книги, какие не вошли в канон, хотя и высказывали на это притязания, были признаны апокрифическими и предназначены едва ли не на полное уничтожение.

Примечание: У евреев было слово “гануз,” соответствующее по смыслу выражению “апокрифический” (от *opokriptin*, скрывать) и в синагоге употреблявшееся для обозначения таких книг, которые не должны были употребляться при совершении богослужения. Какого-либо порицания этот термин однако в себе не заключал. Но впоследствии, когда гностики и другие еретики стали хвалиться тем, что у них есть книги “сокровенные,” в которых будто бы содержится истинное апостольское учение, которое апостолы не хотели сделать достоянием толпы, Церковь, собиравшая канон, отнеслась уже с осуждением к этим “сокровенным” книгам и стала смотреть на них, как на “ложные, еретические, поддельные” (декрет папы Геласия).

В настоящее время известны семь апокрифических евангелий, из которых шесть дополняют с разными украшениями историю происхождения, рождения и детства Иисуса Христа; а седьмое — историю Его осуждения. Древнейшее и самое замечательное между ними — Первоевангелие Иакова, брата Господня, затем идут: греческое евангелие Фомы, греческое евангелие Никодима, арабская история Иосифа древодела, арабское евангелие детства Спасителя и, наконец, — латинское евангелие о рождении Христа от св. Марии и история о рождении Марию Господа и детстве Спасителя. Эти апокрифические евангелия переведены на русский язык прот. П. А. Преображенским. Кроме того, известны некоторые отрывочные апокрифические сказания о жизни Христа (напр., письмо Пилата к Тиверию о Христе).

В древности, нужно заметить, кроме апокрифических, существовали еще неканонические евангелия, до нашего времени не дошедшие. Они, по всей вероятности, содержали в себе то же, что содержится и в наших канонических Евангелиях, из которых они и брали сведения. Это были: Евангелие от евреев — по всей вероятности испорченное Евангелие Матфея, — евангелие от Петра, апостольские памятные записи Иустина мученика, Тацианово евангелие по четырем (свод евангелий), евангелие Маркионово — искаженное Евангелие от Луки.

Из недавно открытых сказаний о жизни и учении Христа заслуживают внимания: “Логия” или слова Христа — отрывок, найденный в Египте; в этом отрывке приводятся краткие изречения Христа с краткой начинательной формулой: “говорит Иисус.” Это отрывок глубочайшей древности. Из истории апостолов заслуживает внимания недавно найденное “Учение двенадцати апостолов,” о существовании которого знали уже древние церковные писатели и которое теперь переведено на русский язык. В 1886-м г. найдено 34 стиха апокалипсиса Петра, который был известен еще Клименту Александрийскому. Нужно упомянуть еще о различных “деяниях” апостолов, напр., Петра, Иоанна, Фомы и др., где сообщались сведения о проповеднических трудах этих апостолов. Эти произведения, несомненно, принадлежат к разряду так называемых “псевдо-эпиграфов,” т.е. к разряду подложных. Тем не менее эти “деяния” пользовались большим уважением среди простых благочестивых христиан и были очень распространены. Некоторые из них вошли после известной переделки в так называемые “деяния святых,” обработанные болландистами, и отсюда св. Дмитрием Ростовским перенесены в наши Жития святых (Минеи-Четьи). Так, это можно сказать о житии и проповеднической деятельности апостола Фомы.

Порядок новозаветных книг в каноне.

Книги новозаветные нашли себе место в каноне соответственно своей важности и времени своего окончательного признания. На первом месте, естественно, стали четыре Евангелия, за ними — книга Деяний Апостольских и затем Апокалипсис образовал собой заключение канона. Но в отдельных кодексах некоторые книги занимают не то место, ка-

кое они занимают у нас теперь. Так, в Синайском кодексе книга Деяний Апостольских стоит после посланий ап. Павла. Греческая Церковь до 4-го века соборные послания поместила после посланий ап. Павла. Самое название “соборные” первоначально носили только 1-е Петра и 1-ое Иоанна и только со времени Евсевия Кесарийского (4 в.) это название стало применяться ко всем семи посланиям. Со времени же Афанасия Александрийского (половина 4-го в.) соборные послания в греческой Церкви заняли их настоящее место. Между тем на западе их по прежнему помещали после посланий ап. Павла. Даже и Апокалипсис в некоторых кодексах стоит ранее посланий ап. Павла и даже ранее книги Деяний. В частности, и Евангелия идут в разных кодексах в разном порядке. Так, одни, несомненно, ставя на первое место апостолов, помещают Евангелия в таком порядке: Матфея, Иоанна, Марка и Луки, или, придавая особое достоинство Евангелию Иоанна, ставят его на первое место. Другие ставят на последнем месте Евангелие Марка, как самое краткое. Из посланий ап. Павла, кажется, первоначально первое место в канон занимали два к Коринфянам, а последнее — к Римлянам (фрагмент Муратория и Тертуллиан). Со времени же Евсевия первое место заняло послание к Римлянам, — как по своему объему, так и по важности церкви, к которой оно написано, действительно, заслуживающее этого места. В расположении четырех частных посланий (1 Тим., 2 Тим., Тит., Фил.) руководились, очевидно, их объемом, приблизительно одинаковым. Послание к Евреям на востоке ставилось 14-м, а на западе — 10-м в ряду посланий ап. Павла. Понятно, что западная церковь из числа соборных посланий на первом месте поставила послания ап. Петра. Восточная же Церковь, ставя на первое место послание Иакова, вероятно, руководилась перечислением апостолов у ап. Павла (Гал. 2:9).

История канона Нового Завета со времени реформации.

В течение средних веков канон оставался неоспоримым, тем более что книги Нового Завета сравнительно мало читались частными лицам, а при богослужении из них читались только известные зачала или отделы. Простой народ больше интересовался чтением сказаний о жизни святых, и католическая Церковь даже с некоторым подозрением смотрела на интерес, какой отдельные общества, как, напр., Вальденсы, обнаруживали к чтению Библии, иногда даже воспрещая чтение Библии на народном языке. Но в конце средних веков гуманизм возобновил сомнения относительно писаний Нового Завета, которые и в первые века составляли предмет споров. Реформация еще сильнее стала возвышать свой голос против некоторых новозаветных писаний. Лютер в своем переводе Нового Завета (1522 г). в предисловиях к новозаветным книгам высказал свой взгляд на их достоинство. Так, по его мнению, послание к Евреям написано не апостолом, как и послание Иакова. Не признает он также и подлинность Апокалипсиса и послания ап. Иуды. Ученики Лютера пошли еще дальше в строгости, с какою они относились к различным новозаветным писаниям и даже стали прямо выделять из новозаветного канона “апокрифические” писания: до начала 17-го века в лютеранских библиях даже не исчислялись в числе канонических 2-е Петра, 2-е и 3-е Иоанна, Иуды и Апокалипсис. Только потом исчезло это различие писаний и восстановился древний новозаветный канон. В конце 17-го столетия, однако, появились сочинения критического характера о новозаветном каноне, в которых высказаны были возражения против подлинности многих новозаветных книг. В том же духе писали рационалисты 18-го века (Земдер, Михаелис, Эйхгорм), а в 19-м в. Шлейермахер высказал сомнение в подлинности некоторых Павловых посланий. Де-Ветте отверг подлинность

пяти из них, а Ф. Х. Баур признал из всего Н. Завета подлинно апостольскими только четыре главных послания ап. Павла и Апокалипсис.

Таким образом, на западе в протестантстве снова было пришли к тому же, что переживала Христианская Церковь в первые столетия, когда одни книги признавались подлинными апостольскими произведениями, другие — спорными. На Новый Завет уже установился такой взгляд, что он представляет собою только собрание литературных произведений первохристианства. При этом последователи Ф. Х. Баура — Б. Бауер, Ломан и Штек уже не нашли возможным признать ни одну из новозаветных книг подлинно апостольским произведением... Но лучшие умы протестантства увидели всю глубину пропасти, куда увлекала протестантство школа Баура, или Тюбингенская и выступили против её положений с вескими возражениями. Так, Ричль опроверг основной тезис Тюбингенской школы о развитии первохристианства из борьбы Петринизма и Павлинизма, а Гарнак доказал, что на новозаветные книги следует смотреть, как на истинно апостольские произведения. Еще более сделали для восстановления значения новозаветных книг в представлении протестантов ученые Б. Вейс, Годэ и Т. Цан. “Благодаря этим богословам — говорит Барт, — никто уже не может теперь отнять у Нового Завета того преимущества, что в нем, и только в нем, мы имеем сообщения об Иисусе и об откровении в Нем Бога” (Введение 1908 г., стр. 400). Барт находит, что в настоящее время, когда господствует такая смута в умах, протестантству особенно важно иметь “канон,” как руководство, данное от Бога для веры и жизни, и — заканчивает он — мы имеем его в Новом Завете (там же).

Действительно, новозаветный канон имеет огромное, можно сказать, ни с чем несравнимое значение для христианской Церкви. В нем мы находим прежде всего такие писания, которые представляют христианство в его отношении к иудейскому народу (евангелие от Матвея, послание Иакова и послание к Евреям), к языческому миру (1 и 2 к Солуньянам, 1 к Коринфянам). Далее мы имеем в новозаветном каноне писания, которые имеют свою цель устранить опасности, угрожавшие христианству со стороны иудейского понимания христианства (к Галатам посл.), со стороны иудейско-законнического аскетизма (посл. к Колоссянам), со стороны языческого стремятся понимать религиозное общество, как частный кружок, в котором можно жить отдельно от общества церковного (посл. к Ефессянам). В посланий к Римлянам указывается на всемирное назначение христианства, тогда как книга Дияний указывает, как осуществилось это назначение в истории. Словом, книги новозаветного канона дают нам полную картину первенствующей Церкви, рисуют жизнь и задачи ее со всех сторон. Если бы, на пробу, мы захотели отнять от канона Нового Завета какую-нибудь книгу, напр., послание к Римлянам или к Галатам, мы этим нанесли бы существенный вред целому. Ясно, что Дух Святой руководил Церковью в деле постепенного установления состава канона, так что Церковь внесла в него действительно апостольские произведения, которые к своему существованию вызваны были самыми существенными нуждами Церкви.

Язык книг Нового Завета.

Во всей римской империи во времена Господа Иисуса Христа и Апостолов господствующим языком был греческий: его понимали повсюду, почти везде на нем и говорили. Понятно, что и писания Нового Завета, которые были предназначены Промыслом Божиим для распространения по всем церквам, появились также на греческом языке, хотя писатели их почти все, за исключением св. Луки, были иудеи. Об этом свидетельствуют и неко-

торые внутренние признаки этих писаний: возможная только в греческом языке игра слов, свободное, самостоятельное отношение к 70-ти, когда приводятся ветхозаветные места — все это, несомненно, указывает на то, что они написаны на греческом языке и предназначены для читателей, знающих греческий язык.

Впрочем, греческий язык, на котором написаны книги Нового Завета, это не тот классический греческий язык, на котором писали прирожденные греческие писатели времени расцвета греческой литературы. Это так называемый *kini_dialektos*, т.е. близкий к древнеаттическому диалекту, но не слишком отличавшийся и от других диалектов. Кроме того в него вошли многие арамеизмы и другие чуждые слова. Наконец, в этот язык введены были особые новозаветные понятия, для выражения которых однако пользовались старыми греческими словами, получившими через это особое новое значение (напр., слово *h_{ar}is* “приятность” в священном новозаветном языке стало означать “благодать”). Подробнее об этом см. в статье проф. С. И. Соболевского *Kini_dialektos*, помещенной в Прав. Богосл. Энциклопедии, т. 10.

Текст Нового Завета.

Оригиналы новозаветных книг все погибли, но с них давно уже были сняты копии (*antigrafa*). Всего чаще списывались Евангелия и всего реже — Апокалипсис. Писали тростником (*kalamos*) и чернилами (*melan*) и больше — в первые столетия — на папирусе, так что правая сторона каждого папирусного листа приклеивалась к левой стороне следующего листа. Отсюда получалась полоса большей или меньшей длины, которую потом накатывали на скалку. Так возникал свиток (*tomos*), который хранился в особом ящике (*fenolis*). Так как чтение этих полос, написанных только с передней стороны, было неудобно и материал был непрочен, то с 3-го столетия стали переписывать новозаветные книги на кожах или пергаменте. Так как пергамент был дорог, то многие пользовались имевшимися у них старинными рукописями на пергаменте, стирая и выскабливая написанное на них и помещая здесь какое-нибудь другое произведение. Так образовались палимпсесты. Бумага вошла в употребление только в 8-м столетии.

Слова в рукописях Нового Завета писались без ударений, без дыханий, без знаков препинания и притом с сокращениями (напр., ИС вместо Иисус, ПНА вместо *pnevma*), так что читать эти рукописи было очень трудно. Буквы а первые шесть веков употреблялись только прописные (унциальные рукописи от “унция” — дюйм). С 7-го, а некоторые говорят, с 9-го века, появились рукописи обыкновенного курсивного письма. Тогда буквы уменьшились, но стали более частыми сокращения. С другой стороны прибавлены были ударения и дыхания. Первых рукописей насчитывается 130, а последних (по счету фон-Содена) — 3700. Кроме того, существуют так называемые лекционарии, содержащие в себе то евангельские, то апостольские чтения для употребления при богослужении (евангелиарии и праксапостолы). Их насчитывается около 1300 и древнейшие из них восходят по своему происхождению к 6-му столетию.

Кроме текста, рукописи содержат в себе, обыкновенно, введения и послесловия с указаниями на писателя, время и место написания книги. Для ознакомления с содержанием книги в рукописях, разделяемых на главы (*kefalea*), пред этими главами помещаются обозначения содержания каждой главы (*titla, argumenta*). Главы разделяются на части (*hypodieresis*) или отделы, а эти последние на стихи (*kola, stihhi*). По числу стихов и определялась величина книги и ее продажная цена. Эта обработка текста обыкновенно приписывается епископу Сардинскому Евфалию (7-гр в.), но на самом деле все эти

вается епископу Сардинскому Евфалию (7-гр в.), но на самом деле все эти деления имели место гораздо раньше. Для истолковательных целей Аммоний (в 3-м в.) к тексту Евангелия Матфея присоединил параллельные места из других Евангелий. Евсевий Кесарийский (в 4-м в.) составил десять канонов или параллельных таблиц, на первой из которых помещались обозначения отделов из Евангелия, общих всем четырем евангелистам, на второй — обозначения (числами) — общих трем и т. д. до десятого, где указаны рассказы, содержащиеся только у одного евангелиста. В тексте же Евангелия отмечено было красной цифрой, к какому канону относится тот или другой отдел. Наше настоящее деление текста на главы сделано сначала англичанином Стефаном Лангтоном (в 13-м в.), а разделение на стихи — Робертом Стефаном (в 16-м в.).

С 18-го в. унциальные рукописи стали обозначаться большими буквами латинского алфавита, а курсивные — цифрами. Важнейшие унциальные рукописи суть следующие:

- Синайский кодекс, найденный Тишендорфом в 1856-м г. в Синайском монастыре св. Екатерины. Он содержит в себе весь Новый Завет вместе с посланием Варнавы и значительную часть “Пастыря” Ерма, а также каноны Евсевия. На нем заметны корректуры семи различных рук. Написан он в 4-м или 5-м веке. Хранится в Петербургской Публ. Библ. С него сделаны фотографические снимки.
- Александрийский, находится в Лондоне. Здесь помещен Новый Завет не в полном виде, вместе с 1-м и частью 2-го послания Климента Римского. Написан в 5-м в. в Египте или в Палестине.
- Ватиканский, заключающийся 14-м стихом 9-й главы послания к Евреям. Он, вероятно, написан кем-либо из лиц, близко стоявших к Афанасию Александрийскому, в 4-м в. Хранится в Риме.
- Ефремов. Это — палимпсест, названный так потому, что на тексте библейском написан впоследствии трактат Ефрема Сирина. Он содержит в себе только отрывки Нового Завета. Происхождение его — египетское, относится к 5-му в.. Хранится в Париже.

Перечень прочих рукописей, позднейшего происхождения, можно видеть в 8-м издании Нового Завета Тишендорфа.

Переводы и цитаты.

Вместе с греческими рукописями Нового Завета, в качестве источников для установления текста Нового Завета весьма важны и переводы святых книг Нового Завета, начавшие появляться уже во 2-м веке. Первое место между ними принадлежит сирским переводам как по их древности, так и по их языку, который приближается к тому арамейскому наречию, на котором говорили Христос и апостолы. Полагают, что Диатессарон (свод 4-х Евангелий) Тациана (около 175-го года) был первым сирским переводом Нового Завета. Затем идет кодекс сиро-синайский (SS), открытый в 1892-м г. на Синае г-жой А. Lewis. Важен также перевод, известный под именем Пешитта (простой), относящийся ко 2-му веку; впрочем, некоторые ученые относят его к 5-му веку и признают трудом Едесского епископа Рабулы (411-435 г.). Большую важность имеют также египетские переводы (саидский, файюмский, богаирский), эфиопский, армянский, готский и древне-латинский,

впоследствии исправленный блаж. Иеронимом и признанный в католической церкви самым достоверным (Вульгата).

Немалое значение для установления текста имеют и цитаты из Нового Завета, имеющиеся у древних Отцов и Учителей Церкви и церковных писателей. Собрание этих цитат (тексты) изданы Т. Цаном.

Славянский перевод Нового Завета с греческого текста был сделан св. равноапостольными Кириллом и Мефодием во второй половине девятого века и вместе с христианством перешел к нам в Россию при св. Владимире. Из сохранившихся у нас списков этого перевода особенно замечательно Остромирово Евангелие, писанное в половине 11-го века для посадника Остромира. Затем в 14-м в. святителем Алексием, митрополитом московским, сделан был перевод св. книг Нового Завета, в то время когда св. Алексей находился в Константинополе. Перевод этот хранится в Московской синодальной библиотеке и в 90-х годах 19-го в. издан фототипическим способом. В 1499-м г. Новый Завет вместе со всеми библейскими книгами был исправлен и издан Новгородским митрополитом Геннадием. Отдельно весь Новый Завет был напечатан впервые на славянском языке в г. Вильно в 1623-м г. Затем он, как и другие библейские книги, был исправляем в Москве при синодальной типографии и, наконец, издан вместе с Ветхим при императрице Елизавете в 1751-м г. На русский язык прежде всего в 1819-м г. было переведено Евангелие, а в целом виде Новый Завет появился на русском языке в 1822-м г., в 1860-м же г. был издан в исправленном виде. Кроме синодального перевода на русский язык есть еще русские переводы Нового Завета, изданные в Лондоне и Вене. В России их употребление воспрещено.

Судьба новозаветного текста.

Важность новозаветного текста, его переписывание для употребления в церквях и интерес читателей к его содержанию были причиной того, что в древнее время многое в этом тексте изменялось, на что жаловались в свое время, напр., Дионисий Коринфский, св. Ириней, Климент Александрийский и др. Изменения вносились в текст и намеренно, и ненамеренно. Первое делали или еретики, как Маркион, или ариане, второе же — переписчики, неразбиравшие слова текста или, если они писали под диктовку, не сумевшие различить, где кончается одно слово или выражение и начинается другое. Впрочем, иногда изменения производились и православными, которые старались удалить из текста провинциализмы, редкие слова, делали грамматические и синтаксические исправления, объяснительные добавления. Иногда изменения проистекали из богослужебного употребления известных отделов текста.

Таким образом, текст новозаветный мог бы очень рано, еще в течении 2-4-го века, быть совершенно испорчен, если бы Церковь не позаботилась о его сохранении. Заметить можно, что уже в раннее время представители Церкви старались сохранить истинный вид текста. Если Ириней в заключении своего сочинения *peri_ogdoados* просит списывать его во всей точности, то, конечно, эта забота о точности тем более рекомендовалась в отношении к книгам Нового Завета, содержащим в себе текст, признанный Церковью наиболее точным. Особенно усердно занимался установлением правильного текста Нового Завета Ориген, а после него — его ученики Пиерий и Памфил. Известны также в качестве установителей текста Исихий и Лукиан, от которого остался им самим переписанный экземпляр Нового Завета, текста которого держались в своих толкованиях Василий Вели-

кий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, а также Феодорит. Этим то мужам мы и обязаны сохранением новозаветного текста в его первоначальном виде, несмотря на существование множества разночтений (эти разночтения приведены у Тишендорфа в 8-м издании Нового Завета под строками текста) .

Впервые в печатном виде появился текст Нового Завета в Комплютенской Полиглотте кардинала Ксимереса в 1544-м г. Тут же был приложен и латинский перевод. Затем в 1516-м г. появилось издание Эразма (в Базеле), в 1565-м г., издание Теодора Безы (в Женеве), которое послужило оригиналом для авторизованного перевода 1611-го г. Еще большее распространение нашли себе издания Нового Завета книгопродавцев братьев Эльзевиров (в Лейдене), начавшие появляться с 1624-го г. Во втором издании Эльзевиров (1633 г.) сказано: “и так ты имеешь теперь текст всеми принятый (ab omnibus receptum), в котором мы не даем ничего измененного или испорченного.” Это смелое утверждение книгопродавческой рекламы было принято богословами 17-го столетия за полную, совершенную истину и таким образом на целое столетие этот текст получил права неприкосновенного всеми принятого текста (Textus Receptus, обозначенный, по начальной букве имени Стефана, буквой S). У нас в русской церкви стал этот перевод руководственным и печатается доселе св. Синодом. До 1904-го г. и английское библейское общество также распространяло только этот текст. С 18-го столетия однако уже начали отрешаться от того преклонения, с каким прежде относились к этому тексту и стали появляться новые издания, более точно воспроизводящие тип древнейшего текста Нового Завета. Наиболее известны издание Гризбаха (1777 г.), К. Лахмана (1831 г.), Тишендорфа (1-е изд. в 1811-м г., последнее — посмертное — в 1894-м г.), который собственно воспроизвел у себя Синайский кодекс, им найденный, Триджельса, Весткота и Хорта (1881 г.), Нестле (1894 г.), фон-Содена 1902 и 1906 г.).

Новейшими исследованиями поколеблено то доверие, какое имели Тишендорф, Весткот, Хорт и Б. Вейс к древнейшим унциальным рукописям, но вместе с тем признано, что для установления первоначального текста не могут служить ни сирские, ни западные тексты Нового Завета, на которые некоторые ученые высказывали слишком преувеличенные надежды. Поэтому библейская наука в настоящее время убеждает всех исследователей Нового Завета принимать во внимание при установлении чтения того или другого места и внутренние основания за и против. Даже наши синодальные издатели в последнем четырехязычном издании Нового Завета стараются проверить греческий текст различными справками с другими текстами, т.е. совершают известную критическую работу над текстом. Но из самого издания не видно, какими правилами руководились исправители текста, и поэтому полезно привести здесь правила критики текста, выработанные западной библейской наукой, как они изложены у Барта. (Введение, стр. 442 и сл., изд. 1908 г.).

- Более краткий вид чтения первоначальнее, чем более обширный, так как понятно, что краткое и потому часто темное и трудное для понимания положение разъяснялось примечаниями на полях, и эти примечания позже могли приниматься в текст, между тем как едва ли позднейший переписчик осмелился бы сокращать священные изречения до того, чтобы сделать их непонятными.
- Более трудный вид чтения древнее, чем более легкий, потому что никому не было интереса вносить в текст трудность, между тем как облегчение трудности было потребностью для многих.

- Не имеющие смысла виды чтения нужно отклонять, хотя бы они и имели за себя свидетельство рукописей. Здесь, конечно, понимаются не такие мысли, которые не соответствуют чем-либо нашему воззрению, а такие, какие стоят в явном противоречии с другими мыслями того же писателя и противоречат вообще связи мыслей его труда.
- Виды чтения, из которых можно объяснить себе возникновение разночтений, следует предпочитать параллельным видам чтения.
- Только там, где прежде перечисленные внутренние основания ничего не говорят положительного, нужно решать вопрос по древнейшим рукописям и другим свидетелям.
- Поправки без свидетельства рукописей могут быть делаемы только там, где переданный древностью текст не позволяет сделать совсем никакого удовлетворительного объяснения. Но и такие поправки не должны быть вносимы в текст, а разве только помещаемы под строкой текста. (Из новых критиков текста много поправок предлагает в своих трудах Блясс).

Для православного истолкователя, конечно, при установлении вида чтения в затруднительных местах необходимо руководиться прежде всего церковным преданием, как оно дается в толкованиях Отцов и учителей Церкви. Для этого прекрасным пособием могут служить издаваемые при Богословском Вестнике Московской Дух. Академией переводы творений св. Отцов (напр., Кирилла Александрийского).

Евангелия

Выражение “евангелие” (*to evangelion*) в классическом греческом языке употреблялось для обозначения: а) награды, которая дается вестнику радости (*to evangelō*); б) жертвы, закланной по случаю получения какого-либо доброго известия или праздника, совершенного по тому же поводу и в) самой этой доброй вести. В Новом Завете это выражение означает: а) добрую весть о том, что Христос совершил примирение людей с Богом и принес нам величайшие блага — главным образом основал на земле Царство Божие (Матф. 4:23), б) учение Господа Иисуса Христа, проповеданное им Самим и Его апостолами о Нем, как о Царе этого царства, Мессии и Сыне Божиим (2 Кор. 4:4), в) всё вообще новозаветное или христианское учение, прежде всего повествование о событиях из жизни Христа, наиболее важных (1 Кор. 15:1-4), а потом и изъяснение значения этих событий (Рим. 1:16). г) Будучи собственно вестью о том, что Бог совершил для нашего спасения и блага, Евангелие в то же время призывает людей к покаянию, вере и изменению своей грешной жизни на лучшую (Марк. 1:15; Филип. 1:27). д) Наконец, выражение “евангелие” употребляется иногда для обозначения самого процесса проповедания христианского учения (Рим. 1:1). Иногда к выражению “евангелие” присоединяется обозначение и его содержания. Встречаются напр. фразы: Евангелие Царства (Матф. 4:23), т.е. радостная весть о Царстве Божиим, евангелие мира (Еф. 4:15), т.е. о мире, евангелие спасения (Еф. 1:13), т.е. о спасении и т.д. Иногда следующий за выражением “евангелие” род. пад. означает виновника или

источник благой вести (Рим. 1:1; 15:16; 2 Кор. 11:7, 1 Сол. 2:8), или личность проповедника (Рим. 2:16).

До пришествия на землю Сына Божия люди представляли Бога, как всемогущего Творца, грозного Судью, пребывающего в неприступной славе. Иисус Христос дал нам новое понятие о Боге, как о близком нам, милосердном и **любящем Отце**. “Видевший Меня, видел Отца” — говорил Иисус Христос Своим современникам (Ин 14:9). Действительно, весь облик Христа, каждое Его слово и жест были проникнуты бесконечным состраданием к падшему человеку. Он был, как Врач среди больных. Люди чувствовали Его любовь и тысячами тянулись к нему. Никто не слышал отказа, — Христос всем помогал: очищал совесть грешников, исцелял расслабленных и слепых, утешал отчаявшихся, освобождал одержимых дьяволом. Его всемогущему слову подчинялась природа и самая смерть.

Время написания Евангелий

Довольно долго сказания о жизни Господа Иисуса Христа передавались только устно. Сам Господь не оставил никаких записей Своих речей и дел. Точно также и 12 апостолов не были рождены писателями; они были люди “некнижные и простые” (Деян. 4:13), хотя и грамотные. Среди христиан апостольского времени также было очень мало “*мудрых по плоти, сильных и благородных*” (1 Кор. 1:26), и для большинства верующих гораздо большее значение имели устные сказания о Христе, чем письменные. Таким образом, апостолы и проповедники или евангелисты “передавали” (*paradidone*) сказания о делах и речах Христа, а верующие “принимали” (*paralamvanin*), — но, конечно, не механически, только памятью, как это можно сказать об учениках раввинских школ, а всею душой, как бы нечто живое и дающее жизнь. Но скоро этот период устного предания должен был закончиться. С одной стороны христиане должны были почувствовать нужду в письменном изложении евангелия в своих спорах с иудеями, которые, как известно, отрицали действительность чудес Христовых и даже утверждали, что Христос и не объявлял Себя Мессией. Нужно было показать иудеям, что у христиан имеются подлинные сказания о Христе тех лиц, которые или были в числе Его апостолов, или же стояли в ближайшем общении с очевидцами дел Христовых. С другой стороны, нужда в письменном изложении истории Христа стала чувствоваться потому, что поколение первых учеников постепенно вымирало и ряды прямых свидетелей чудес Христовых редели. Требовалось поэтому письменно закрепить отдельные изречения Господа и целые Его речи, а также и рассказы о Нем апостолов. Тогда-то стали появляться то там, то здесь отдельные записи того, что сообщалось в устном предании о Христе. Всего тщательнее записывали те слова Христовы, которые содержали в себе правила жизни христианской, и гораздо свободнее относились к передаче разных событий из жизни Христа, сохраняя только общее их впечатление. Таким образом одно в этих записях, в силу своей оригинальности, передавалось везде согласно, другое же видоизменялось. О полноте повествования эти первоначальные записи не думали. Даже и наши Евангелия, как видно из заключения евангелия Иоанна (21:25), не намеревались сообщать все речи и дела Христовы. Это видно между прочим и из того, что в них не помещено, напр., такое изречение Христа: “*блаженнее давать, нежели принимать*” (Деян. 20:35). О таких записях сообщает ев. Лука, говоря, что многие до него уже начали составлять повествования о жизни Христа, но что в них не было надлежащей полноты и что поэтому они не давали достаточного “утверждения” в вере (Лук. 1:1-4).

По тем же побуждениям, очевидно, возникли и наши канонические Евангелия. Период их появления можно определить примерно лет в тридцать — от 60-го г. до 90-го (последним было Евангелие от Иоанна).

Книги, написанные Евангелистами стали называться каждое в отдельности Евангелиями, может быть, еще в конце первого столетия, но из церковной письменности мы имеем сведения, что такое наименование всему составу Евангелий стало придаваться только во второй половине второго века. Что касается названий: “Евангелие Матфея,” “Евангелие Марка” и т. д., то правильнее эти, очень древние названия с греческого нужно перевести так: “Евангелие по Матфею,” “Евангелие по Марку (*kata Mattheon, kata M.*).

Примечание: Хотя время написания каждой из священных книг Нового Завета не может быть определено с безусловной точностью, но совершенно несомненно, что все они были написаны во второй половине первого века. Это видно из того, что целый ряд писателей второго века, такие как святой мученик Иустин Философ в своей апологии, написанной около 150 г., языческий писатель Цельс в своем сочинении, написанном тоже в середине второго века, и особенно священномученик Игнатий-Богословец в своих посланиях, относящихся к 107-му году, — все делают множество ссылок на новозаветные священные книги и приводят из них дословные выдержки.

Первыми из новозаветных книг были написаны послания святых Апостолов, вызванные необходимостью утверждения в вере недавно основанных христианских общин; но скоро явилась потребность и в систематическом изложении земной жизни Господа Иисуса Христа и Его учения. Как ни пыталась так называемая “отрицательная критика” подорвать веру в историческую достоверность и подлинность наших Евангелий и других священных книг, относя их появление в свет к значительно более позднему времени, (напр. Баур и его школа). новейшие открытия в области патристической (творениях святых отцов Церкви). литературы со всей убедительностью свидетельствуют, что все они написаны в первом веке.

По целому ряду соображений можно заключить, что Евангелие от Матфея написано раньше всех и никак не позже 50-60 г.г. по Р. Хр. Евангелия от Марка и Луки написаны несколько позже, но во всяком случае раньше, чем разрушение Иерусалима, то-есть до 70 года по Р. Хр., а святой Иоанн Богослов написал свое Евангелие позже всех, в конце первого века, будучи уже в глубокой старости, как некоторые предполагают, около 96 года. Несколько раньше был написан им Апокалипсис. Книга Деяний Апостольских написана вскоре после Евангелия от Луки, потому что, как видно из предисловия к ней, она служит его продолжением.

Значение четырех Евангелий

Все четыре Евангелия согласно повествуют о жизни и учении Христа Спасителя, о Его чудесах, крестных страданиях, смерти и погребении, Его славном воскресении из мертвых и вознесении на небо. Взаимно дополняя и разъясняя друг друга, они представляют собой единую целую книгу, не имеющую никаких противоречий и несогласий в самом главном и основном.

Обычным символом для четырех Евангелий служит таинственная колесница, которую видел пророк **Изекииль** при реке Ховар (Иез. 1:1-28), и которая состояла из четырех существ, напоминавших своим видом человека, льва, тельца и орла. Эти существа, взятые в отдельности, сделались эмблемами для евангелистов. Христианское искусство, начиная с 5-го века, изображает Матфея с **человеком** или ангелом, Марка со **львом**, Луку с **тельцом**, Иоанна с **орлом**.

Кроме наших четырех Евангелий, в первые века известно было до 50-ти других писаний, называвших себя также “евангелиями” и приписывавших себе апостольское проис-

хождение. Церковь отнесла их к списку “апокрифических” — то есть, недостоверных, отвергнутых книг. Эти книги содержат в себе искаженные и сомнительные повествования. К таким апокрифическим евангелиям относятся “Первоевангелие Иакова,” “История Иосифа плотника,” “Евангелие Фомы,” “Евангелие Никодима” и другие. В них, между прочим, впервые записаны легенды, относящиеся к детству Господа Иисуса Христа.

Взаимоотношение между Евангелиями

Из четырех Евангелий содержание первых трех — от Матфея, Марка и Луки — во многом совпадает, близко друг к другу, как по самому повествовательному материалу, так и по форме изложения; четвертое же Евангелие от Иоанна в этом отношении стоит особняком, значительно отличаясь от первых трех, как излагаемым в нем материалом, так и самим стилем, формой изложения.

В связи с этим первые три Евангелия принято называть “Синоптическими,” от греческого слова “синопсис,” что значит: “изложение в одном общем образе.” Но хотя первые три Евангелия весьма близки между собой и по плану и по содержанию, в каждом из них есть, однако, и свои особенности.

Синоптические Евангелия повествуют почти исключительно о деятельности Господа Иисуса Христа в Галилее, святой Иоанн — в Иудее. Синоптики рассказывают, главным образом, о чудесах, притчах и внешних событиях в жизни Господа, ап. Иоанн ведет рассуждения о глубочайшем ее смысле, приводит речи Господа о возвышенных предметах веры.

При всем различии между Евангелиями, в них нет внутренних противоречий; при внимательном чтении легко найти ясные признаки согласия между синоптиками и святым Иоанном. Так, св. Иоанн мало рассказывает о галилейском служении Господа, но он, несомненно, знает о неоднократном продолжительном пребывании Его в Галилее; синоптики ничего не передают о ранней деятельности Господа в Иудее и самом Иерусалиме, но намеки на эту деятельность часто у них встречаются. Так, и по их свидетельству, у Господа были в Иерусалиме друзья, ученики и приверженцы, как напр., владелец горницы, где происходила Тайная Вечеря, и Иосиф Аримафейский. Особенно важны в этом отношении слова, приводимые синоптиками: “Иерусалим! Иерусалим! Как часто хотел Я собрать твоих детей,” — выражение явно предполагающее многократное пребывание Господа в Иерусалиме.

Основная разница между синоптиками и св. Иоанном заключается в записанных ими беседах Господа. У синоптиков эти беседы весьма просты, легко доступны пониманию; у Иоанна — они глубоки, таинственны, часто трудны для понимания, как будто предназначены не для толпы, а для какого-то более тесного круга слушателей. Но это так и есть: синоптики приводят речи Господа, обращенные к галилеянам, людям простым и невежественным, Иоанн передает, главным образом, речи Господа, обращенные к иудеям, книжникам и фарисеям, людям, искушенным в знании Моисеева закона, более-менее высоко стоявшим на ступенях тогдашней образованности. Кроме того, у Иоанна, как мы увидим дальше, особая цель — возможно полнее и глубже раскрыть учение об Иисусе Христе, как о Сыне Божиим, а эта тема, конечно, гораздо более трудная для понимания, чем столь понятные, легко доступные пониманию притчи синоптиков. Но и тут нет между синоптиками и Иоанном большого расхождения. Если синоптики выставляют более человеческую

сторону Христа, а Иоанн, по преимуществу — божественную, то это еще не значит, что у синоптиков совсем отсутствует божественная сторона или у Иоанна — человеческая. Сын Человеческий у синоптиков есть также и Сын Божий, которому дана всякая власть на небе и на земле. Равным образом, Сын Божий у Иоанна есть также и истинный человек, Который принимает приглашение на брачный пир, дружески беседует с Марфой и Марией и плачет над гробом Своего друга Лазаря.

Таким образом, синоптики и св. Иоанн взаимно друг друга дополняют и только в своей совокупности дают цельный образ Христа, каким он воспринят и проповедуется Церковью.

Характер каждого из Евангелий

Православное учение о боговдохновенности книг Священного Писания всегда держалось того взгляда, что, вдохновляя священников писателей, сообщая им и мысль и слово, Дух Святой не стеснял их собственного ума и характера. Наитие Св. Духа не подавляло собой духа человеческого, а только очищало и возвышало его над своими обыкновенными границами. Поэтому, представляя собой единое целое в изложении Божественной истины, Евангелия различаются между собой в зависимости от личных свойств характера каждого из Евангелистов. Различаются построением речи, слогом, некоторыми особенными выражениями; различаются они между собой и вследствие обстоятельств и условий, при которых были написаны и в зависимости от цели, которую ставил себе каждый из четырех Евангелистов.

Поэтому для лучшего истолкования и понимания Евангелия, нам необходимо ближе познакомиться с личностью, характером и жизнью каждого из четырех Евангелистов и обстоятельствами, при которых каждое из четырех Евангелий было написано.

Евангелие от Матфея.

Евангелист Матфей, носивший также имя Левия, состоял в числе 12-ти Апостолов Христовых. До своего призвания к апостольскому служению он был мытарем, то-есть сборщиком податей, и, как таковой, конечно, нелюбим своими соотечественниками — евреями, презиравшими и ненавидевшими мытарей за то, что они служили неверным поработителям их народа и притесняли свой народ взиманием податей, причем в своих стремлениях к наживе часто брали много больше, чем следует.

О своем призвании св. Матфей рассказывает сам в 9 гл. своего Евангелия, называя себя именем “Матфея,” в то время как Евангелисты Марк и Лука, повествуя о том же, именуют его “Левием.” У евреев было в обычае иметь несколько имен.

Тронутый до глубины души милостью Господа, не гнушавшегося им, несмотря на общее презрение к нему евреев и особенно духовных вождей еврейского народа — книжников и фарисеев, Матфей всем сердцем воспринял учение Христово и особенно глубоко уразумел его превосходство над преданиями и воззрениями фарисейскими, носившими печать внешней праведности, самомнения и презрения к грешникам. Вот почему он один приводит так подробно сильную обличительную речь Господа против книжников и фарисеев — лицемеров, которую мы находим в 23 гл. его Евангелия. Надо полагать, что по той же причине он особенно близко принял к сердцу дело спасения **именно своего** родного

еврейского народа, столь пропитавшегося к тому времени ложными понятиями и взглядами фарисейскими, а потому его **Евангелие написано преимущественно для евреев**. Есть основание предполагать, оно первоначально и было написано на еврейском языке и только несколько позже, может быть самим же Матфеем, переведено на греческий язык.

Написав свое Евангелие для евреев, св. Матфей ставит своей главной целью доказать им, что Иисус Христос и есть именно тот Мессия, о Котором предсказывали ветхозаветные пророки, что ветхозаветное откровение, затемненное книжниками и фарисеями, только в христианстве уясняется и воспринимает свой совершенный смысл. Поэтому он и начинает свое Евангелие **родословием Иисуса Христа**, желая показать евреям Его происхождение от **Давида и Авраама**, и делает громадное количество **ссылок на Ветхий Завет**, чтобы доказать исполнение на Нем ветхозаветных пророчеств. Назначение первого Евангелия для евреев видно из того, что св. Матфей, упоминая об иудейских обычаях, не считает нужным объяснить их смысл и значение, как это делают другие Евангелисты. Равным образом оставляет без объяснения и некоторые арамейские слова, употреблявшиеся в Палестине.

Св. Матфей долгое время и проповедовал в Палестине. Потом удалился для проповеди в другие страны и окончил свою жизнь мученической смертью в Эфиопии.

Евангелие от Марка.

Евангелист Марк носил еще имя Иоанна. По происхождению он тоже был иудеем, но не состоял в числе 12-ти Апостолов. Поэтому он и не мог быть таким постоянным спутником и слушателем Господа, каким был св. Матфей. Свое Евангелие он написал со слов и под руководством св. Апостола **Петра**. Сам он, по всей вероятности, был очевидцем лишь последних дней земной жизни Господа. Только в одном Евангелии от Марка рассказывается о каком-то юноше, который, когда Господь был взят под стражу в Гефсиманском саду, следовал за Ним, завернувшись по нагому телу в покрывало, и воины схватили его, но он, оставив покрывало, нагой убежал от них. (Марк. 14:51-52 В этом юноше древнее предание видит самого автора второго Евангелия — св. Марка. Мать его Мария упоминается в книге Деяний, как одна из жен, наиболее преданных вере Христовой: в ее доме в Иерусалиме верующие собирались для молитвы. Марк участвует впоследствии в первом путешествии св. Апостола Павла вместе с другим его спутником Варнавой, которому он приходился племянником по матери. Он находился при ап. Павле в Риме, откуда написано послание к Колоссянам.

Далее, как видно, св. Марк стал спутником и сотрудником св. Апостола Петра, что подтверждается словами самого Апостола Петра в его первом соборном послании, где он пишет: *“Приветствует вас избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне и Марк, сын мой”* (1 Петр. 5:13, здесь Вавилон, наверно, иносказательное наименование Рима). Перед своим отходом его вновь призывает к себе св. Ап. Павел, который пишет Тимофею: *“Марка возьми с собою, ибо он мне нужен для служения.”* По преданию св. Ап. Петр поставил св. Марка первым епископом Александрийской церкви, и св. Марк мученически окончил свою жизнь в Александрии.

По свидетельству св. Папия, епископа Иерапольского, а также св. Иустина-философа и св. Иринея Лионского, св. Марк написал свое Евангелие со слов св. Ап. Петра. Св. Иустин называет его даже прямо *“памятными записями Петра.”* Климент Александрийский

утверждает, что Евангелие от Марка представляет собой в сущности запись устной проповеди св. Ап. Петра, которую св. Марк сделал **по просьбе христиан, живших в Риме**. Самое содержание Евангелия от Марка свидетельствует о том, что оно предназначено для **христиан из язычников**. В нем очень мало говорится об отношении учения Господа Иисуса Христа к Ветхому Завету и совсем немного приводится ссылок на ветхозаветные священные книги. Вместе с тем мы встречаем в нем латинские слова, как напр., “speculator” и другие. Даже нагорная проповедь, как объясняющая превосходство новозаветного закона перед ветхозаветным, пропускается.

Зато главное внимание св. Марк обращает на то, чтобы дать в своем Евангелии сильное яркое повествование о чудесах Христовых, подчеркивая этим **Царское величие и всемогущество Господа**. В его Евангелии Иисус не “сын Давидов,” как у Матфея, а Сын Божий, Владыка и Повелитель, Царь вселенной.

Евангелие от Луки.

Древний историк Евсевий Кесарийский говорит, что св. Лука происходил из Антиохии, и потому принято считать, что св. Лука был, по своему происхождению, язычник или так называемый “прозелит,” то есть язычник, принявший иудейство. По роду своих занятий, он был врачом, что видно из послания св. Ап. Павла к Колоссянам; церковное предание присовокупляет к этому и то, что он был также живописцем. Из того, что в его Евангелии содержатся наставления Господа 70-ти ученикам, изложенные со всей подробностью, делают заключение, что он принадлежал к числу 70-ти учеников Христовых. Необыкновенная живость его повествования о явлении Господа двум ученикам на пути в Эммаус, причем по имени называется только один из них —Клеопа, а также и древнее предание, свидетельствуют, что он был одним из этих двух учеников, удостоившихся явления Господа (Луки 24:13-33).

Затем из книги Деяний Апостольских видно, что, начиная со второго путешествия св. Ап. Павла, Лука делается его постоянным сотрудником и почти неразлучным спутником. Он был при Ап. Павле, как во время первых его уз, из которых написано послание к Колоссянам и Филиппийцам, так и во время вторых его уз, когда написано 2-ое послание к Тимофею и которые закончились мученической смертью. Есть сведения, что после смерти Ап. Павла св. Лука проповедовал и умер мученической смертью в Ахаии. Св. мощи его при императоре Констанции (в середине 4-го века). были перенесены оттуда в Константинополь вместе с мощами св. Ап. Андрея.

Как видно из самого предисловия третьего Евангелия, Св. Лука написал его по просьбе одного знатного мужа, “достопочтенного” Феофила, жившего в Антиохии, для которого он написал затем и книгу Деяний Апостольских, служащую как бы продолжением Евангельского повествования (См. Луки 1:14 и Деяний 1:1-2). При этом он пользовался не только повествованиями очевидцев служения Господа, но и некоторыми, уже существовавшими тогда письменными записями о жизни и учении Господа. По его собственным словам эти письменные записи были подвергнуты им самому тщательному исследованию, а потому и Евангелие его отличается особенной точностью в определении времени и места событий и строгой хронологической последовательностью.

“Державный Феофил,” для которого написано третье Евангелие, не был жителем Иудеи, и не бывал в Иерусалиме: иначе не нужно было бы св. Луке делать ему разные гео-

графические пояснения, в роде, напр. того, что Елеон находится близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути и т.п. С другой стороны, ему, видимо, известнее были Сиракузы, Ригия, Путеол в Италии, Аппиева площадь и Три Гостиницы в Риме, упоминая о коих в кн. Деяний, св. Лука не делает никаких пояснений. По утверждению Климента Александрийского (начало 3-го столетия), Феофил был богатым и знатным жителем Антиохии (Сирия), исповедовал веру Христову, и дом его служил храмом для антиохийских христиан.

На Евангелии от Луки явно сказалось влияние Св. Ап. Павла, спутником и сотрудником которого был св. Лука. Как “Апостол язычников” св. Павел старался более всего раскрывать ту великую истину, что Мессия — Христос пришел на землю не для иудеев только, но и для язычников, и **Он есть Спаситель всего мира, всех людей.**

В связи с этой основной мыслью, которую явно проводит на протяжении всего своего повествования третье Евангелие, родословие Иисуса Христа доведено в нем до родоначальника всего человечества Адама и до Самого Бога, чтобы подчеркнуть Его значение **для всего человеческого рода** (Луки 3:23-38). Такие места, как посольство пророка Илии к вдове в Сарепту Сидонскую, исцеление от проказы пророком Елисеем Неемана-Сириянина (4:26-27), притчи о блудном сыне, о мытаре и фарисее находятся в тесной внутренней связи с обстоятельно развиваемым учением св. Ап. Павла о спасении не одних иудеев, но и язычников, и об оправдании человека перед Богом не делами законами, а благодатью Божией, даруемой единственно по беспредельному милосердию и человеколюбию Божию. Никто так ярко не изобразил любви Божией к кающимся грешникам, как это сделал св. Лука, приведший в своем Евангелии целый ряд притч и действительных событий на эту тему. Достаточно вспомнить, кроме упомянутых уже притч о блудном сыне и о мытаре и фарисее, еще притчу о заблудшей овце, о потерянной драхме, о милосердном самарянине, повесть о покаянии начальника мытарей Закхее и др. места, как и знаменательные слова о том, что *“радость бывает пред ангелами Божиими об едином грешнике кающемся.”*

Время и место написания Евангелия от Луки можно определить, руководствуясь соображением, что оно написано **ранее** книги Деяний Апостольских, составляющей как бы его продолжение (см. Деяния 1:1). Книга же Деяний оканчивается описанием двухлетнего пребывания св. Ап. Павла в Риме (28:30). Это было около 63-его года по Р.Хр. Следовательно, Евангелие от Луки не могло быть написано позже этого времени и, надо полагать, было написано в Риме.

Евангелие от Иоанна.

Евангелист Иоанн Богослов был возлюбленным учеником Христовым. Он был сыном галилейского рыбака Заведея и Соломии. Заведей был, по-видимому, состоятельным, так как имел работников, был, видимо также, не малозначительным членом иудейского общества, ибо сын его Иоанн имел знакомство с первосвященником. Мать его Соломия упоминается в числе жен, служивших Господу своим имуществом: она сопутствовала Господу в Галилее, последовала за Ним в Иерусалим на последнюю Пасху и участвовала в приобретении ароматов для помазания тела Его вместе с другими женами-мироносицами. Предание считает ее дочерью Иосифа-обручника.

Иоанн был сначала учеником св. **Иоанна Крестителя**. Услышав его свидетельство о Христе, как об Агнце Божием, берущем на Себя грехи мира, он тотчас же вместе с **Андре-**

ем последовал за Христом (Иоан. 1:37-40). Постоянным учеником Господа он сделался, однако, несколько позже, после чудесного улова рыб на Геннисаретском (Галилейском) озере, когда Господь Сам призвал его вместе с братом его **Иаковом**. Вместе с Петром и братом своим Иаковом он удостоился особенной близости к Господу, находясь при Нем в самые важные и торжественные минуты Его земной жизни. Так, он удостоился присутствовать при воскрешении дочери Иаира, видеть преобразование Господа на горе, слышать беседу о знамениях Его второго пришествия, а также был свидетелем Его Гефсиманской молитвы. А на Тайной вечере он был так близок к Господу, что, по его собственным словам, возлежал у груди Иисуса (Иоан. 13:23-25), откуда и произошло его наименование “наперника,” ставшее потом нарицательным для обозначения человека, особенно кому-либо близкого. По смирению, не называя себя по имени, он тем не менее, говоря о себе в своем Евангелии, именуется учеником, “**которого любил Иисус.**” Эта любовь Господа к нему сказалась и в том, что Господь, висая на кресте, поручил ему **Свою Пречистую Матерь**, сказав ему: “*Се мать твоя*” (Иоан. 19:27).

Пламенно любя Господа, Иоанн был полон негодования против тех, кто был враждебен Господу или чуждался Его. Поэтому он возбранял человеку, не ходившему со Христом, изгонять бесов именем Иисуса Христа и просил у Господа позволения низвести огонь на жителей одного самарянского селения за то, что они не приняли Его, когда Он путешествовал в Иерусалим через Самарию. (Луки 9:54 За это он и его брат Иаков получили от Господа прозвание “воанергес,” что значит: “**сыны громовы.**” Чувствуя любовь Христову к себе, но еще не просвещенный благодатью Св. Духа, он решается просить себе вместе с братом Иаковом ближайшего места к Господу в Его грядущем Царстве, в ответ на что получает предсказание об ожидающей их обоих чаше страданий (Мт. 20:20).

После Вознесения Господня мы часто видим св. Иоанна вместе со св. Ап. Петром. Наряду с ним он считается столпом Церкви и имеет свое пребывание в Иерусалиме (Гал. 2:9). Со времени разрушения Иерусалима местом жизни и деятельности св. Иоанна делается г. Ефес в Малой Азии. В царствование имп. Домициана он был отправлен в ссылку на остров **Патмос**, где им был написан **Апокалипсис** (1:9-19). Возвращенный из этой ссылки в Ефес он написал там свое Евангелие, и скончался своею смертью (единственный из Апостолов), по преданию, весьма загадочной, в глубокой старости, будучи около 105-ти лет, в царствование императора Траяна.

Как гласит предание, четвертое Евангелие написано Иоанном по просьбе ефесских христиан. Они принесли ему три первых Евангелия и попросили его дополнить их речами Господа, которые он от Него слышал. Св. Иоанн подтвердил истинность всего написанного в этих трех Евангелиях, но нашел, что многое необходимо добавить к их повествованию и, в особенности, изложить пространнее и ярче учение о **Божестве** Господа Иисуса Христа, чтобы люди с течением времени не стали о Нем думать, только как о “Сыне человеческого.” Это тем более было необходимо, что к этому времени уже стали появляться ереси, отрицавшие Божество Христово — евиониты, ересь Керинфа и **гностики**. Об этих обстоятельствах упоминает св. Иринеи Лионский (середина 3-го столетия).

Из всего сказанного ясно, что целью написания четвертого Евангелия было желание **дополнить** повествование трех Евангелистов. Отличительная черта Евангелия от Иоанна ярко выражена и в том наименовании, которое давалось ему в древности. В отличие от первых трех Евангелий, оно, по преимуществу, именовалось “**Евангелием духовным.**”

Евангелие от Иоанна начинается изложением учения о Его Божестве, и далее содержит в себе целый ряд самых возвышенных речей Господа, в которых раскрывается Его Божественное достоинство и глубочайшие таинства веры, каковы, напр., беседа с Никодимом о рождении свыше водою и духом и о таинстве искупления, беседа с самарянкой о воде живой и о поклонении Богу духом и истинною, беседа о хлебе, сошедшем с небес и о таинстве причащения, беседа о пастыре добром и особенно замечательная по своему содержанию прощальная беседа с учениками на Тайной вечери с заключительной дивной, так называемой “первосвященнической молитвой” Господа. Тут мы находим и целый ряд собственных свидетельств Господа о Себе Самом, как о Сыне Божиим. За учение о Боге Слове и за раскрытие всех этих глубоких и возвышенных истин и тайн нашей веры св. Иоанн и получил почетное наименование “Богослова.”

Чистый сердцем девственник, всецело всей душой предавший себя Господу и любивший Им за это особой любовью, св. Иоанн глубоко проник и в возвышенную тайну христианской любви и никто, как он не раскрыл так полно, глубоко и убедительно, как в своем Евангелии, так особенно в трех своих соборных посланиях, христианское учение о двух основных заповедях Закона Божия — о любви к Богу и о любви к ближнему, — почему его еще называют “**апостолом любви.**”

Важной особенностью Иоаннова Евангелия является еще то, что в то время как первые три Евангелиста повествуют, главным образом о проповеди Господа Иисуса Христа в Галилее, св. Иоанн излагает события и речи, имевшие место в Иудее. Благодаря этому мы можем посчитать, какова была продолжительность общественного служения Господа и вместе с тем продолжительность Его земной жизни. Проповедуя большей частью в Галилее, Господь путешествовал в Иерусалим на все главнейшие праздники. Таких путешествий в Иерусалим на праздник Пасхи, как видно из Евангелия от Иоанна, было **всего три, а перед четвертой Пасхой** Своего общественного служения Господь **принял крестную смерть**. Из этого следует, что общественное служение Господа продолжалось **около трех с половиной лет**, а прожил Он на земле всего **тридцать три с половиной года** (ибо вышел на общественное служение, как свидетельствует св. Лука в 3:23, 30-ти лет отроду).

Нагорная Проповедь

Значение Нагорной Проповеди.

Нагорная Проповедь Спасителя замечательна тем, что в ней как бы сгущено все Евангелие, собрано все то главное, что необходимо знать и делать христианину. Эту проповедь записал Святой Евангелист Матфей, по-видимому, полностью, с 6-й по 7-ю главы своего Евангелия, а Евангелист Лука в 6-й главе своего Евангелия приводит из этой проповеди только некоторые части. Господь произнес Нагорную Проповедь на невысокой горе, находящейся на северном берегу Галилейского озера около города Капернаума, в первый год Своего общественного служения.

Начинается Нагорная Проповедь девятью Заповедями Блаженства, в которых изложен Новозаветный закон духовного возрождения. Потом в ней говорится о благотворном влиянии христиан на окружающее общество и о том, что учение Христово не отменя-

ет, но дополняет ветхозаветные заповеди. Здесь Господь учит преодолевать чувство злобы, быть целомудренными, верными своему слову, прощать всех, любить даже своих врагов и стремиться к совершенству.

В следующей части Своей проповеди Спаситель учит о необходимости стремиться к истинной праведности, которая находится в сердце у человека, в отличие от иудейской показной праведности. В качестве примера Господь объясняет, как надо оказывать милостыню, молиться и поститься, чтобы угодить Богу. Далее призывает к нестяжанию и надежде на Бога.

В последней части Нагорной Проповеди Господь учит не осуждать ближних, охранять святыню от поругания, быть постоянными в добрых делах. В заключение Господь показывает разницу между широким и узким путем, предостерегает против лжепророков и объясняет, как следует укрепить себя для преодоления неизбежных в жизни испытаний.

Господь Иисус Христос так характеризовал учение, которое Он от Своего Небесного Отца принес людям: **“Мир пройдет, но слова Мои не пройдут.”** Действительно, в Нагорной Проповеди дана вечная небесная истина, которая не ветшает от времени и которая в одинаковой мере применима к людям всех рас и культур. Изменяются жизненные условия и понятия людей о нравственности, но Законы Бога — непреложны. Поэтому нам, христианам, стремящимся к бессмертию, в первую очередь следует хорошо усвоить вечные законы добра, изложенные в Нагорной Проповеди, и на них строить свою жизнь. Об этих вечных законах сейчас и побеседуем.

Заповеди Блаженства.

Начинается Нагорная Проповедь девятью Заповедями Блаженства. Эти заповеди дополняют ветхозаветные Десять Заповедей, данные Моисею на горе Синай. Ветхозаветные заповеди говорят о том, чего **нельзя** делать, в них дышит дух строгости. Новозаветные, напротив, говорят о том, что **надо** делать и в них дышит **любовь**. Древние Десять Заповедей были написаны на каменных плитах (скрижалях) и усваивались внешним изучением. Новозаветные же пишутся Духом Святым на самих скрижалях верующих сердец. Вот текст этих бессмертных заповедей.

“Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они будут помилованы. Блаженны чистые сердцем, ибо они увидят Бога. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть царство небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах” (Мт. 5:1-12).

Замечательно в этих новозаветных заповедях то, что каждая из них начинается словом **“блаженны.”** В то время, как ветхозаветные заповеди действуют путем запрета и угрозой наказания, новозаветные поощряют к добру, **влекут ввысь** к нескончаемой радости у Бога.

Со времени грехопадения наших прародителей люди утратили подлинное счастье и даже правильное о нем представление. Само слово “счастье” стало звучать, как несбыточная мечта, недостижимый идеал. Но Господь Иисус Христос предлагает людям счастье, как

конкретную, достижимую реальность. И здесь обещание относится не только к будущей райской жизни, но оно начинает осуществляться уже и сейчас, по мере того, как человек освобождается от гнета греха, обретает мир совести и удостаивается благодати Духа Святого. Именно Дух Святой дает человеку такую неизреченную радость, что с нею не могут сравниться никакие житейские удовольствия. Читая жития святых, мы видим, что истинные христиане, ради сохранения и усиления в себе благодати Божией, готовы были идти на любые жертвы.

Углубляясь в смысл Заповедей Блаженства, становится очевидным, что они изложены в определенной **последовательности**. Они показывают человеку **путь** к подлинному счастью и объясняют, как по этому пути идти. Их можно уподобить небесной лестнице или **плану** стройного дома добродетели.

Исходным пунктом для Заповедей Блаженства служит тот факт, что каждый человек, без исключения, **поврежден грехом** и поэтому нищ и жалок. Трагедия грехопадения Адама и Евы есть трагедия всего человечества. Грех помрачает ум, ослабляет и пленяет волю, сдавливая сердце человека печалью и унынием. Поэтому каждый грешник чувствует себя несчастным, и, в то же время, не понимает, в чем заключается причина его горя. В своих страданиях он готов винить всех людей и жизненные обстоятельства. Первая заповедь блаженства ставит **правильный диагноз**: причина чувства неудовлетворенности человека заключается в его собственной **духовной болезни**.

Господь Иисус Христос пришел в мир, чтобы исцелить человека. Он зовет всех обратиться к Богу, войти в Его Царство вечной радости. Для человека зов Христа звучит как голос любящего Отца, зовущего своего потерянного сына вернуться в родной дом. И когда возвращается человек к Богу, он не идет с багажом добродетелей или с богатством приобретенных талантов, но идет как нищий блудный сын, расточивший отцовское имущество.

Первая заповедь блаженства призывает человека понять свою духовную болезнь и обратиться к Богу за помощью. Труден этот первый шаг! Нелегко “блудному сыну” прийти в себя, признать свою вину и несостоятельность, начать обратный путь. Поэтому за одно его волевое усилие, за одно доброе начало человеку уже обещается великая награда: **“Блаженны нищие духом, потому что их есть Царствие Божие.”** Замечательно, что как падение человека началось горделивым желанием сравняться с Богом (“Будете, как боги” — обещал обольститель нашим прародителям, Быт. 3:5), так и восстановление человека начинается смиренным признанием своей беспомощности.

Нищета духовная — это не материальная бедность или душевная бездарность. Напротив, “нищий духом” может быть при этом очень богатым или очень одаренным человеком. Нищета духовная — это **смиранный образ мыслей**, который вытекает из честного признания своего несовершенства. При этом, христианское смирение не есть отчаяние или пессимизм. Напротив, оно полно **упования** на Божие милосердие, на реальную возможность стать лучше. Оно проникнуто радостной надеждой на то, что с Его помощью мы станем добродетельными и угодными Ему детьми.

У верующего человека сознание своего убожества и греховности непременно выражается в **покаянном настроении** — в осуждении своего прошлого и в намерении исправиться. Искреннее покаяние, которое нередко сопровождается слезами, обладает великой благодатной силой. После него чувствуется такая легкость, будто гора спала с плеч. К такому сердечному покаянию призывает вторая заповедь, говоря: **“Блаженны плачущие, потому что они утешатся.”**

Когда с совести смыты грехи, тогда у человека водворяется внутренняя гармония — полный порядок в его мыслях, чувствах и желаниях. Прежняя раздраженность и озлобленность заменяется **чувством умиротворенности и тихой радости**. Человеку с таким настроением уже не хочется ни с кем ссориться. Он даже предпочитает потерпеть урон в каком-либо житейском деле, чем утратить свой душевный мир. Так, покаяние возводит христианина на третью ступень добродетели — **кротость**: “**Блаженны кроткие, потому что они наследуют землю.**”

Конечно, иногда злонамеренные люди злоупотребляют кротостью христианина. Они пользуются случаем, чтобы его обмануть, отнять что-то или унижить. Бог утешает христианина надеждой на то, что в будущей жизни он получит гораздо больше того, что он может потерять в этой по проискам дерзких людей. Если не всегда в этой жизни, то в будущей, несомненно, справедливость восторжествует, и кроткие, как обещано, наследуют “землю” — т.е. все блага обновленного мира, на котором будет обитать правда.

Таким образом, первые три заповеди блаженства, призывающие человека к смиренному обращению к Богу, покаянию и кротости, закладывают **фундамент**, на котором будет воздвигаться дом христианской добродетели.

Как появление аппетита у больного служит первым признаком того, что он начинает поправляться, так и желание праведности есть первый признак, что грешник начинает выздоравливать. Находясь в грехе, человек жаждет богатства, денег, почестей и телесных удовольствий. О духовном богатстве он и не помышляет или даже презирает его. Но когда его душа освобождается от проказы греха, тогда человек начинает тосковать по духовному совершенству. Об этом стремлении к праведности говорит четвертая заповедь: “**Блаженны алчущие и жаждущие правды, потому что они насытятся.**”

Стремление к праведности можно уподобить следующей фазе в построении дома добродетели — воздвижению стен. Употребив здесь слова “алчущие и жаждущие,” Господь нам дает понять, что наше стремление к праведности не должно быть теплостудным, пассивным, а, напротив, должно быть энергичным, деятельным. Ведь и голодный человек не только думает о еде, но на и все свои усилия прилагает к тому, чтобы утолить свой голод. Только при активном стремлении к добродетели можно ее приобрести, или, по заповеди, “насытиться.”

Вступая на четвертую ступень добродетели, человек уже обладает известным духовным опытом. Получив от Бога прощение грехов, мир совести и радость усыновления, христианин теперь лично ощутил Его великую любовь. Эта любовь согревает его сердце ответной любовью к Богу и состраданием к людям. Иными словами, он становится **добрым, милостивым** и этим восходит на пятую ступень добродетели — милосердия: “**Блаженны милостивые, потому что они будут помилованы.**”

Заповедь о милосердии очень обширна! Милосердие должно выражаться не только в материальной помощи, но и в прощении обид, в посещении больных, в утешении скорбящих, в добром совете, в ласковом слове, в молитве за ближнего и во многом другом. Буквально каждый день предоставляет нам много случаев помочь ближним. Большею частью то вереница малозаметных и “ничтожных” инцидентов. Но духовная мудрость христианина заключается в том, чтобы уметь **не пренебрегать “малыми”** добрыми делами ради совершения в будущем “великих,” как ему кажется, дел. Великие планы остаются обычно не осуществленными, малые же добрые дела своим количеством к концу жизни собираются в значительный духовный капитал.

Деятельная любовь вновь настолько очищает глубины человеческого сердца от самолюбия и приближает человека к Богу, что вся его душа преобразается от духовного света. Человек начинает **чувствовать веяние благодати**, уже в этой жизни начинает как бы видеть Бога своими духовными глазами. Здесь душа христианина уподобляется озерку, которое в течение многих лет пренебрежения заросло травами, наполнилось тиной и помутнело, а потом, будучи очищено, совсем преобразилось, так что в его кристально-прозрачные воды стали глубоко проникать лучи света. О людях, достигающих такого состояния духовной чистоты, говорит шестая заповедь блаженства: **“Блаженны чистые сердцем, потому что они увидят Бога.”** Примером такого состояния духовной чистоты, переходящей в прозорливость, были такие праведники, как св. Серафим Саровский, батюшка св. Иоанн Кронштадтский, Оптинские старцы и многие другие святые Православной Церкви.

Таких праведников Бог делает орудиями Своего промысла для спасения других людей и для этой цели наделяет их мудростью и особой духовной чуткостью. В своей миссии обращения людей на путь спасения эти праведники начинают уподобляться Сыну Божию, Который пришел в мир для того, чтобы примирить грешных людей с Богом. О таком духовном миротворчестве и говорит седьмая заповедь: **“Блаженны миротворцы, потому что они будут названы сынами Божиими.”** Конечно, все люди должны стараться быть миротворцами в кругу своей семьи и знакомых, но высшая форма этой добродетели дается в особом даре свыше, который дается людям с чистым сердцем.

Уподобляясь добрыми делами Сыну Божию, христианин должен быть готовым подражать Ему и в терпении. Последние две заповеди блаженства говорят о том печальном факте, что мир, “во зле лежащий,” не может терпеть подлинной праведности и восстает на ее носителей: **“Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня.”** Как свет, разгоняя тьму, показывает вещи в их настоящем виде, так и добродетельная жизнь подлинных христиан выявляет все нравственное безобразие нечестивых. Отсюда у грешников рождается ненависть к праведникам и желание отомстить им за свои укоры совести. Эта ненависть к праведникам проходит через всю мировую историю, начиная с повествования о Каине и Авеле, и достигая современных гонений на верующих в атеистических странах.

Люди со слабой верой стыдятся показать себя верующими, боятся подвергнуться гонениям за свои религиозные убеждения. Но истинные праведники и мученики с радостью принимали страдания за Христа потому, что их сердце горело любовью к Богу. Они даже считали себя счастливыми, что удостоились пострадать за веру. В дни испытаний христианину следует с них брать пример и утешать себя словами Христа, обещавшего: **“Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах”!** Ведь чем сильнее любовь, тем больше и награда.

Подводя итог последним пяти заповедям блаженства, мы видим, что они призывают к любви. Милосердие к людям есть начальная ее форма. Духовное миротворчество есть более возвышенная форма любви, для успеха которой нужны чистота сердца и озарение от Бога. Сохранение **верности Богу** при насмешках и преследованиях, а также готовность отдать свою жизнь ради имени Христова есть высшее проявление **любви к Богу**. Таким образом, последние пять заповедей блаженства, показывая христианину все более

совершенные формы любви, начертывают перед ним план верхних сводов храма добродетели.

В заключение необходимо сказать, что христианину, стремящемуся к любви, не следует при этом забывать и пренебрегать фундаментом, на котором стоит его здание добродетели, — смирением, очищением совести и кротостью, потому что, если духовный фундамент начнет слабеть и давать трещины, то и все здание может рухнуть. Об этой опасности Господь будет говорить в последней части Своей Проповеди. Следующие части Нагорной Проповеди, которые мы сейчас приведем ниже, можно рассматривать как развитие духовных принципов, данных в Заповедях Блаженства.

Христиане — Свет мира

“Вы соль земли. Если же соль потеряет свою силу, то чем сделаешь ее солоней? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще людям. Вы свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного” (Мт. 5:13-16).

Закончив заповеди Блаженства предупреждением о возможных гонениях за веру, Христос далее словами: “*Вы соль земли ... вы свет мира*” показывает, как дороги Ему и как ценны для мира истинные христиане. В древности соль дорого стоила, и иногда ею пользовались вместо денег. Не имея холодильников, соль употребляли для предохранения пищи от порчи. Христиане, подобно соли, удерживают общество от нравственного разложения. Они — его оздоровляющее начало.

Наименование “свет,” в ближайшем значении этого слова, относится к Иисусу Христу, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. Но верующие люди, поскольку они отображают Его совершенства, в известной мере тоже могут быть названы светом или лучами Солнца. Это не значит, что они должны выставлять свои дела напоказ. О совершении добрых дел “в тайне” будет речь в последующей части Нагорной Проповеди. В данном случае речь идет о том, что их добродетельная жизнь как свеча, горящая на подсвечнике, или как город, находящийся на верху горы, не может утаиться, но оказывает доброе влияние на окружающее общество. Действительно, добрый пример христиан способствовал распространению христианства и уничтожению грубых языческих нравов.

Люди всегда ценят человека, знающего и любящего свое дело. Какова бы ни была его профессия — если он хорошо ею владеет и честно трудится, он нужен обществу и заслуживает уважения. Подобным образом и от христианина все ждут **христианского образа жизни**, хотя в нем видят пример нелицемерной веры, честности, духовного настроения и любви. С другой стороны, нет ничего печальнее, как видеть христианина, который живет только земными, животными интересами. Такого человека Господь уподобил соли, потерявшей свою силу. Эта соль уже ни к чему не годна, как только, чтобы выбросили ее вон на поприще людям.

Две меры праведности.

“Не думайте, что Я пришел нарушить Закон или Пророков. Не нарушить Я пришел, но исполнить. Ибо истинно говорю вам, доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших, тот малейшим наречется в Царстве Небесном, а кто сотворит и научит, тот великим назовется в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное” (Мат. 5:17-20).

Последующая часть Нагорной Проповеди, которая идет до конца 5-й главы Евангелия от Матфея, посвящена выяснению, что такое истинная любовь. Для ясности, Господь сравнивает Свое учение с существующими у евреев религиозными взглядами. Евреи, привыкшие слышать из уст своих законоучителей обстоятельные рассуждения об обрядах и обычаях, могли подумать, что Иисус Христос им проповедует совсем новое учение, вразрез с законом Моисея. Господь Иисус Христос объясняет в дальнейшей части Своей Нагорной Проповеди, что Он проповедует не новое учение, но раскрывает им **более глубокий смысл** уже известных им заповедей.

Ветхозаветный закон, не обладая благодатной возрождающей силой, не мог привести человека к совершенству. Он не мог помочь человеку преодолеть зло внутри себя, но, главным образом, обращал внимание человека на его поступки. При этом, ветхозаветные заповеди носили негативный характер: “Не убивай... не прелюбодействуй... не кради... не лжесвидетельствуй.” Ветхозаветный закон был бессилён обновить духовную природу человека. Само понятие праведности в то время было упрощенным. Человек, не совершавший грубых и явных преступлений и соблюдавший предписания обрядового закона, почитался праведным. Книжники и фарисеи кичились своим доскональным знанием всех обрядов закона.

Известно, что пока корни дикого и вредного растения остаются невредимы, подрезание его веток только временно сдерживает его распространение. Подобным образом, пока страсти прочно сидят в человеке — грехи неизбежны. Господь для того и пришел в мир, чтобы истребить **самые корни греха** в человеке, восстановить в нем поврежденный образ Божий. В Новом Завете одно внешнее и показное исполнение предписаний закона является недостаточным. Богу нужна любовь от чистого сердца.

Об этом и говорит Господь Иисус Христос иудеям: “**Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков. Не нарушить пришел Я, но исполнить**” (Мт. 5:17). И далее Господь в наглядных сравнениях показывает, в чем состоит “исполнение” или истинное осуществление закона. Господь останавливается на заповедях, запрещающих убивать, нарушать супружескую верность, а также на допущении у евреев клятвы, мести и ненависти к врагам и показывает им превосходство совершенной христианской любви.

“Вы слышали, что сказано древним: не убивай... а Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто скажет брату своему: “пустой человек,” подлежит верховному судилищу, а кто скажет: “безумный,” подлежит геенне огненной” (Мат. 5:21-22).

Шестая заповедь Моисея запрещала отнимать жизнь у человека. Господь углубляет смысл шестой заповеди и обращает внимание на те **злые чувства**, которые толкают человека на убийство, как то: гнев, злоба и ненависть. В сущности эти же недобрые чувства побуждают человека оскорбить и унижить ближнего. Христианин должен сдерживать всякие проявления злобы против ближнего, как то — оскорбительные и унижительные слова.

Чтобы мы не держали злобы в своем сердце, Господь призывает нас прощать и спешить **мириться** с обидчиками:

“Итак, если принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдя прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой. Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу. Истинно говорю тебе: не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта” (*кодрант* — мелкая монета; 5:23-26).

Далее Господь останавливается на седьмой ветхозаветной заповеди, которая гласит: “Не прелюбодействуй,” и обращает наше внимание на те нечистые чувства, которые порождают супружескую измену и прочие плотские грехи: “*Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.*” Иными словами, грехи прелюбодеяния или блуда зарождаются в сердце человека. Поэтому всякие греховные желания надо пресекать при самом их возникновении, не давая им возможности овладеть нашими мыслями и волей.

Господь, как сердцевед, знает, как трудно человеку бороться с плотскими соблазнами, поэтому Он учит нас **быть решительными** и беспощадными к себе, когда видим, что кто-то или что-то толкает нас на грех. “*Если правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было брошено в геенну*” (5:29). Здесь, конечно, образная речь. Ее можно перефразировать так: если что-либо или кто-либо так дороги тебе, как твой собственный глаз или рука, но они соблазняют тебя, в таком случае решительно избавься от этой вещи и прекрати всякое общение с соблазнителем. Лучше тебе лишиться его дружбы, чем лишиться вечной жизни.

Объяснив, как бороться с греховными желаниями, Господь далее останавливается на теме нерасторжимости супружества. К этой же теме Господь возвращается в Своей беседе с саддукеями и объясняет, что в супружестве осуществляется тайна Божия, в которой двое — муж и жена — становятся одной плотью. Поэтому, “**что Бог сочетал, того человек да не разлучает**” (Мт. 19:6). Иными словами, никому из людей не дано право разводить. Раз обеты даны, брачный союз завершен, супруги должны находить общий язык и сглаживать разногласия.

После этого Господь возвращается к теме гнева и останавливается на одной из разновидностей этой страсти, которая у евреев была узаконена в виде **мести**. Для преодоления ее Господь дает христианам оружие любви, говоря так:

“Вы слышали, что сказано древним: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему другую; и

кто захочет судиться с тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся. Вы слушали, что сказано: любите ближнего своего и ненавидь врага своего. А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас, и молитесь за обижающих вас и гонящих вас; да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми, и посылает дождь Свой на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный” (5:38-48).

Допуская месть, ветхозаветный закон фактически старался ограничить ее. В случае, когда один человек нарочно или случайно причинял другому какое-нибудь физическое повреждение, закон не разрешал пострадавшему бесконтрольно воздавать злом обидчику. Закон старался ограничить месть, так сказать, “платой той же монетой:” за выбитый глаз — глазом, за зуб — зубом и т.д. Во времена Моисея закон, ограничивающий месть, был очень своевременен, потому что без него месть переходила всякую меру, и человек, нечаянно принесящий другому убыток или какое-либо повреждение, находился в опасности потерпеть любые повреждения от разъяренного мстителя. Однако, ограничение мести не решало основного вопроса: как совсем пресечь вражду между людьми.

Господь дает возможность истребить месть в самом ее зародыше. Для этой цели Он повелевает **прощать** обидчиков и не вступать с людьми в житейские пререкания: “**Не противься злему, но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему другую.**” Как огня не погасишь огнем, так и злобы не искоренишь мезтью. Единственное оружие против зла — это любовь. Может быть ближний и не сразу вразумится нашим снисхождением. Однако, главная цель достигнута: зло не распространилось на нас. Мы уступили физически, но победили духовно. За эту победу надо благодарить Бога — это вечная победа.

Конечно, словами “не противься злему” Христос не учит капитулировать перед злом, признавать за ним право на гражданство, как лукаво перетолковывает эти слова Христа писатель Л. Толстой. Здесь Господь только запрещает **сводить счеты по личным мотивам**. В тех же случаях, когда совершается прямое попрание заповедей Божиих, в особенности, когда при этом возникает соблазн для верующих, Господь повелевает бороться со злом, говоря: ” *“Если согрешит против тебя брат твой, обличи его ... Если не послушает, возьми с собою еще одного или двух свидетелей ... Если не послушает их, скажи Церкви. А если и Церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь”* (18:15-17). То есть — надо пытаться вразумить согрешающего. Но если человек настолько закоренился во грехе, что он уже не поддается никаким увещаниям, то надо прекратить с ним всякие сношения. Господь не дал Церкви другого оружия против непокорных, кроме запрета и отлучения.

В заключение Своего учения о преодолении всякой вражды и мести Господь показывает, в чем заключается самое высокое проявление **любви**. Ветхозаветный закон не чужд был понятию любви, но ограничивал ее по отношению к ближним (Лев. 19:17-18). Книжники лукаво дополнили повеление любить ближних разрешением ненавидеть тех,

которые не ближние, в особенности враги. Господь объясняет, что любовь к ближним так элементарна, что даже грешники способны к ней. От христианина ожидается более совершенная любовь, и Господь говорит:

“Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас; да будете сынами Отца вашего небесного. Ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных” (5:43-45).

Таким образом, мы видим, как Господь в Своем учении преодоления всех разновидностей гнева постепенно возводит мысль человека все выше и выше, приближая ее к подражанию бесконечной любви Небесного Отца. **Любовь имеет много форм и оттенков проявления.** Самым элементарным проявлением любви является недопущение злобы против людей, потом — преодоление желания мести и усилие простить обидчиков; затем, более высокими формами любви являются кроткое терпение неприятностей от людей и оказание помощи тем, которые нам не нравятся. Наконец, чувство жалости к своим врагам, любовь к врагам, молитва за них и желание им добра являются самыми высокими формами любви. Пример такой совершенной любви нам показал Сам Господь Иисус Христос, когда на кресте кротко молился за Своих распинателей.

Так в Нагорной Проповеди Господь возводит христиан на самую вершину добродетели: **“Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный!”** (5:48). Вот идеал, вот высочайшая цель христианина — уподобляться своему Небесному Отцу! При этом христианину следует помнить, что он восходит к совершенству не своим старанием только, но, главное, содействием благодати Духа Святого.

Гармония между внешним и внутренним.

“Смотрите, не творите милостыни вашей перед людьми, с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него” (Мт. 6:1–8).

Господь хочет, чтобы человек делал добро бескорыстно — из желания угодить Богу или помочь ближнему, а не ради выгоды и похвалы. Господь хочет, чтобы намерение человека

было так же безупречно, как его слова и поступки. Во времена земной жизни Спасителя **добродетель была в почете**, и евреи нередко соревновались между собой, кто чаще и дольше молится, кто строже постится, кто более щедро раздает милостыню. В этом соревновании у них порой, в особенности в среде книжников и фарисеев, добрые дела превращались в средство для снискания похвал. Такой утилитарный подход к религии приводил к лицемерию и ханжеству. От доброго дела оставалась только видимость, — одна скорлупа, без содержания. Господь предостерегает Своих последователей от показного благочестия, рассчитанного “на экспорт,” и призывает угождать Богу от чистого сердца.

Приводя примеры добрых дел, Господь наставляет, как надо молиться и творить милостыню, чтобы эти добрые дела были приняты Богом. *“Смотрите, не творите милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного”* (6:1). В этой и в подобных фразах Господь обращает внимание на цель, с которой мы приступаем к доброму делу. Доброе дело, совершенное “втайне,” т.е. не на показ, а для Бога, заслуживает от Него награды. Здесь следует упомянуть, что заповедь “молиться втайне” не отменяет, конечно, общественной молитвы, ведь Господь призывал и к общественной молитве, говоря: *“Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я среди них”* (Мт. 18:20).

Повеление избегать лишних слов учит не смотреть на молитву как на некое заклинание, где успех зависит от количества слов. Сила молитвы заключается в **искренности и в вере**, с которой человек обращается к Богу. Однако, продолжительная молитва не возбраняется, а, напротив, советуется, потому что, чем больше человек молится, тем дольше он пребывает в общении с Богом. Сам Господь Иисус Христос часто проводил в молитве целые ночи.

Необходимо обратить внимание на то, что дальше в этой части Нагорной Проповеди Господь говорит о **посте** с той же обстоятельностью, с какой Он говорит о молитве и о милостыне. Следовательно пост нужен. К сожалению, современные христиане в угоду своей грехолюбивой плоти совсем пренебрегают подвигом воздержания. Любят цитировать слова: *“Не то что входит в уста оскверняет человека, но то что выходит из уст”* (15:11). Между тем, без укрощения своего чрева и плотских похотей невозможно исправить свое сердце. Поэтому и другие добродетели, как молитва и сострадание, без подвига воздержания не могут раскрыть себя в должной мере.

Конечно, живем мы теперь в совершенно других условиях и при иных нравственных стандартах. Вряд ли в наши дни станут хвалить человека за его подвиги поста или молитвы — скорее будут его высмеивать как чудака. Поэтому христианину приходится волей-неволей скрывать свои добродетели. Но это не значит, что лицемерие перестало существовать в наши дни. Оно просто приняло другие формы. Теперь оно облекается в формы напускной вежливости, неискренних комплиментов. Нередко за приятными словами и улыбками кроются презрение и злоба; в глаза хвалят, а за спиной поносят. Таким образом, от христианской доброжелательности и любви остается одна жалкая видимость. Это — то же лицемерие, но в другой одежде. Таким образом, беседа Христова о неискренности направлена против всех форм лицемерия, как древних, так и новых.

Молитва Господня

“Отче наш, сущий на небесах. Да святится имя Твое, да придет Царство Твое, да будет воля Твоя на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам сегодня, и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим, и не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого” (Мт. 6:9-13).

Уча нас не говорить лишнего, Господь в качестве образца молитвы дает нам молитву “Отче наш” или, как часто ее именуют, “Молитву Господню.” Эта молитва замечательна тем, что в **немногих словах она обнимает то главное** духовное и материальное, в чем нуждается человек. Кроме того, молитва “Отче наш” учит нас правильно распределять свои заботы, показывая, что более важно, а что второстепенно.

“*Отче наш, Иже еси на небесех.*” Обращаясь к Богу словами “Отче наш,” мы напоминаем себе, что Он, как самый **любящий Отец**, постоянно заботится о нашем благе. Упоминаем мы о небе для того, чтобы отвести свою мысль от житейской суеты и направить ее туда, куда должен быть устремлен наш жизненный путь, где наша вечная родина. Обратим внимание на то важное обстоятельство, что все прошения в Молитве Господней стоят во **множественном числе**. То есть, мы молимся не только за себя, но и о всех близких нам по крови и по вере и, в какой-то мере, о всех людях. Этим мы напоминаем себе, что все мы — братья, дети Отца Небесного.

“*Да святится Имя Твое.*” В этом первом прошении мы выражаем желание, чтобы Имя Божие **почиталось и славилось** нами и всеми людьми, чтобы правая вера и благочестие распространялись во всем мире. Второе прошение дополняет первое: “*Да придет Царствие Твое.*” Здесь мы просим Бога, чтобы Он царствовал в наших сердцах, чтобы Его закон руководил нашими мыслями и делами, чтобы Его благодать освящала наши души. В этой временной жизни Царство Божие не видно для физических глаз: оно зарождается в душах христиан. Но наступит время, когда все те, у которых Царство Божие было внутри, удостоятся также войти своей душой и обновленным телом в Царство Его вечной славы. Никакие земные богатства и удовольствия не могут сравниться с блаженством Небесного Царства, где пребывают ангелы и святые люди. Вот почему верующая душа томится в этом мире и жаждет достигнуть Царства Небесного.

В человеческих взаимоотношениях сталкивается множество самых различных интересов и желаний, часто самолюбивых и греховных. Отсюда возникают между людьми всякие трения, неудовольствия и взаимные обиды. При таком разном людских желаний мы не можем требовать, чтобы все в нашей жизни шло гладко и как нам хочется, тем более, что часто мы сами ошибаемся в своих целях и предприятиях. Молитва Господня напоминает нам о том, что только **Бог в совершенстве веда**ет, что нам нужно, и учит нас просить у Него руководства и помощи: “*Да будет Воля Твоя на земле, как на небе.*”

В первых трех прошениях Молитвы Господней мы спрашиваем себе у Бога самого главного: водворения добра в наших душах и в жизненных условиях. Последующие прошения переходят к более частным и второстепенным нуждам. К этой категории относится все то, что нам необходимо для физического существования: “*Хлеб наш насущный даждь нам днесь.*” Церковно-славянское слово “насушный” правильно переводит оригинальное греческое слово “эписуион,” что значит — “необходимый.” В прошении о “насушном хлебе” содержатся: еда, кров над головой, одежда и все, необходимое для существования. Мы не перечисляем этих вещей в отдельности, потому что Сам Небесный Отец

знает, что нам послать. О завтрашнем дне мы не просим, так как не знаем, будем ли мы живы.

Следующее прошение о прощении долгов является единственной просьбой, ограниченной условием: *“И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должникам нашим.”* Понятие “долги” шире понятия “грехи.” Грехов у нас много, но долгов еще больше. Бог дал нам жизнь, чтобы мы делали добро ближним, умножали свои способности — “таланты.” Когда мы не исполняем своего земного назначения, то мы, подобно евангельскому ленивому рабу, закапываем свой талант и оказываемся должниками перед Богом. Сознвая это, мы просим Бога нас простить. Господь знает нашу слабость, неопытность и жалует нас. Он готов нас простить, но при условии: чтобы и мы прощали всех, кто провинился перед нами. Притча о немилосердном (18:24–35) должнике ярко иллюстрирует связь между прощением обид и получением прощения долгов от Бога.

В конце Молитвы Господней мы говорим: *“И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого.”* “Лукавый” значит “злой,” и это имя относится к диаволу — главному источнику всякого зла в мире. Но искушения могут возникать от множества различных причин: от людей, от неблагоприятных жизненных обстоятельств, и, главным образом, от наших страстей. Поэтому в конце молитвы мы смиренно исповедуем нашему Небесному Отцу свою духовную слабость, просим Его не допустить нас до греха и защитить нас от козней князя тьмы — диавола.

Заканчиваем молитву Господню словами, выражающими нашу полную веру в то, что Бог сделает по нашей просьбе, потому что Он нас любит, и все подчиняется Его всемогущей воле: *“Потому что Твое есть Царство, и Сила, и Слава...”* Заключительное слово “**Аминь**” на еврейском языке означает: “истинно, так пусть будет!”

О приобретении вечного сокровища

Пристрастие к богатству очень мешает человеку стать добродетельным. В Своих наставлениях и притчах Господь Иисус Христос неоднократно предостерегал людей от чрезмерной привязанности к земным благам. В Нагорной Проповеди Господь прямо запрещает христианину обогащаться, говоря:

“Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржавчина истребляют, и где воры подкапывают и крадут. Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржавчина не истребляют, и где воры не подкапывают и не крадут. Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.

Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло. Если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма.

Никто не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и мамонне” (богатству; Мт. 6:19–24).

Это наставление, конечно, не относится к обычному труду, необходимому для пропитания себя и своей семьи. Запрещается здесь человеку предаваться **излишним и томительным**

беспокойствам, связанным с обогащением. О необходимости труда Священное Писание так говорит: *“Кто не хочет трудиться, тот и не ешь!”* (2 Фес. 3:10).

Для отвращения человека от излишней привязанности к материальным благам Господь напоминает, что они **непостоянны и тленны**: их уничтожает ржавчина, моль и всякие несчастные случаи, их отнимают злонамеренные люди, похищают воры, наконец, человек их все равно вынужден будет оставить на земле, когда умрет. Поэтому, вместо того чтобы отдавать все свои силы скоплению скоропреходящих благ, человеку лучше позаботиться о приобретении **внутреннего богатства**, которое подлинно ценно и которое будет его вечным достоянием.

К внутреннему богатству следует отнести т. н. **“таланты”** человека — его умственные и душевные способности, данные ему Творцом для развития и совершенствования. И, прежде всего, к духовному богатству надо отнести **добродетели** человека, как, например, веру, мужество, воздержание, терпение, постоянство, надежду на Бога, сострадание, великодушные, любовь и другие. Эти духовные богатства следует приобретать праведной жизнью и добрыми делами. Самым ценным духовным богатством является нравственная чистота и **святость**, которые даются добродетельному человеку Духом Святым. Об этом богатстве человек должен усердно просить Бога. Получив же, должен старательно беречь его в своем сердце. К приобретению всего этого многостороннего внутреннего богатства Господь и призывает людей в Своей Нагорной беседе.

Насколько духовное богатство просветляет душу человека, настолько томительные заботы о временных материальных благах **помрачают его ум**, ослабляют веру и наполняют его душу мучительным смятением. Говоря об этом образно, Господь сравнивает разум человека с оком (глазом), который должен служить проводником духовного света: *“Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто (неповрежденно), то все тело твоё будет светло, если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно.”* Иными словами, как поврежденный глаз лишает человека возможности видеть свет, так и помраченная чрезмерными житейскими заботами душа не в состоянии бывает принимать духовный свет, не может понимать духовную сущность событий и свое назначение в жизни. Поэтому сребролюбец все равно, что слепой. В притчах “О безумном богаче,” и “О богатом и Лазаре” Господь ярко изобразил духовное помрачение и гибель двух богатых людей, которые в остальном, по-видимому, были неплохими людьми (Лук. 12:13-21; Лук. 16:14-31).

Но может быть возможно совместить духовное обогащение с материальным? Господь объясняет, что это так же невозможно, как одновременное служение двум требованиям хозяевам: *“Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть; не можете служить Богу и мамонне!”* В древности, **мамонной** называлось языческое божество, покровительствовавшее богатству. Упомянув этого идола, Господь уподобляет сребролюбца идолопоклоннику и этим показывает, как низка его страсть. Евангельский рассказ о богатом юноше показывает, как человек, привязанный к богатству, не способен бывает расстаться с ним, даже при искреннем желании служить Богу. Привязанность к богатству подавляет в нем все добрые стремления, и он больше надеется на свои деньги, чем на помощь свыше. Вот почему сказано: *“Трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие”* (Мк. 10:24). Здесь надо пояснить, что иногда грешат сребролюбием не

только богачи, но и те, которые постоянно о богатстве мечтают и которые в нем видят свое счастье.

В заключение этой части Нагорной Проповеди Господь объясняет, что все необходимые для жизни блага приходят к нам не столько от наших трудов, **сколько от милости Бога**, Который, Как добрый Отец, постоянно о нас заботится.

“Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи и тело — одежды? Взгляните на птиц небесных; они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как одна из них. Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, тем более вас, малoverы! Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или, что нам пить? или, во что нам одеться? Потому что всего этого ищут язычники; и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царствия Божия и Правды Его, и это все приложится вам” (Мт. 6:25-33).

Действительно, дар жизни и замечательное устройство нашего организма, земля с ее природными богатствами, цветами, фруктами и всякими злаками, солнечный свет и тепло, воздух и вода, времена года и все внешние условия, необходимые для нашего существования — все это подается нам милостивым Создателем. Поэтому большинство животных, птиц, рыб и других существ вовсе не трудятся, как люди, но только собирают себе уже готовую пищу. Природа также предоставляет им жилище и кров.

Малoverному человеку надо научиться **надеяться больше на Бога**, чем на собственные силы. Не к праздности Господь призывает, но хочет освободить нас от мучительных забот и чрезмерных трудов ради временных предметов, чтобы дать нам возможность позаботиться о вечности. Господь обещает, что если мы будем, **в первую очередь**, стараться о спасении своей души, то все остальное необходимое Он Сам нам пошлет: *“Ищите прежде Царствия Божия и Правды Его, и это все приложится вам.”*

Итак, эта часть Нагорной беседы призывает человека не быть алчным, довольствоваться необходимым и больше всего заботиться о духовном богатстве и вечной жизни.

О неосуждении ближних.

Большим злом и соблазном для человека является привычка плохо говорить о других. Господь строго запрещает осуждать:

“Не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судите, таким будете судимы, и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучек в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь. Или как скажешь брату твоему: “Дай я выну сучек из глаза твоего,” а вот, в твоём глазе бревно? Лицемер, вынь прежде бревно из глаза твоего, и тогда увидишь, как вынуть сучек из глаза брата твоего” (Мт. 7:1–5).

Мы знаем, что духовное возрождение не приходит само собой. Оно требует строгой проверки своих поступков, мыслей и чувств, оно все построено на активном исправлении себя. Человек, искренне стремящийся жить по-христиански, не может порой не замечать в себе зарождение недобрых мыслей, греховных побуждений, которые зарождаются в нем как бы сами собой. Преодолевая эти внутренние искушения, он по личному опыту знает, как трудна и напряженна борьба со своими недостатками, как много усилий стоит стать добродетельным. Поэтому, истинный христианин всегда **скромно думает о себе**, считает себя грешником, скорбит о своем несовершенстве и просит у Бога прощения своих грехов и помощи стать лучше. Такое искреннее сознание своего несовершенства мы видим у всех подлинных праведников. Например, св. ап. Иаков писал, что “все мы много согрешаем,” а св. ап. Павел утверждал, что Господь пришел спасти грешников, среди которых он является первым. Св. ап. Иоанн Богослов в таких словах порицал тех, которые считали себя безгрешными: “Если мы говорим, что не согрешаем, то обольщаем самих себя, и истины нет в нас” (Иак. 3:2; 1 Тим. 1:15; 1 Ион. 1:18). Естественно, что человек всеми силами заботящийся о своем исправлении, не будет любопытствовать о чужих прегрешениях, тем более — находить удовольствие в их разглашении.

Однако, люди, только поверхностно знающие Евангельское учение и не живущие по-христиански, часто бывают очень зоркими на чужие недостатки и наслаждаются, говоря плохо о других. Осуждение есть первый признак отсутствия в человеке подлинной духовной жизни. Еще хуже получается, когда нерадивый грешник в своем духовном ослеплении берется поучать других. Господь спрашивает такого лицемера: *“Как ты скажешь брату твоему: “Дай, я выну сучек из глаза твоего,” а вот, в твоем глазе бревно?* Под “бревном” можно понимать отсутствие в осуждающем человеке духовной чуткости, — его нравственное огрубение. Если бы он заботился об очищении своей совести и по опыту знал всю трудность добродетельного пути, то он не посмел бы предлагать другому своих жалких услуг. Ведь и больному не свойственно братья за лечение других!

Итак, по словам Господа, отсутствие духовной чуткости настолько хуже других недостатков, насколько бревно тяжелее сучка. Подобную духовную слепоту обнаружили иудейские вожди времен земной жизни Спасителя — книжники и фарисеи. Беспощадно осуждая всех, они только себя считали праведными. Даже у Христа они находили недостатки и всенародно Его порицали за то, что Он нарушает, мол, субботу, вкушает пищу с мытарями и грешниками! Не понимали они, что Господь все это делал для спасения людей. Книжники и фарисеи скрупулезно заботились о всяких обрядовых мелочах — о ритуальном очищении посуды и мебели, об уплате десятины с мяты и аниса, и, в то же время, без всякого угрызения совести лицемерили, ненавидели и обижали людей (смотри Мт. 23-ю главу). Дойдя до крайнего помрачения, они осудили на крестную смерть Спасителя мира, а потом перед народом оклеветали Его воскресение из мертвых. При всем этом, они продолжали ходить в храм и напоказ долго молиться! Неудивительно поэтому, что и теперь, как тогда и во все времена, подобные им самодовольные лицемеры найдут причины осуждать других.

Апостол Иаков объясняет, что право судить принадлежит только **Богу**. Он единый есть Законодатель и Судья. Все же люди, без исключения, будучи грешниками в разной степени, являются Его подсудимыми. Поэтому, человек, осуждающий ближних, присваи-

вает себе звание судьи и этим тяжело грешит (Иак. 4:11). Господь говорит, что чем строже человек судит людей, тем строже он будет судим Богом.

Привычка осуждать других пустила глубокие корни в современном обществе. Нередко, самый невинный разговор среди прихожан на какую-нибудь тему переходит к осуждению знакомых. Надо помнить, что грех есть духовный яд. Как люди, имеющие дело с обычными ядами, всегда находятся в опасности себя отравить от неосторожного прикосновения или от вдыхания его испарений, так и люди, любящие перебирать недостатки своих знакомых, этим соприкасаются с духовным ядом и отравляют себя. Неудивительно поэтому, что они постепенно пропитываются тем злом, которое осуждают. Преподобный Марк Подвижник наставлял по этому поводу: “Не желай слушать о чужих лукавствах, потому что при этом начертания тех лукавств написываются в нас.” Людям высокой духовной жизни преп. Марк советовал сочувствовать другим людям, не достигшим еще высокой меры духовности. Это сочувствие, понимание, по его словам, необходимо, для сохранения цельности собственного духовного строя: “Имеющий какое-либо дарование духовное и состраждущий неимущим, сим состраданием хранит свой дар” (Добротолубие, том 1-ый). Великий русский святой, преподобный Серафим Саровский, всех приходящих к нему приветствовал словами: “Радость моя!” А себя не иначе называл, как “убогий Серафим.” Вот подлинно христианское настроение!

Запрещая осуждать, Господь дальше объясняет, что неосуждение не означает безразличного отношения ко злу и к тому, что вокруг человека происходит. Господь **не хочет**, чтобы мы равнодушно допускали греховные обычаи в своей среде или чтобы давали грешникам одинаковый доступ к святыне вместе с праведными. Господь говорит: “*Не давайте святыни вашей псам и не бросайте бисера вашего пред свиньями.*” Здесь Господь называет псами и свиньями людей, **нравственно опустившихся**, ставших пошлыми и неспособными к исправлению. Христианину надо остерегаться таких людей: не раскрывать им глубоких истин христианской веры, не допускать их к таинствам Церкви. Иначе они это святое осмеют и осквернят. Не следует также делиться с циничными людьми своими сокровенными переживаниями, раскрывать перед ними свою душу, чтобы они, по выражению Спасителя, “*не попрали его (это наше сокровище) ногами своими и, обратившись, не растерзали нас*”(7:6). Таким образом, в этой части Нагорной Проповеди Господь предостерегает нас против двух крайностей: безразличия ко злу и осуждения ближних.

Постоянство и надежда на Бога.

“Просите, и дано будет вам, ищите, и найдете, стучите, и отворят вам. Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит у него рыбы, подал бы ему змею? Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него” (Мт. 7:7-11).

Это наставление говорит как о постоянстве в молитве, так и о постоянстве в делах. У человека с добрыми намерениями иногда получается, что он от одной крайности бросается в другую: сначала с жаром берется за какое-нибудь благое дело, а потом, сталкиваясь с

трудностями, его оставляет и больше ничего не делает. Причиной такого непостоянства являются **неопытность и самонадеянность**.

Конечно, большинство людей, в разной мере, слабы и неопытны в добродетельной жизни. Но равно нехорошо, как ничего не делать, так и браться за дела превышающие наши силы. Чтобы избежать этих крайностей, надо просить у Бога, во-первых, вразумления, потом — помощи, веря, что *“всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.”* Для укрепления нашей веры в получении просимого Господь приводит в пример наше отношение к своим детям: *“Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему змею? Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие подавать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него.”* Для наглядности, как Бог исполняет наши просьбы, Иисус Христос рассказал притчу о неправедном судье. Смысл притчи понятен: если даже неправедный судья исполнил просьбу вдовы, чтобы перестала докучать ему, то тем более Бог, который милосерден, исполнит нашу молитву (Лук. 18:1-8).

Святой Евангелист Лука, приводя слова Спасителя о постоянстве в молитве, вместо слова “блага,” приводит слова **“Духа Святого.”** Возможно, что Господь позже в этой же беседе пояснил, что благодать Божия является тем величайшим благом, о котором надо просить. Действительно, все самое возвышенное и доброе имеет своим источником Духа Святого, например: чистая совесть, ясность ума, крепость веры, понимание цели жизни, бодрость сил, душевный мир, неземная радость и, в особенности, святость, которая является высшим сокровищем души.

Что же касается тех материальных благ и житейских успехов, которых мы добиваемся, то их можно просить у Бога. Но при этом следует помнить, что они имеют второстепенное и временное значение. Как Господь дальше наставляет, мы должны стремиться не к тому, что нам приятно и легко дается, но к тому, что ведет к спасению: *“Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими. Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их”* (7:13-14). Широкий путь — это жизнь, направленная к обогащению и плотским утехам. Узкий путь — это жизнь, направленная на исправление своего сердца и на добрые дела.

В конце этой части Нагорной Проповеди Господь дает нам заповедь, замечательную по краткости и ясности, которая охватывает всю гамму человеческих взаимоотношений: **“Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки”** (7:12). В этом весь смысл Божественного закона и писания пророков.

Таким образом, в этой части Своей беседы Господь учит нас, избрав узкий путь жизни и стараясь делать добро каждому человеку, с постоянством просить у Бога вразумления, помощи и духовных дарований. Бог непременно поможет нам, потому что Он есть неисчерпаемый источник всех благ и наш любящий Отец.

О Ложных Пророках

В конце Своей Нагорной беседы Господь предостерегает верующих против лжепророков, уподобляя их волкам в овечьей одежде. “Псы” и “свиньи,” о которых Господь только что говорил, не столь опасны верующим, как ложные пророки, потому что их порочный образ жизни очевиден и может только от них оттолкнуть. Лжеучители ложь вы-

дают за истину и свои правила жизни за Божественные. Надо быть очень чутким и мудрым, чтобы увидеть, какую духовную опасность они представляют.

“Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: по плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые: не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак, по плодам их узнаете их. Не всякий, говорящий Мне: Господи! Господи! войдет в царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие” (Матф. 7:15-23).

Это сравнение лжепророков с волками, притворяющимися овцами, было очень убедительно для евреев, слушающих Христа, потому что на протяжении своей многовековой истории этот народ претерпел много бедствий от ложных пророков.

На фоне лжепророков добродетели истинных пророков были особенно очевидны. Истинные пророки отличались бескорыстием, послушанием Богу, бесстрашным обличением людских грехов, глубоким смирением, любовью, строгостью к себе и чистотой жизни. Они ставили себе целью привлекать людей к Царству Божию и были созидающим и объединяющим началом в жизни своего народа. Хотя истинные пророки нередко бывали отвергаемы широкой массой современников и преследуемы людьми, стоящими у кормила власти, их деятельность оздоравливала общество, воодушевляла на добродетельную жизнь и подвиг лучших сынов еврейского народа, одним словом — вела к славе Божией. Такие добрые плоды приносила деятельность истинных пророков, которыми восхищались верующие евреи последующих поколений. С благодарностью они вспоминали пророков Моисея, Самуила, Давида, Илию, Елисея, Исаию, Иеремию, Даниила и других.

Совсем другой образ действий и другие цели преследовали самозванные пророки, которых было немало. Избегая обличений грехов, они умело льстили людям, чем обеспечивали себе успех среди народной массы и милость сильных мира сего. Обещаниями благоденствия они усыпляли народную совесть, что вело к нравственному разложению общества. В то время как истинные пророки делали все для блага и единства Царства Божия, лжепророки искали личной славы и пользы. Они не брезговали клеветой против истинных пророков и преследовали их. В конечном итоге их деятельность способствовала гибели государства. Таковы были духовные и социальные плоды деятельности лжепророков. Но скороспелая слава лжепророков истлевала быстрее их бранных тел, и евреи последующих поколений со стыдом вспоминали, как их предки поддались обольщению (Св. пророк Иеремия в своем “Плаче” горько жалуется на лжепророков, которые погубили еврейский народ, см. Плач. 4:13).

В периоды духовного упадка, когда Бог посылал истинных пророков, чтобы направить евреев на добрый путь, одновременно появлялось среди них и большое количество самозванных пророков. Так, например, их особенно много проповедовало от 8-го до 6-го столетия до Р.Хр., когда погибли Израильское и Иудейское царства, потом — перед раз-

рушением Иерусалима, в семидесятых годах нашей эры. Согласно предсказанию Спасителя и апостолов, много лжепророков придет перед концом мира, некоторые из которых даже произведут поразительные чудеса и знамения в природе (конечно, ложные) (Мт. 24:11-24; 2 Пет. 2:11; 2 Фес. 2:9; От. 19:20). Как в ветхозаветное, так и в новозаветное время ложные пророки причиняли много вреда Церкви. В ветхозаветное — они усыплением народной совести ускоряли процесс нравственного разложения, в новозаветное — отводом людей от истины и насаждением ересей они отрывали ветви великого дерева Царства Божия. Современное обилие всевозможных сект и “деноминаций” есть, несомненно, плод деятельности современных лжепророков. Все секты рано или поздно исчезают, на их месте прозябают другие, только истинная Церковь Христова пребудет до конца мира. О судьбе ложных учений Господь сказал: *“Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится”* (Мт. 15:13).

Надо пояснить, что будет преувеличением и натяжкой каждого современного пастора или неправославного проповедника причислять к лжепророкам. Ведь, несомненно, что среди инославных религиозных деятелей есть много искренне верующих, глубоко жертвенных и порядочных людей. Они принадлежат к той или иной ветви христианства не по объективному выбору, но по наследству. Лжепророки — это именно основатели неправославных религиозных течений. Лжепророками еще могут быть названы современные телевизионные “чудотворцы,” экзальтированные бесовские заклинатели и самовлюбленные проповедники, выдающие себя за Божьих избранных, и все те, которые обратили религию в орудие личной наживы.

В Нагорной Проповеди Господь предостерегает Своих последователей от ложных пророков и учит не доверять их внешней привлекательности и красноречию, но обращать внимание на “плоды” их деятельности: *“Не может дерево худое приносить плоды добрые ... ибо дерево худое приносит и плоды худые.”* Под худыми “плодами” или делами не обязательно понимать грехи и гнусные поступки, которые лжепророки умело скрывают. Вредными плодами деятельности всех лжепророков, общими для всех них, являются **гордость** и **отторжение людей от Царства Божия**.

Не может лжепророк скрыть свою гордость от чуткого сердца верующего человека. Один святой сказал, что дьявол может показывать вид любой добродетели, кроме одной — **смирения**. Как волчьи зубы из-под овечьей шкуры, так и гордость проглядывает в словах, жестах и взоре лжепророка. Ищущие популярности лжеучители любят напоказ, при большой аудитории совершать “исцеления” или “изгнания” бесов, поражать слушателей смелыми мыслями, вызывать у публики восторг. Их выступления неизменно завершаются крупными денежными сборами. Как далек этот дешевый пафос и самоуверенность от кроткого и смиренного образа Спасителя и Его Апостолов!

Господь далее приводит ссылки лжепророков на свои чудеса: *“Многие скажут Мне в этот день (суда): Господи, Господи, не от Твоего ли Имени мы пророчествовали? И не Твоим ли Именем бесов изгоняли? И не Твоим ли Именем многие чудеса творили?”* О каких чудесах они говорят? Может ли ложный пророк совершить чудо? Нет! Но Господь посылает Свою помощь по вере просящего, а не по заслугам человека, выдающего себя за чудотворца. Лжепророки же приписали себе дела, которые совершал Господь по Своему состраданию к людям. Возможно также, что лжепророки в своем самообольщении, мнили, что они совершают чудеса. Так или иначе, Господь на всемирном суде отвергнет их, сказав: *“Отойдите от Меня, делающие беззаконие! Я никогда не знал вас!”*

Итак, хотя лжепророки ослабляют Церковь, отторгая от нее неосторожных овец, верные чада Церкви не должны смущаться малолюдности и кажущейся слабости истинной Церкви, потому что Господь отдает предпочтение малому количеству людей, хранящих истину, многолюдству заблуждающихся:— *“Не бойся малое стадо, ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство!”* и обещает верным Свою Божественную защиту от духовных волков, говоря: *“Я им дам жизнь вечную, и не погибнут во век; и никто не похитит их из руки Моей”* (Лк. 12:32, Ион. 10:28).

Как устоять во время испытаний

Свою Нагорную беседу Господь заканчивает сравнением жизни с построением дома и показывает, как добродетельная жизнь делает человека стойким против неизбежных в жизни испытаний и, напротив, как беспечный образ жизни ослабляет душевные силы человека и делает его легкой добычей искушений.

“Всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое. И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи” (Мт. 7:24-29).

Приведенное сравнение образа жизни человека с домом было очень понятно жителям Святой Земли. Эта страна в большей части своей — гористая. Внезапные проливные дожди наполняют горные ручьи и реки, обычно сухие, бурными потоками воды, которые устремляются в долины, унося с собою все, что попадает им на пути. Тогда никакие здания, лежащие на пути этих наводнений, не могут устоять перед напором воды, в особенности, если фундамент под ними песчаный. Поэтому благоразумные люди всегда строили свои здания на каменной основе и на достаточной высоте над уровнем дождевых потоков.

В человеческой жизни разные бури совершенно неизбежны. Под ними надо понимать: пожары, землетрясения, войны, гонения, неизлечимые болезни, смерть близкого человека и подобные бедствия, которые всегда приходят неожиданно и сотрясают до основания человеческую жизнь. В один миг можно потерять здоровье, семью, счастье, богатство, душевное равновесие — все. При такой буре падением для человека будет утрата веры, отчаяние или ропот на Бога.

Неизбежны в жизни человека и внутренние потрясения, которые могут быть еще опаснее физических бурь, например: бушевание страстей, тяжелые искушения, мучительные сомнения в вопросах веры, приступы гнева, ревности, зависти, страха и т.д. В данном случае падением для человека будет поддаться соблазну, отречься от Бога, от своей веры или как-то иначе нарушить голос своей совести. Эти внутренние потрясения являются следствием не только неблагоприятных жизненных обстоятельств, но, часто результатом действий и поступков злонамеренных людей а также дьявола, который, по словам апостола, *“ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить”* (1 Пет. 5:8).

(Человеку предстоит в день своей смерти пройти через последнее испытание. Как описывается в некоторых житиях святых, когда душа покидает тело, перед ее взором раскрывается потусторонний мир, и она начинает видеть как добрых Ангелов, так и бесов. Бесы стараются смутить душу человека, тем что показывают ей грехи, которые она совершала, живя в теле, и убедить ее, что ей нет спасения. Этим они стараются душу привести в отчаяние и увлечь с собою в бездну. В это время Ангел-хранитель защищает душу от бесов и ободряет ее надеждой на милосердие Божие. Если человек жил грешно и не имеет веры, то бесы могут одолеть его душу. Этот переход души от места ее разлучения с телом к престолу Божию называется “мытарствами.” Возможно, что именно об этом испытании пишет св. ап. Павел, когда внушает христианам облечься в броню праведности, чтобы устоять против **духов злобы поднебесных** “в день злый,” и, все преодолевши, устоять” (Еф. 6:12-13). “Броня праведности,” по объяснению святых отцов, это — совокупность добродетелей человека, а “день злый” — время тяжелого искушения после разлучения души с телом. Будучи изгнаны с неба, темные духи витают в области между небом и землей и чинят козни душам людей на их пути к престолу Божию. Только после всеобщего суда бесы будут окончательно заключены в бездне).

Кто может быть спокоен и счастлив при таком непостоянстве земных дел? Тот, кто со Христом и во Христе. Живущие по закону Христову утверждены на твердой скале и ограждены от бурь. Обладая верой и любовью к Богу, они не должны бояться их, потому что Господь не допустит впасть верующему человеку в искушение сверх его силы (1 Кор. 10:13). Но не исполняющий заповедей Христовых не может устоять, когда поднимутся против него тяжелые испытания. Чаще всего он впадет в отчаяние, и тогда падение его будет губельно для него самого и предостерегающим для других. Наблюдая это, древний мудрец написал: *“Как проносится вихрь, так нет более нечестивого, а праведник на вечном основании”* (Притчи Соломона 10:25).

Святые отцы скорбь уподобляют огню. Один и тот же огонь солому превращает в пепел, а золото очищает от всякой нечистой примеси. Тех, которые живут благочестиво, Господь ободряет такими словами: *“Не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему, ибо Ангелам Своим (Я) заповедал о тебе — хранить тебя на всех путях твоих. На руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею. На аспида и василиска наступишь, попирать будешь льва и дракона”* (Пс. 90:11, “аспид” и “василиск” — ядовитые змеи).

Итак, в Своей Нагорной беседе Спаситель дает нам яркое и всеобъемлющее руководство, как стать добродетельными, как построить тот стройный и благолепный дом духовных совершенств, в котором будет обитать Дух Святой.

Суммируя наставления в отношении **Бога**, Спаситель учит нас Его волю ставить на первое место, свои дела всегда направлять к славе Божией, стараться уподобляться Богу в Его совершенствах, твердо верить, что Он нас любит и постоянно о нас заботится.

В отношении **ближних** Господь нас учит не мстить, прощать обидчиков, быть милосердными, сострадательными и миролюбивыми, никого не осуждать, поступать с людьми так, как хотим, чтобы они с нами поступали, всех любить, даже своих врагов, но, в то же время, остерегаться “псов” и, в особенности, самозванных пророков лже-учителей.

В отношении **своего внутреннего устремления** Господь нас учит быть смиренными и кроткими, избегать лицемерия и двуличия, развивать свои положительные качества, стремиться к праведности, быть постоянными в добрых делах, трудолюбивыми, терпели-

выми и мужественными, хранить свое сердце чистым, с радостью переносить страдания ради имени Христова и правды Его. Все духовные труды человека не напрасны: они делают его крепким и непоколебимым во время житейских бурь, а на небе готовят ему вечную награду.

Евангельские Притчи

Значение Евангельских Притч.

Господь Иисус Христос нередко учил в форме иносказательных рассказов, *притч*, беря примеры из природы и современной жизни. Хотя притчами пользовались иногда и ветхозаветные пророки, особое совершенство и красоту они получили в устах Богочеловека.

Спаситель прибегал к притчам по нескольким причинам. Во-первых, Он учил глубоким духовным истинам, постичь которые было не легко Его слушателям — людям, главным образом, лишенных всякого образования. Конкретный же и яркий рассказ, почерпнутый из жизни, мог запомниться ими на многие годы, и, размышляя о нем, человек имел возможность постепенно постигнуть скрытую в притче мудрость. Во-вторых, люди, не вполне понимающие прямо выраженного учения Спасителя, могли со временем начать пересказывать и перетолковывать его в искаженном виде. Притчи сохраняли чистоту учения Христова тем, что облекали его содержание в форму конкретного повествования. В-третьих, притчи обладают большой нравоучительной широтой, которая дает возможность применять **Божественные законы** не только к частной, но и к общественной жизни и даже к историческим процессам.

Христовы притчи замечательны, что, несмотря на прошедшие века, они несколько не утратили своей свежести, своей наглядности и чарующей красоты. Они являются ярким примером тесного единства, которое существует между духовным и физическим миром, между внутренними процессами в человеке и их проявлением в жизни.

В Евангелиях мы находим более тридцати притч. Их можно разделить в соответствии с тремя периодами общественного служения Спасителя. К первой группе относятся притчи, рассказанные Спасителем вскоре после Нагорной проповеди, в период между второй и третьей Пасхой Его общественного служения. В этих начальных притчах говорится об условиях распространения и укрепления Царства Божия среди духовно одичавших людей. Сюда относятся притчи о сеятеле, о плевелах, о невидимо растущем семени, о зерне горчичном, о драгоценной жемчужине и другие. О них мы будем говорить в 1-й главе.

Вторая группа притч рассказана Господом к концу третьего года Его общественного служения. В этих притчах Господь говорит о бесконечном милосердии Божиим к кающимся людям и дает излагает конкретные нравственные правила. Сюда относятся притчи о заблудшей овце, о блудном сыне, о немилосердном должнике, о милосердном самарянине, о безрассудном богаче, о мудром строителе, о судье неправедном и другие. Об этих притчах мы поговорим во 2-й и 3-й главах.

В Своих последних притчах (третьего периода), рассказанных незадолго до крестных страданий, Господь говорит о Благодати Божией и об ответственности человека перед Богом. Здесь Господь предсказывает о наказании, имеющем постигнуть неверующих еврейский

народ за его неверие, говорит еще о Своем Втором пришествии, о страшном суде, о награде праведным и о вечной жизни. В эту последнюю группу входят притчи о бесплодной смоковнице, о злых виноградарях, о званых на вечерю, о талантах, о десяти девах, о рабниках, получивших равную плату и другие. Эти притчи помещены в 4-й главе.

1. Притчи о Царстве Божьем

В первой группе притч Господь Иисус Христос излагает Свое учение о **распространении среди людей Царства Божия** или Царства Небесного. Под этими именами следует понимать Церковь Христову, которая вначале состояла из небольшой группы учеников Христовых, а после сошествия Святого Духа на Апостолов в день Пятидесятницы, стала распространяться по всему миру. По своей духовной сущности, по своему заданию, Церковь Христова, в противоположность ветхозаветной религии, к которой принадлежали только евреи, не ограничена какой-либо территорией, народностью, культурой, языком, или другими внешними признаками. Она стремится всех людей привлечь к спасению. Ради Своего Единородного Сына, Бог жалеет и милует любого человека, всем подавая, в меру их искренности и усердия, свою всеильную благодать, а с нею — духовное просветление и несказанную радость.

Люди, ставшие членами Церкви Христовой, в Евангелии именуется “сынами Царства,” в противоположность “сынам лукавого” — неверующим и упорствующим грешникам. Об условиях распространения и укрепления Царства Божия в людях говорят притчи о сеятеле, о плевелах, о невидимо растущем семени, о зерне горчичном, о закваске и о сокровище, скрытом в поле.

Притча о Сеятеле.

Эта притча является по времени первой притчей Спасителя. В ней говорится о том, как люди **по разному** принимают Божественное слово (семя), и как это слово по разному воздействует на людей, в зависимости от их душевного устремления. Эта притча так записана Евангелистом Матфеем:

“Вот, вышел сеятель сеять. И когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали его. Иное упало на места каменистые, где немного было влаги, и скоро взошло, потому что земля была не глубока. Когда же взошло солнце, оно увяло, и, так как не имело корня, засохло. Иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его. Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать. Имеющий уши, да слышит!” (Мт. 13:1-23).

В этой притче, **дороге** уподобляются люди, нравственно огрубевшие. Слово Божие не может проникнуть в их сердца: оно как бы падает на поверхность их сознания и быстро изглаживается из их памяти, нисколько не заинтересовав их и не вызвав в них никаких духовных возвышенных чувств. **Каменистой почве** уподобляются люди непостоянные в своем настроении, у которых добрые порывы так же неглубоки, как тонкий слой земли, покрывающий поверхность скалы. Такие люди, если и заинтересуются в какой-то момент

своей жизни Евангельской истиной, как интересной новинкой, то они все равно не способны ради нее жертвовать своими интересами, изменить привычный образ жизни, начать неуклонную борьбу со своими дурными наклонностями. При первых же испытаниях такие люди падают духом и соблазняются. Говоря о **тернистой почве**, Христос имеет в виду людей, обремененных житейскими заботами, людей, стремящихся к наживе, любящих удовольствия. Житейская суета, погоня за призрачными благами, как сорная трава, заглушает в них все доброе и святое. И наконец, люди с чутким к добру сердцем, готовые изменить свою жизнь согласно учению Христову уподоблены **плодородной земле**. Они, услышав слово Божье, твердо решают следовать ему и приносят плод добрых дел, кто в сто, кто в шестьдесят, кто в тридцать крат, каждый — в зависимости от своих сил и усердия.

Господь закончил эту притчу восклицанием: *“Имеющий уши, да слышит!”* Этим призывом Господь стучится в сердце каждого человека, побуждая его внимательнее **заглянуть в свою душу** и понять: не подобен ли он запущенному полю, покрытому сорняками его греховной жизни? Но нельзя отчаиваться! Ведь любая поначалу негодная почва при старании и труде земледельца может стать самой плодородной. Так и каждый из нас должен сделать усилие исправить себя — покаянием, молитвой, воздержанием от излишеств и греховных увлечений — и начать приносить Богу плоды добрых дел. В этом задача нашей жизни. Каждый, даже самый “отпетый” грешник с Божией помощью может стать праведником и даже святым. Вся история христианства свидетельствует об этом!

О Плевелах.

Церковь Христова на земле, являясь по своей сущности духовным царством, имеет, конечно, и внешнюю форму своего бытия, поскольку она состоит из людей, облеченных тленной плотью. К сожалению, не все люди принимают христианскую веру по внутреннему убеждению, с желанием во всем следовать воле Божией. Некоторые становятся христианами в силу **сложившихся обстоятельств**, например: следуя общему примеру, или незаметно, будучи крещеными в детстве своими родителями. Другие люди, хотя и встали на путь спасения с искренним желанием служить Богу, со временем ослабели в своем усердии и стали поддаваться своим прежним грехам и порокам. В силу этих причин к Церкви нередко принадлежат люди, которые по своему духовному настроению и по своему образу жизни больше язычники, чем христиане. Их предосудительные поступки не могут не вызывать нарекания, которые бросают тень на всю Церковь и дают повод поносить само учение Христово.

В Своей притче о плевелах, Господь говорит о том печальном факте, что в этой временной жизни, совместно с верующими и добрыми членами Царства Божия, уживаются и недостойные его члены, которых, в отличие от сынов Царства, Господь именует “сынами лукавого.” Эта притча так записана Евангелистом Матфеем:

“Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем. Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы, и ушел. Когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Пришедши же, рабы домовладыки сказали ему: “Господин! Не доброе ли семя ты сеял на поле твоём? Откуда же плевелы?” Он же сказал им: “Враг человеческий сделал это.” А рабы сказали ему: “Хочешь ли, мы пойдем, выберем их?” Но он сказал им: “Нет, чтобы выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы. Оставьте расти вместе то и другое до

жатвы. И во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою” (Мт. 13:24-30).

В этой притче под плевелами следует понимать, как соблазны в церковной жизни, так и самих людей, ведущих образ жизни, недостойный для христианского звания. Церковная история испещрена событиями, которые никак не могли исходить от Бога — ересями, церковными смутами и расколами, религиозными преследованиями, приходскими склоками и интригами, соблазнительными поступками людей, порой занимающих в Церкви руководящее положение. Поверхностный или далекий от духовной жизни человек, видя это, готов бросить камень осуждения в само учение Христово, как неспособное исправлять людей.

Господь в притче о плевелах показывает подлинный первоисточник всех темных дел — дьявола. Если бы у нас открылось духовное зрение, то мы увидели бы, что существуют реальные злые существа, именуемые бесами, которые сознательно и упорно толкают людей на всякое зло, искусно играя и пользуясь их слабостями. Согласно этой притче, и сами орудия этой злой невидимой силы — люди — не безвинны: *“Пока люди спали, пришел враг и посеял плевелы,”* т.е. благодаря беспечности людей, дьявол имеет возможность на них влиять.

Почему Господь не уничтожает людей, совершающих злое? Потому, как сказано в притче, чтобы, *“вырывая плевелы, не повредить пшенице,”* то-есть чтобы, карая грешников, не повредить одновременно сынам Царствия — добрым членам Церкви. В этой жизни отношения между людьми переплетены так тесно, как корни растений, совместно растущих в поле. Люди связаны друг с другом множеством семейных, социальных и других связей, все зависят друг от друга. При этом, недостойный отец, например — пьяница или развратник — может заботливо растить своих благочестивых детей; благополучие честных рабочих часто зависит от корыстного и грубого хозяина; неверующий правитель может оказаться мудрым и полезным для граждан законодателем. Если бы Господь без разбора карал всех грешников, то в корне бы нарушился весь жизненный строй, в котором неизбежно пострадали бы и добрые, но порой мало приспособленные к жизни люди.

Кроме того, нередко случается так, что многогрешный член Церкви вдруг после какого-либо жизненного потрясения или события исправляется и, таким образом, из “плевелов” становится “пшеницей.” Таких случаев коренного изменения образа жизни история знает очень много, например: ветхозаветный царь Манассия, апостол Павел, равноапостольный князь Владимир и многие другие. Надо помнить, что в этой жизни никто не обречен на гибель: каждому предоставляется возможность покаяться и спасти свою душу. Только когда истекает у человека его жизненный срок, наступает для него день “жатвы” и подводится итог его прошлому.

Притча о плевелах учит нас **бодрствовать**, то есть, внимательно относиться к своему духовному состоянию, не полагаясь на свою праведность, чтобы дьявол не воспользовался нашей беспечностью и не посеял в нас греховные желания. Одновременно с этим, притча о плевелах учит нас относиться с **зрелым пониманием** к церковным событиям, помня, что в этой временной жизни, пока свирепствует дьявол и в людях бушуют страсти, отрицательные явления неизбежны. Росла-ли где-нибудь пшеница, совершенно чуждая плевел? Но как сорные травы ни имеют ничего общего с пшеницей, так и духовному Царству Божию совершенно чуждо то зло, которое иногда случается в церковной ограде. Не все те,

кто числятся в списках прихожан, в действительности принадлежат к Церкви Христовой, ибо *много званых, а мало избранных*.

При этом, Царство Божье не только учение, которое принимается на веру. Оно содержит в себе **великую благодатную силу**, способную преобразовать весь душевный мир человека. Об этой возрождающей силе Своего Благодатного Царства говорит Господь в следующей притче

О Невидимо Растущем Семени,

записанной Евангелистом Марком в четвертой главе его Евангелия:

“Царство Божие подобно тому, как если человек бросил семя в землю. И спит и встает ночью и днем, и, как семя всходит и растет, не знает он. Ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе. Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва” (Мр. 4:26-29).

Как растение, выйдя из семени, проходит разные стадии роста и развития, так и человек, принявший учение Христово и крестившийся, при содействии благодати Божией постепенно внутренне преобразуется и растет. В начале своего духовного пути, человек полон добрых порывов, которые кажутся плодотворными, но которые на деле оказываются незрелыми, как молодые побеги растущих растений. Господь не порабощает воли человека Своей всемогущей силой, но предоставляет ему время обогатиться этой благодатной силой, чтобы окрепнуть в добродетели. Только духовно зрелый человек способен приносить Богу совершенный плод добрых дел. Когда же Бог видит человека духовно определившимся, созревшим, тогда берет его из этой жизни к Себе, что в притче именуется “жатвой.”

Следуя наставлению этой притчи о невидимо растущем семени, надо научиться относиться с **терпением** и снисхождением к немощам окружающих нас людей, потому что все мы находимся в процессе духовного возрастания. Одни достигают духовной зрелости раньше, другие позже. Следующая притча о зерне горчичном дополняет предыдущую, говоря о **внешнем** проявлении благодатной силы в людях.

О Зерне Горчичном.

“Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится большим деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его” (Мт. 13:31-32).

На Востоке горчичное растение достигает крупных размеров (более двенадцати футов), хотя зерно его чрезвычайно мало, так что у евреев времен Христа существовала поговорка: “Мал, как горчичное зерно.” Это сравнение Царства Божия с горчичным зерном вполне подтвердилось быстрым распространением Церкви по странам языческого мира. Церковь, будучи вначале малым, для остального мира неприметным религиозным обществом, представленным малочисленной группой некнижных галилейских рыбаков, распростра-

нилась в течение двух столетий по всему лицу тогдашнего мира — от дикой Скифии до знойной Африки и от далекой Британии до таинственной Индии. Люди самых различных рас, языков и культур обретали в Церкви спасение и духовный мир, подобно тому, как птицы в ненастную погоду находят убежище на ветвях могучего дуба.

О благодатном преображении человека, о котором говорилось в притче о невидимо растущем семени, говорится еще и в следующей совсем короткой притче

О Закваске.

“Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все.”

“Три меры муки” символизируют три душевные силы: ум, волю и чувства, которые благодать Божия преобразует. Она просвещает разум, открывая ему духовные истины, укрепляет волю в добрых делах, умиротворяет и очищает чувства, вселяя в человека светлую радость. Ничто на земле не поддается сравнению с благодатью Божией: земное питает и укрепляет тленное тело, а благодать Божия питает и укрепляет бессмертную душу человека. Вот почему человек должен превыше всего дорожить благодатью Божией и быть готовым ради нее всем жертвовать, как об этом Господь рассказал в следующей притче.

О Сокровище, скрытом в поле.

Эта притча говорит о том **воодушевлении и радости**, которые испытывает человек, когда его сердца касается благодать Божия. Согреваемый и озаряемый ее светом, он ясно видит всю пустоту, все ничтожество материальных благ.

“Царство Небесное подобно сокровищу, скрытому на поле, которое нашедши человек утаил, и от радости о нем идет, и продает все, что имеет, и покупает поле то” (Мт. 13:44).

Благодать Божия есть **подлинное сокровище**, в сравнении с которым все земные блага представляются ничтожными (или сор, по выражению ап. Павла). Однако, как невозможно человеку овладеть сокровищем, пока он не продаст свое имущество, чтобы купить поле, где оно скрыто, так нельзя стяжать благодать Божию, пока человек не решится пожертвовать своими земными благами. Ради благодати, подаваемой в Церкви, человеку необходимо пожертвовать всем: своим предвзятым мнением, свободным временем и спокойствием, жизненными успехами и удовольствиями. Согласно притче, нашедший сокровище “утаил его” для того, чтобы другие не похитили его. Подобным образом, и члену Церкви, получившему благодать Божью, следует бережно **хранить ее** в душе, не кичась этим даром, чтобы по гордости не утратить его.

Как мы видим, в этой первой группе евангельских притч Господь дает нам законченное и стройное учение о внутренних и внешних условиях распространения в людях благодатного Царства Божия. В притче о сеятеле говорится о необходимости очистить сердце от житейских увлечений, чтобы сделать его восприимчивым к Евангельскому слову. Притчей о плевелах Господь предостерегает нас против той незримой злой силы, которая сознательно и хитро сеет соблазны среди людей.

В следующих трех притчах раскрывается учение о благодатной силе, действующей в Церкви, а именно: преображение души происходит постепенно и часто неприметным образом (о невидимо растущем семени), благодать Божия обладает неограниченной силой (о зерне горчичном и о закваске), эта благодатная сила есть самое ценное, что может человек желать приобрести (о сокровище, скрытом в поле). Это учение о благодати Божией Господь Иисус Христос дополняет в последних Своих притчах о талантах и о десяти девах. Об этих притчах будет рассказано ниже (в 3-й и 4-й главах).

2. Притчи о Милосердии Божиим

Многие Евангельские притчи, слышанные нами еще в детстве, мы хорошо помним, не смотря на то, что прошло много лет. Это происходит потому, что они являют собой живые и яркие рассказы. Для того Господь Иисус Христос и облакал некоторые религиозные истины в форму притч-рассказов, чтобы эти истины люди могли легко запомнить и удерживать в своем сознании. Достаточно упомянуть одно название притчи, и сразу в сознании возникает яркий евангельский образ. Конечно, часто на этом евангельском образе все и заканчивается, ибо многое в христианстве мы хорошо понимаем, но далеко не все исполняем. Христианину необходимо сделать волевое усилие, чтобы почувствовать жизненное значение истины, необходимость следовать ей. Тогда эта истина засветится для нас новым, согревающим светом.

После сравнительно длительного перерыва и за несколько месяцев до Своих крестных страданий, Господь Иисус Христос поведал нам Свои новые притчи. Эти притчи условно образуют вторую группу. В этих притчах Господь раскрыл людям бесконечное милосердие Божие, направленное на спасение грешных людей, а также дал ряд наглядных поучений о том, как мы, следуя Богу, должны любить друг друга. Начнем обзор этой второй части с обсуждения трех притч: о заблудшей овце, о блудном сыне и о мытаре и фарисее, в которых изображается милосердие Божие к кающимся людям. Рассматривать эти притчи надо в связи с великой трагедией, порожденной первородным грехом и выразившейся в болезнях, страданиях и смерти.

Грех осквернил и исковеркал многие стороны человеческой жизни с самых древних, незапамятных времен. Многочисленные ветхозаветные жертвоприношения и обрядовые омовения тела подавали человеку надежду на прощение грехов. Но сама эта надежда зиждилась на ожидании пришествия в мир Искупителя, Который должен был снять с людей грехи и вернуть им утраченное блаженство в общении с Богом (Ис. 53-я глава). Притча

О Заблудшей Овце.

ярко и наглядно изображает долгожданный **поворот к лучшему**, к Спасению, когда Добрый Пастырь, Единородный Сын Божий, приходит в мир, чтобы найти и спасти Свою заблудившуюся овцу — погрязшего в грехах человека. Притча о заблудшей овце, как и следующие две притчи, рассказаны в ответ на ропот озлобленных иудейских книжников, порицавших Христа за Его сострадательное отношение к явным грешникам.

“Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяносто девяти в пустыне и не пойдет за пропавшей, пока не найдет ее? А нашедши, возьмет ее на плечи свои с радо-

радостью и, пришедши домой, созовет друзей и соседей и скажет им: Порадуйтесь со мною, я нашел мою пропавшую овцу! Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяносто девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии” (Лк. 15:1-7).

Гордые и самодовольные иудейские книжники ожидали, что Мессия придет для основания могущественного и славного царства, в котором они займут руководящее положение. Они не понимали того, что Мессия есть, прежде всего, Небесный Пастырь, а не земной правитель. Он для того пришел в мир, чтобы спасти и вернуть в Царство Божье тех, которые сознавали себя безнадежно погибшими людьми. В этой притче сострадание пастыря к заблудшей овце проявилось особенно в том, что он не наказал ее, как провинившуюся, и не погнал с принуждением назад, но взял ее на **свои плечи** и принес ее обратно. Это символизирует спасение грешного человечества, когда Христос на кресте взял на Себя наши грехи и очистил их. С тех пор искупительная сила **крестных страданий** Христа делает возможным нравственное возрождение человека, возвращает ему утраченную праведность и блаженное общение с Богом. Следующая притча

О Блудном Сыне

дополняет первую, говоря о второй стороне спасения — о **добровольном** возвращении человека к своему Небесному Отцу. В первой притче говорится о Спасителе, ищущем грешного человека с тем, чтобы помочь ему, во второй — о собственном усилии человека, необходимом для соединения с Богом.

“У некоторого человека было два сына. И сказал младший из них отцу: Отче! Дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил сыновьям имение. По прошествии немногих дней, младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться. И пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней. И он рад был бы наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Пришедши же в себя, сказал: Сколько наемников у отца моего избыточествует хлебом, а я умираю от голода! Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: Отче! Я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостоин называться сыном твоим. Прими меня в число наемников твоих. Встал и пошел к отцу своему. И когда он еще был далеко, увидел его отец его и сжалился и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: Отче! Я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостоин называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: Принесите лучшую одежду, и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги. И приведите откормленного тельца, и заколите. Станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся” (Лк. 15:11-24).

В притче о блудном сыне приводятся характерные черты жизненного пути грешника. Человек, увлекшийся земными удовольствиями, после множества ошибок и падений, наконец, “приходит в себя,” то есть, начинает сознавать всю пустоту и грязь своей жизни и решает покаянно вернуться к Богу. Эта притча очень жизненна с психологической точки

зрения. Блудный сын только тогда смог оценить счастье быть со своим отцом, когда с избытком настрадался вдали от него. Точно также и многие люди тогда начинают дорожить общением с Богом, когда глубоко прочувствуют ложь и бессельность своей жизни. С этой точки зрения, эта притча очень верно показывает **положительную сторону житейских скорбей и неудач**. Блудный сын наверно никогда бы не пришел в себя, если бы нищета и голод не отрезвили его.

О любви Бога к падшим людям образно рассказано в этой притче на примере страдающего отца, ежедневно выходящего на дорогу в надежде увидеть возвращающегося сына. Обе приведенные притчи, о заблудшей овце и о блудном сыне, говорят о том, сколь **важно и значимо** для Бога спасение человека. В конце притчи о блудном сыне (опущенном здесь) рассказано о старшем брате, негодующем на отца за прощение младшего брата. Под старшим братом Христос подразумевал завистливо настроенных иудейских книжников. С одной стороны, они глубоко презирали грешников — мытарей и блудниц и им подобных и гнушались общением с ними, а с другой стороны, они негодовали, что Христос общался с ними и помогал этим грешникам встать на добрый путь. Это сострадание Христа к грешникам приводило их в бешенство. Притча

О Мытаре и Фарисее

дополняет предыдущие две притчи о милосердии Божиим тем, что показывает, как **смирненное осознание человеком своей греховности** важнее для Бога мнимых добродетелей гордецов.

“Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как сей мытарь. Пощусь два раза в неделю, даю десятую часть от всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо, но, ударяя себя в грудь, говорил: “Боже! Будь милостив ко мне, грешнику!” Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более нежели тот. Ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится” (Лк. 18:9-14).

Вероятно, фарисей, о котором рассказано в этой притче, не был плохим человеком. Во всяком случае, он никому не делал зла. Но, как видно из притчи, он и настоящих добрых дел не совершал. Зато он строго исполнял разные мелочные и второстепенные религиозные обряды, которые даже и не требовались ветхозаветным законом. Исполняя эти ритуалы, он был о себе очень высокого мнения. Он весь мир осудил, а себя оправдал! (Слова св. Иоанна Златоуста Люди с таким настроением неспособны критически оценить себя, покаяться, начать подлинно добродетельную жизнь. Их **нравственная сущность мертва**. Господь Иисус Христос не раз публично бичевал лицемерие иудейских книжников и фарисеев. Однако, в этой притче Христос ограничился только замечанием, что *“пошел сей (мытарь) оправдан в дом свой более, нежели тот (фарисей),”* то есть: искреннее покаяние мытаря было принято Богом.

Приведенные здесь три притчи дают нам понять, что человек есть **существо падшее и грешное**. Ему нечем хвалиться перед Богом. Ему необходимо с покаянным чувством

вернуться к Небесному Отцу и предать свою жизнь водительству благодати Божией, подобно тому, как заблудившаяся овца предала свое спасение доброму пастырю!

Следующие притчи учат нас следовать Богу в Его милосердии прощать и любить ближних независимо от того, близкие ли они или далекие нам люди.

3. Притчи о Добрых Делах и Добродетелях

Не нуждаясь ни в чем, Бог создал этот мир и человека только по избытку Своей благодати. Он дал жизнь людям, украсил их Своим божественным образом и дал им свободную волю, чтобы сделать их участниками Своего блаженства. Когда же люди согрешили, Бог не отвергнул их окончательно Своим праведным судом, но благоволил, по Своему бесконечному милосердию, вывести их из бездны падения и вернуть им вечную жизнь через Своего Единородного Сына. Имея в лице своего Творца и Спасителя такой идеал совершенной любви, человек со своей стороны должен прощать и любить своих ближних. Ведь все мы в сущности — **братья**.

В четырех притчах Господь Иисус Христос наставляет нас, как нам следует проявлять любовь к людям. В их числе притчи о немилосердном должнике, о милосердном самарянине, о богатом и Лазаре и о неправедном домоправителе. Из этих притч следует, что дела милосердия, по своим внешним проявлениям, могут быть очень разными. К делам милосердия относится все то доброе, что мы делаем для других: прощение обид, оказание помощи страждущим, утешение скорбящих, добрый совет, молитва за ближних и многое, многое другое. По одним лишь внешним признакам нельзя судить, какое из добрых дел является более значимым в очах Божиих. Добрые дела получают свою оценку не по количественным признакам, но по своему духовному содержанию, по глубине любви и силе воли, с которыми человек совершает их. Первым и самым необходимым, но далеко не самым легким делом милосердия является прощение обид. Прощать ближних Господь учит нас в Своей притче

а) О Прощении Обид.

Притча о Немилосердном Должнике.

Эту притчу рассказал Спаситель в ответ на вопрос Петра, сколько раз нужно прощать брату. Апостол Петр думал, что достаточно будет простить до семи раз. На это Христос ответил, что прощать нужно до *“седмижды семидесяти раз,”* то есть прощать нужно всегда, неограниченное число раз. В пояснение этого Он рассказал следующую притчу:

“Царство небесное подобно царю, который хотел сосчитаться с рабами своими. Когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов. А так как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и все что он имел, и заплатить. Тогда раб тот пал, и, кланяясь ему, говорил: Государь! Потерпи на мне, и я все тебе заплачу. Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему. Раб же тот, вышедши, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив

его, душил, говоря: отдай мне, что должен. Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и все отдам тебе. Но тот не захотел, и пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга. Товарищи его, видев происшедшее, очень огорчились, и, пришедши, рассказали государю своему все бывшее. Тогда государь призывает его и говорит: злой раб! Весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня. Не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя? И, разгневавшись, государь отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так и Отец Мой небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его” (Мт. 18:23-35).

В этой притче Бог условно уподоблен царю, которому его рабы должны были известные суммы денег. Человек является **неоплатным должником** перед Богом не только по причине своих грехов, но и по причине отсутствия добрых дел, которые он мог делать, но не делал. Эти не совершенные дела любви тоже являются долгом человека. Так в молитве мы просим: *“И остави нам долги наша,”* а не только грехи! К концу жизни, когда нам предстоит дать отчет перед Богом за прожитую жизнь, обнаружится, что все они является неоплатными должниками. В притче о немилосердном должнике говорится о том, что мы можем рассчитывать на Божью милость только при том условии, если мы от всего сердца прощаем обидчиков. Потому мы и должны напоминать себе ежедневно: *“Остави (прости) нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим.”*

Согласно этой притче обиды ближних, по сравнению с нашим долгом перед Богом так же **ничтожны**, как несколько мелких монет в сравнении с миллионным капиталом. Следует здесь сказать, что чувство обиды очень индивидуально. Один человек, возможно, совсем не придаст значения какому-нибудь неосторожному слову или поступку своего знакомого, а другой человек от такого же слова или поступка будет страдать всю жизнь. С духовной точки зрения, чувство обиды рождается от уязвленного **самолюбия и скрытой гордости**. Чем больше человек самолюбив и горд, тем он более обидчив. Чувство обиды, если его не побороть в себе сразу, со временем переходит в злопамятность. Злопамятность, по словам св. **Иоанна Лествичника**, есть *“ржавчина души, червь ума, посрамление молитвы, отчуждение любви... непрестающий грех.”* Со злопамятностью трудно бороться. *“Воспоминание страданий Иисусовых,”* — пишет св. Иоанн Лествичник, — *“исцеляет памятозлобие, сильно посрамляемое Его незлобием. Когда после долгого подвига,”* — пишет далее св. Иоанн, — *“ты не можешь исторгнуть сие терние, тогда, по крайней мере, кайся и смирайся на словах перед тем, на кого злобишься, чтобы ты, устыдившись долговременного перед ним лицемерия, возмог совершенно полюбить его.”*

Очень важно то, что **молитва за наших обидчиков** помогает нам преодолеть в себе недобрые чувства к ним. Если бы мы могли увидеть то великое множество долгов, о которых нам предстоит дать ответ перед Богом, то мы с радостью поспешили бы простить всех наших даже самых лютых врагов, чтобы этим снискать себе Божью милость. К сожалению, такое осознание греховности и своей вины перед Богом не приходит к нам само собой, но требует постоянного и строгого испытания своей совести в свете Евангельского учения. Понуждающий себя прощать ближних в награду за такое старание получает дар подлинной христианской любви, которая у святых отцов именуется царицей добродетелей. О делах любви говорят притчи, приведенные в следующей главе.

б) О Добрых Делах.

Притча о Милосердном Самарянине.

рассказана Христом в ответ на вопрос одного иудейского законника “кто мой ближний?” Законник знал ветхозаветную заповедь, повелевавшую любить ближних. Но поскольку он эту заповедь не исполнял, то хотел оправдаться тем, что он, дескать, не знал, кого следует считать ближним. Господь в ответ рассказал притчу, показав на примере милосердного самарянина, что не о том надо заботиться, чтобы уметь отличать своих от чужих, но о том, чтобы **заставить себя** быть ближним для тех, кто нуждается в помощи.

“Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою, и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его сжалился. И, подошедши, перевязал ему раны, возливая масло и вино и, посадив на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем. А на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем, и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе. Кто из этих трех, думаешь ты, был ближним попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же” (Лк. 10:30-37).

Опасаясь оказать помощь иноплеменнику, иудейские священник и левит прошли мимо своего соотечественника, попавшего в беду. Самарянин же, не размышляя о том, кто перед ним лежит — свой или чужой, помог несчастному и спас ему жизнь. Доброта самарянина проявилась и в том, что он не ограничился оказанием первой помощи, но позаботился и о дальнейшей судьбе несчастного и взял на себя, как расходы, так и хлопоты, связанные с его выздоровлением.

На примере доброго самарянина Господь учит нас **на деле** любить своих ближних, а не ограничиваться одними добрыми пожеланиями или выражением сочувствия. Не тот любит ближних, кто спокойно сидя дома, мечтает о широкой благотворительной деятельности, но тот, кто не жалея своего времени, сил и средств на деле помогает людям. Для помощи ближним нет необходимости составлять себе целую программу гуманитарной деятельности: большие планы не всегда удается осуществить. Ведь сама жизнь ежедневно дает нам возможность проявить любовь к людям в том, чтобы посетить больного; утешить скорбящего; помочь больному сходить к врачу, или оформить деловые бумаги; пожертвовать на бедных; принять участие в церковной или благотворительной деятельности; подать добрый совет; предотвратить ссору и так далее. Многие из этих добрых дел кажутся незначительными, но в течение жизни их может набраться много, **целый духовный клад**. Добрые дела — все равно, что регулярное откладывание малых сумм на сберегательный счет. На небе, как говорит Спаситель, они составят сокровище, которое моль не ест, ни воры не подкапывают и не украдут.

Господь, по Своей премудрости, допускает людям жить в разных материальных условиях: одним — в большом достатке, иным — в нужде и даже голоде. Нередко свое материальное благосостояние человек приобретает тяжелым трудом, настойчивостью, умением. Однако, нельзя отрицать и то, что нередко материальное и социальное положение че-

ловека в большой мере определяется и **внешними, независящими от человека**, благоприятными условиями. Напротив, в неблагоприятных условиях, даже самый способный и трудолюбивый человек может быть обречен жить в бедности в то время, как другой бездарный лентяй будет наслаждаться всеми благами жизни потому, что ему улыбнулась судьба. Такое положение вещей может показаться несправедливостью, но только если рассматривать нашу жизнь в плане **исключительно** земного существования. Мы приходим к совсем другому выводу, если посмотрим на это в перспективе **будущей жизни**.

В двух притчах — о неверном домоправителе и о богатом и Лазаре — Господь Иисус Христос приоткрывает тайну допущения Богом материальной “несправедливости.” Из этих двух притч мы видим, как премудро Бог обращает эту кажущуюся жизненную несправедливость в **средство спасения людей**: богатых — через дела милосердия, а бедных и страждущих — через терпение. В свете этих двух замечательных притч мы можем также понять, какими фактически ничтожными являются и земные страдания и земные богатства, когда мы сравниваем их с вечным блаженством или вечными муками. В первой притче

О Неверном Управителе.

дается пример **последовательной и продуманной благотворительности**. При первом прочтении этой притчи у нас возникает впечатление, будто господин похвалил управителя за нечестный поступок. Однако, Господь рассказал эту притчу с целью **заставить нас задуматься** над ее глубоким смыслом. Находясь в совершенно отчаянном и безвыходном положении, управитель проявил гениальную изобретательность в том, что сумел приобрести покровителей и тем обеспечил себе будущее.

“Один человек был богат и имел управителя, на которого донесено было ему, что расточает имение его. И, призвав его, сказал ему: Что я слышу о тебе? Дай отчет в управлении твоём, ибо ты не можешь более управлять. Тогда управитель сказал в себе: что мне делать? Господин мой отнимает у меня управление домом: копать не могу, просить стыжусь. Знаю, что сделать, чтобы приняли меня, когда отставлен буду от управления домом. И, призвав должников господина своего, каждого порознь, сказал первому: сколько ты должен господину моему? Он сказал: сто мер масла. И сказал ему: возьми свою расписку и садись скорее, напиши: пятьдесят. Потом другому сказал: а ты сколько должен? Он отвечал: сто мер пшеницы. И сказал ему: возьми свою расписку и напиши: восемьдесят. И похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил, ибо сыны века сего догадливее сынов света в своём роде. И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители” (Лк. 16:1-9).

В этой притче под богатым господином подразумевается Бог, а под управителем, “расточившим богатство” — человек, беспечно проживающий полученные от Бога дары. Многие люди, подобно неверному управителю, безответственно **расточают** Божии богатства: здоровья, времени и природных способностей — на дела суетные и даже греховные. Но всем когда-нибудь, как и евангельскому управителю, придется отчитаться перед Богом за доверенные ему материальные блага и возможности. Неверный управитель, зная, что он

будет отстранен от управления домом, заранее **позаботился о своем будущем**. Его **находчивость** и умение обеспечить свое будущее есть пример, достойный подражания.

Когда человек предстает на суд Божий, тогда обнаруживается, что не стяжание материальных благ, а только добрые дела, совершенные им, имеют значение. Сами же по себе материальные блага являются по притче **“богатством неправедным,”** потому что человек, **привязавшись к ним**, становится жадным и бессердечным. Богатство часто становится идолом, которому человек усердно служит. На него человек **надеется больше, чем на Бога**. Вот почему Господь назвал земное богатство **“маммоной неправды.”** Маммоной называлось древне-сирийское божество, покровительствующее богатству.

Теперь подумаем о нашем отношении к материальным благам. Многие мы считаем своей собственностью и употребляем только для своего удобства или прихоти. Но, ведь, все земные блага фактически принадлежат Богу. Он — хозяин и Владыка всего, а мы — **временные Его уполномоченные**, или, по притче, **“управители.”** Поэтому делиться чужими т.е. Божьими благами с нуждающимися в них людьми не есть нарушение закона, как это было в случае евангельского управителя, но, напротив, является нашей прямой обязанностью. В этом смысле надо понимать заключение притчи: *“приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители,”* т.е. в лице нуждающихся, которым мы помогли, мы найдем себе в будущей жизни заступников и покровителей.

В притче о неверном управителе Господь учит нас проявлять находчивость, изобретательность и постоянство в делах милосердия. Но, как Господь заметил в этой притче, *“сыны века сего бывают догадливее сынов света,”* т.е. часто у людей религиозных не хватает умения и догадливости, проявляемых нерелигиозными людьми в устройстве их житейских дел.

В качестве примера крайне неразумного использования материальных благ Господь рассказал притчу

О Богатом и Лазаре.

Здесь богач **промыслом Божиим** был поставлен в благоприятные условия, когда он без особого труда и изобретательности мог помочь нищему, лежавшему у ворот его дома. Но богач оказался совершенно глухим к его страданиям. Он был увлечен лишь пирами и заботами о себе самом.

“Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон, и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях, и желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его. Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его. И в аду, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его, и возопив, сказал: отче Аврааме! Умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в пламени сем. Но Авраам сказал: чадо! Вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое, ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь. И, сверх всего того, между вами и нами утверждена вели-

кая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят. Тогда сказал он: так попрошу тебя, отче, пошли его в дом отца моего, ибо у меня пять братьев, пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения. Авраам сказал ему: у них есть Моисей и пророки, пусть слушают их. Он же сказал: нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним, покаются. Тогда Авраам сказал ему: если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят” (Лк. 16:19-31).

Утешительной для всех нищих и страждущих является участь нищего Лазаря в будущей жизни. Не имея сил по нищете своей и болезни помогать другим или совершать какие-либо добрые дела, он за одно **безропотное и терпеливое перенесение страданий** получил от Бога райское блаженство. Упоминание об Аврааме говорит о том, что не из-за своего богатства оказался осужденным богач. Ведь и Авраам тоже был очень богатым человеком, но, в противоположность богачу из вышеприведенной притчи, он отличался сострадательностью и страннوليбием.

Некоторые спрашивают: не является ли несправедливостью и жестокостью обречь на вечные мучения богача, поскольку его физические наслаждения были только временными? Чтобы найти ответ на этот вопрос, надо понять, что будущее блаженство или страдание нельзя рассматривать только, как пребывание в раю или в аду. Рай и ад являются в первую очередь **состояниями души!** Ведь если Царство Божие, по слову Спасителя, “*находится внутри нас,*” то и ад начинается в душе грешника. Когда в человеке почивает благодать Божия, тогда у него в душе рай. Когда же страсти и мучения совести обуревают его, тогда он страдает не меньше грешников, находящихся в аду. Вспомним мучения совести скупого рыцаря в известной поэме Пушкина “Скупой рыцарь:” “Совесь, когтистый зверь, скребущий сердце; совесь, незванный гость, докучный собеседник, заимодавец грубый!” Страдания грешников будут особенно невыносимыми в той жизни потому, что не будет возможности удовлетворять свои страсти или покаянием облегчить укоры совести. Поэтому мучения грешников будут вечными.

В притче о богатом и Лазаре приоткрывается завеса потустороннего мира и дается возможность понять земное бытие в перспективе вечности. В свете этой притчи мы видим, что земные блага, являются не столько счастьем, сколько **испытанием** нашего желания любить ближних и помогать им. “*Если вы в неправедном богатстве не были верны,* — говорит Господь в заключение предыдущей притчи, — *кто поверит вам истинное?*” То есть, если мы не умели правильно распоряжаться теперешним призрачным богатством, то мы недостойны получить от Бога подлинное богатство, которое нам предназначалось в будущей жизни. Поэтому, будем напоминать себе, что наши земные блага принадлежат фактически Богу. Ими Он испытывает нас.

в) О Добродетелях.

Следующая притча о безрассудном богаче, подобно предыдущей притче о богатом и Лазаре, вновь говорит о том вреде, который приносит человеку его **привязанность** к земному богатству. Но если предыдущие две притчи о неверном управителе и о неразумном богаче говорили преимущественно о добрых делах, о практической деятельности человека, то

последующие несколько притч говорят преимущественно о **работе человека над собой и о развитии человеком добрых душевных качеств.**

О Безрассудном Богаче.

“У одного богатого человека был хороший урожай в поле, и он рассуждал сам с собою: Что мне делать? Некуда мне собрать плодов моих. И сказал: вот что сделаю — сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое. И скажу душе моей: душа! Много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! В эту ночь душу твою возьмут у тебя, кому же достанется то, что ты заготовил? Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет” (Лк. 12:16-21).

Рассказана эта притча как **предостережение** человеку не копить земные богатства, “*ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения,*” то есть человеку не прибавится многих лет жизни и здоровья оттого, что он богат. Смерть же особенно страшна тем людям, которые никогда о ней не помышляли и к ней не готовились: “*Безумный! В эту ночь душу твою возьмут у тебя.*” Слова “богатеть в Бога” имеют в виду духовные богатства. Подробнее об этом богатстве говорят притчи о талантах и о минах.

Притча о Талантах

Во времена земной жизни Спасителя талант обозначал крупную денежную сумму, соответствующую шестидесяти минам. Мина равнялась ста динариям. Рядовой работник зарабатывал один динарий в день. В притче словом “талант” обозначается совокупность всех благ, данных Богом человеку, — как материальных, так душевных и духовных или благодатных. **Материальные** “таланты” — это богатство, благоприятные жизненные условия, выгодное общественное положение, хорошее здоровье. **Душевные** таланты — это светлый ум, хорошая память, различные способности в области искусства и прикладного труда, дар красноречия, мужество, чуткость, сострадательность и многие другие качества, которые заложены в нас Создателем. Кроме того, чтобы успешно творить добро, Господь посылает нам в помощь различные **благодатные дарования** — духовные “таланты.” О них пишет св. ап. Павел в первом послании к Коринфянам: “*Каждому дается проявление Духа на пользу. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания... иному вера... иному дары исцелений... иному чудотворения, иному пророчества... Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно*” (1 Кор. 12:4-11).

“Ибо Он поступит, как человек, который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое. И одному дал он пять талантов, другому — два, иному — один, каждому по его силе, и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов. Точно также и получивший два таланта приобрел другие два. Получивший же один талант пошел, и закопал его в землю, и скрыл серебро господина своего. По долгому времени приходит господин рабов тех и требует у них отчета. И, подошед, получив-

ший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: Господин! Пять талантов ты дал мне, вот другие пять талантов я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю, войди в радость господина твоего. Подошел также и получивший два таланта и сказал: Господин! Два таланта ты дал мне, вот другие два таланта я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю, войди в радость господина твоего. Подошел и получивший один талант, и сказал: Господин! Я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле, вот тебе твое. Господин же сказал ему в ответ: Лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал, посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, пришед, получил бы мое с прибылью. Итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов. Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет. А негодного раба выбросите во тьму внешнюю, там будет плач и скрежет зубов” (Мт. 25:14-30).

Согласно этой притче, следует заключить, что Бог не требует от людей дел, превышающих их силы или способности. Однако, те таланты, которые им даны, налагают **ответственность**. Человек должен **“умножать”** их на пользу Церкви, ближних и, что очень важно, развивать в себе добрые качества. Фактически существует самая тесная связь между внешними делами и состоянием души. Чем больше человек делает добра, тем больше он обогащается духовно, совершенствуясь в добродетелях. **Внешнее и внутреннее — неотделимы.**

Притча о минах очень похожа на притчу о талантах и поэтому здесь пропускается. В обеих притчах самолюбивые и ленивые на добро люди изображены в образе лукавого раба, закопавшего добро господина своего. Лукавому рабу не следовало укорять своего господина в жестокости, ибо господин спрашивал с него меньше, чем с других. Фразу “отдать серебро торгующим” должно понимать, как указание, что при отсутствии собственной инициативы и умения делать добро, человеку следует, по крайней мере, стараться помогать другим людям в этом. Во всяком случае, нет человека совершенно ни к чему не способного. Верить в Бога, молиться за себя и за других — может каждый. Молитва же есть такое святое и полезное дело, что она одна может заменить многие добрые дела.

“Всякому имеющему дано будет, а у неимеющего отнимется и то, что имеет.” Здесь идет речь преимущественно о воздаянии в будущей жизни: кто богател духовно в этой жизни, тот в будущей обогатится еще больше, и, наоборот, ленивый потеряет и то малое, чем раньше обладал. В известной мере справедливость этого изречения подтверждается повседневно. Люди, не развивающие своих способностей, **постепенно утрачивают их**. Так, при сытом и бездейтельном прозябании у человека постепенно притупляется ум, атрофируется воля, тускнеют чувства и все его тело и душа приходят в расслабление. Он делается ни к чему не способным, разве только чтобы прозябать, как трава.

Если мы задумаемся над глубоким смыслом приведенных здесь притч о безрассудном богаче и о талантах, то мы осознаем, какое мы совершаем великое преступление против самих себя, когда в праздности или в ненужной житейской суете тратим отпущенное нам Богом время и силы. Этим мы **обкрадываем самих себя**. Поэтому нам необходимо на-

страивать себя так, чтобы каждую минуту своей жизни делать добро, направлять к славе Божией каждую свою мысль, каждое желание. Служить Богу — это не необходимость, а и **великая честь!**

Следующие несколько притч говорят о двух добродетелях, которые имеют особое значение в жизни человека —

г) о Рассудительности и Молитве.

Для успеха в добрых делах недостаточно иметь одно усердие, но необходимо еще руководствоваться **благоразумием**. Благоразумие дает нам возможность сосредоточивать свои силы на тех делах, которые больше всего **соответствуют** нашим способностям и силам. Благоразумие помогает нам избрать и те действия, которые приведут к лучшим результатам. В святоотеческой литературе благоразумие именуется еще рассудительностью или даром рассуждения. Высшей степенью благоразумия является **мудрость**, которая сочетает в себе знания, опыт и прозрение в духовную сущность явлений.

При недостатке благоразумия даже благонамеренные поступки и слова могут привести к плохим последствиям. По этому поводу преп. **Антоний Великий** пишет: “Многие добродетели прекрасны, но иногда от неумения или чрезмерного увлечения ими может произойти вред... Рассуждение это — добродетель, которая учит и настраивает человека идти прямым путем, не уклоняясь на распутья. Если мы будем идти прямым путем, то никогда не будем увлечены врагами нашими, ни справа — к чрезмерному воздержанию, ни слева — к нерадению, беспечности и ленивости. Рассуждение есть око души и ее светильник... Рассуждением человек пересматривает свои желания, слова и дела и отступает от всех тех, которые удаляют его от Бога” (Добр. 1:90). О благоразумии Господь Иисус Христос говорит в двух притчах

О Строителе Башни и о Царе, Готовящемся к Войне.

“Кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения ее. Дабы, когда положит основание и не возможет совершить, все видящие не стали смеяться над ним, говоря: “Этот человек начал строить, и не мог окончить!”

“Или какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде (с другими), силен ли он с десятью тысячами противостать идущему на него с двадцатью тысячами? Иначе, пока тот еще далеко, он пошлет к нему посольство просить о мире. Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет не может быть Моим учеником” (Лк. 14:28-33).

Первая из этих притч говорит о необходимости правильно оценивать свои силы и возможности прежде, чем приняться за дело, которое мы собираемся совершить. По этому поводу преп. **Иоанн Лествичник** пишет: “Враги наши (демоны) часто нарочно для того подстрекают нас на дела, превышающие наши силы, чтобы мы, не получивши успеха в них, впали в уныние и оставили даже те дела, которые соразмерны нашим силам... (“Лествица” слово 26-ое). Во второй приведенной притче говорится о борьбе с трудностями и

искушениями, которые неизбежно встречаются при совершении добрых дел. Здесь для успеха, кроме благоразумия, необходима и самоотверженность. Вот почему обе эти притчи связаны в Евангелии с учением о несении креста: *“Кто не несет креста своего и идет вслед за Мною, не может быть Моим учеником”* (Лк. 14:27).

Иногда жизненные обстоятельства могут оказаться такими сложными, что найти правильное решение бывает очень нелегко. В таком случае надо усиленно просить Бога о вразумлении. *“Укажи мне путь, по которому мне идти... научи меня исполнять волю Твою, потому что Ты — Бог мой,”* — с такими и подобными просьбами часто св. Царь Давид обращался к Богу и получал вразумление.

Чтобы укрепить нашу веру в то, что Бог слышит и исполняет наши просьбы, Господь Иисус Христос рассказал притчи

О Друге, Просящем Хлеба и О Судье Неправедном.

“И сказал им: (положим, что) кто-нибудь из вас, имея друга, придет к нему в полночь и скажет ему: Друг! Дай мне взаймы три хлеба, ибо друг мой с дороги зашел ко мне, и мне нечего предложить ему, а тот изнутри скажет ему в ответ: Не беспокой меня, двери уже заперты, и дети мои со мною на постели, не могу встать и дать тебе! Если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит” (Лк. 11:5-8).

“В одном городе был судья, который Бога не боялся и людей не стыдился. В том же городе была одна вдова, и она, приходя к нему, говорила: защити меня от соперника моего. Но он долгое время не хотел. А после сказал себе: Хотя я и Бога не боюсь, и людей не стыжусь, но, как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне. И Господь сказал: Слышите, что говорит судья неправедный? Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защитит их. Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре. Но Сын Человеческий, пришедши, найдет ли веру на земле?” (Лк. 18:2-8).

Великая убедительность этих притч о силе молитвы опирается на то, что если человек в полночь помог своему другу, обратившемуся к нему с делом маловажным и совершенно несвоевременным, то тем более Господь поможет нам. Подобным образом, и судья, хотя Бога не боялся и людей не стыдился, все же решил помочь вдове, чтобы она перестала ему докучать. Тем более бесконечно милосердный и всемогущий Бог даст просимое Своим детям, на Него надеющимся. Главное в молитве — это **постоянство и терпение**, хотя, когда необходимо, Господь моментально исполняет просьбу человека.

“Все, хотящие познать волю Господню,” — пишет преп. **Иоанн Лествичник**, — *“должны прежде умертвить в себе волю собственную. Некоторые из испытующих волю Божию отрешили помысел свой от всякого пристрастия к тому или другому совету души своей... и ум свой, обнаженный от собственной воли, с горячею молитвою в продолжение предназначенных дней представляли Господу. И достигали познания воли Его или тем, что бестелесный Ум таинственно вещал их уму, или тем, что одно из тех помышлений совершенно исчезало в душе... Сомневаться в суждениях и долго не решаться на избрание*

чего либо из двух есть признак непросвещенной свыше и тщеславной души” (Слово 26-ое).

Теперь, когда ритм жизни стал таким напряженным, и жизнь бесконечно усложнилась, когда кажется на наших глазах рушатся самые основы веры и морали, мы более, чем когда-либо, нуждаемся в Божием руководстве и укреплении. В этом отношении молитва принесет нам огромную пользу, потому что она — ключ к великой и неисчерпаемой сокровищнице даров Божиих. Всем нам нужно научиться пользоваться этим ключом!

4. Притчи об Ответственности и Благодати

Время общественного служения Спасителя подходило к концу. В предыдущих притчах Господь дал учение об условиях распространения среди людей и в людях Царства Божия. В Своих последних шести притчах Господь тоже говорит о Своем благодатном Царстве, но подчеркивает мысль об ответственности человека перед Богом, когда он пренебрегает возможностью спасения или, еще хуже, когда прямо отвергает милость Божию. Сказаны были эти притчи в Иерусалиме в последнюю неделю земной жизни Спасителя. В этих последних притчах раскрывается учение о правде (справедливости) Божией, о втором пришествии Христовом и о суде над людьми. В число этих последних шести притч входят притчи о злых виноградарях, о бесплодной смоковнице, о брачном пире, о рабочих, получивших одинаковую плату, о рабах, ожидающих пришествия своего господина и о десяти девах.

а) Об Ответственности Человека

Сердцевед Господь знает, какие народы и отдельные люди обладают наибольшими духовными дарованиями, и к ним направляет Свою благодать обильнее чем на других. К народам, отличавшимся исключительными духовными качествами в древности принадлежал еврейский народ, а в новозаветное время — греческий и русский народы. Об этих народах Господь проявил чрезвычайную заботу и излил на них обильные благодатные дары. Об этом можно судить по тому большому числу угодников Божиих, которые просияли в них. Однако, это обилие благодатных даров налагает на каждый из этих народов в целом и на каждого человека в частности сугубую ответственность перед Богом. Господь ожидает со стороны этих людей волевого усилия и стремления к нравственному совершенству, ибо *” кому много дано, с того много спросится.”* Конечно, далеко не все они стремятся к нравственному совершенству. Напротив, некоторые люди сознательно отворачиваются от Бога. Поэтому получается так, что обилие благодати вызывает среди представителей избранного народа своего рода поляризацию: некоторые из них достигают большой духовной высоты, даже святости, другие же, напротив, отворачиваясь от Бога, ожесточаются и даже становятся богоборцами. В притче

О Злых Виноградарях.

Христос рассказал о **сознательном противлении** Богу духовных вождей еврейского народа — первосвященников, книжников и фарисеев, изображенных в образе злых виноградарей.

“Один человек насадил виноградник и отдал его виноградарям, и отлучился на долгое время. И в свое время послал к виноградарям раба, чтобы они дали ему плодов из виноградника, но виноградари, прибив его, отослали ни с чем. Еще послал другого раба, но они и этого, прибив и обругав, отослали ни с чем. И еще послал третьего, но они и того, изранив, выгнали. Тогда сказал господин виноградника: “Что мне делать? Пошлю сына моего возлюбленного, может быть, увидев его, постыдятся.” Но виноградари, увидев его, рассуждали между собою, говоря: “Это наследник, пойдем, убьем его, и наследство его будет наше.” И выведши его вон из виноградника, убили. Что же сделает с ними господин виноградника? Придет и погубит виноградарей тех, и отдаст виноградник другим” (Лк. 20:9-16).

В этой притче под рабами, посланными хозяином виноградника, подразумеваются ветхозаветные пророки, а также апостолы, продолжившие их дело. Действительно, большинство пророков и апостолов погибло насильственной смертью от рук “злых виноградарей.” Под “плодами” подразумеваются **вера и благочестивые дела**, которые ожидал Господь от еврейского народа. Пророческая часть притчи — наказание злых виноградарей и отдача виноградника другим — исполнилась 35 лет после вознесения Спасителя, когда при полководце Тите вся Палестина была разорена, и евреи были рассеяны по свету. Царство же Божие трудами апостолов перешло к другим народам. О **сострадании Сына Божия** к еврейскому народу, о Его желании спасти этот народ от надвигавшихся на него бедствий Господь рассказал в притче

О Бесплодной Смоковнице.

“Некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу, и пришел искать плода на ней, и не нашел. И сказал виноградарю: вот я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице, и не нахожу, сруби ее: на что она и землю занимает? Но он сказал ему в ответ: господин, оставь ее и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом: не принесет ли плода, если же нет, то в следующий год срубишь ее” (Лк. 13:6-9).

Бог Отец, подобно хозяину смоковницы, в течение трех лет общественного служения Своего Сына ожидал от еврейского народа покаяния и веры. Сын Божий, как добрый и заботливый виноградарь, просит Хозяина подождать, пока Он еще раз попытается сделать плодородной смоковницу — еврейский народ. Но Его усилия не увенчались успехом, тогда исполнилось грозное определение: означающее отвержение Богом тех людей, которые упорно противились Ему. Наступление этого страшного момента Господь Иисус Христос показал тем, что за несколько дней до Своих крестных страданий, по пути в Иерусалим,

проклял росшую при дороге бесплодную смоковницу (Смотри евангелие от Матфея 21:19).

О переходе Царствия Божия от еврейского к другим народам Господь показал в притче

О Званных на Брачный Пир,

в которой под “званными” опять подразумевает еврейский народ, а под рабами — Апостолов и проповедников веры Христовой. Так как “званные,” не пожелали войти в Царство Божие, то проповедь веры была перенесена “на распутья” — к другим народам. Некоторые из этих народов, может быть, не были наделены столь высокими религиозными качествами, но зато проявили большое усердие в служении Богу.

“Царство небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего. И послал рабов своих звать званных на брачный пир, и не хотели придти. Опять послал других рабов, сказав: скажите званным: вот, я приготовил обед мой, тельцы мои и что откормлено, заколото, и все готово, приходите на брачный пир. Но они, пренебрегши то, пошли, кто на поле свое, а кто на торговлю свою. Прочие же, схватив рабов его, оскорбили и убили их. Услышав о сем, царь разгневался, и, послав войска свои, истребил убийц оных, и сжег город их. Тогда говорит он рабам своим: брачный пир готов, а званьиене были достойны. И так пойдите на распутья, и всех, кого найдете, зовите на брачный пир. И рабы те, вышедши на дороги, собрали всех, кого только нашли, и злых и добрых, и брачный пир наполнился возлежащими. Царь, вошедши посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: друг, как ты вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю (кромешную). Там будет плач и скрежет зубов. Ибо много званных, а мало избранных!” (Мт. 22:2-14).

В контексте всего сказанного и предыдущих двух притч, эта притча не требует особого объяснения. Как мы знаем из истории, Царство Божие (Церковь) перешло от евреев к языческим народам, успешно распространилось среди народов древней Римской империи и просияло в неисчислимом сонме угодников Божиих.

Конец притчи о званных на вечерю, где говорится о человеке, возлежащем на пиру “не в брачной одежде” несколько загадочен. Чтобы понять эту часть, надо знать обычаи того времени. Тогда цари, приглашая гостей на праздник, скажем, на свадьбу царского сына, наделяли их своей одеждой, чтобы на пиру все были одеты чисто и красиво. Но, согласно притчи, один из гостей отказался от царской одежды, отдав предпочтение своей. Это он сделал, очевидно, **по гордости**, считая свою одежду лучше царской. Отвергнув царскую одежду, он нарушил общее благолепие и огорчил царя. За свою гордость он был выброшен с пира во “тьму внешнюю” (по церковно-славянски — “кромешную”). В Священном Писании одежда служит символом состояния совести. Светлая, белая одежда символизирует душевную чистоту и праведность, которые даются человеку Богом даром, по Его милости. Человек, отвергнувший царскую одежду — это те самонадеянные христиане, которые отвергают Божью благодать и освящение, подаваемые им в благодатных таинствах Церкви. К таким самодовольным “праведникам” можно отнести тех современ-

ных сектантов, которые отвергают исповедь, причастие и другие благодатные средства, данные Христом Церкви во спасение людей. Считая себя святыми, сектанты умаляют и значение христианских подвигов поста, добровольного безбрачия, монашества и т.д., хотя Священное Писание ясно об этих подвигах говорит. Эти мнимые праведники, как писал св. ап. Павел, только *“имеют вид благочестия, но силы его отрекаются”* (2 Тим. 3:5). Ибо сила благочестия — не во внешности, но в личном подвиге.

Хотя притчи о злых виноградарях и о званых на брачный пир относятся в первую очередь к еврейскому народу, их применимость не ограничена им. Ответственными перед Богом оказались и другие народы, к которым Бог явил Свою чрезвычайную милость. За грехи пострадала от турок древняя Византийская империя. События нашего столетия говорят о суде Божиим, постигшем и русский народ, который в последнее столетие перед революцией стал увлекаться материализмом, нигилизмом и другими нехристианскими учениями. “Кто чем грешит, тем и наказывается!” Как был наказан русский народ за свое пренебрежение к вере и к спасению души — всем известно!

б) О Благодати Божией.

“Как дыхание необходимо для тела, и без дыхания человек не может жить, так без дыхания Духа Божия душа не может жить истинной жизнью,” — пишет св. прав. **Иоанн Кронштадтский** (Моя жизнь во Христе).

В последних трех притчах Господь Иисус Христос изложил учение о благодати Божией. В первой из них — о рабочих, получивших равную плату, говорится о том, что Бог дает людям благодать и Царство Небесное не по причине каких-либо их заслуг перед Ним, но исключительно по Своей бесконечной любви. Во второй притче — о десяти девах — говорится о необходимости считать стяжание благодати Божией своей жизненной целью. Наконец, в третьей притче — о рабах, ожидающих возвращения своего господина, — Господь учит нас поддерживать в себе усердие и горение духа ожиданием Его пришествия. Таким образом, эти притчи дополняют одна другую.

Благодать Божия есть сила, посылаемая Богом для нашего духовного возрождения. Она очищает наши согрешения, врачует наши душевные немощи, направляет наши мысли и волю к благой цели, умиротворяет и просвещает наши чувства, дает бодрость, утешение и неземную радость. Подается благодать людям ради крестных страданий Сына Божия. **Без благодати человек не может преуспевать в добре**, и душа его остается безжизненной. “Утешитель Дух Святой, исполняя всю вселенную,” — пишет св. прав. **Иоанн Кронштадтский**, — “проходит сквозь все верующие, кроткие, смиренные, добрые души и бывает всем для них: светом, силой, миром, радостью, успехом в делах, особенно в благочестивой жизни, — всем добрым” (там же).

У иудеев времен Христа сложился **утилитарный** подход к религии. За исполнение какого-либо обрядового предписания они ожидали себе соответствующей и конкретной награды от Бога в виде земных благ. Живое общение с Богом и духовное возрождение не составляли основы их религиозной жизни. Поэтому в притче

О Работниках, получивших одинаковую плату.

Господь показывает неправильность такого утилитарного подхода к религии. В спасении человека так **мало** делается им самим, что о вознаграждении по заслугам не приходится говорить. В качестве примера Господь рассказал о работниках, получивших вознаграждение не по труду.

“Ибо царство небесное подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой. И, договорившись с работниками по динарию в день, послал их в виноградник свой. Вышедши около третьего часа, он увидел других, стоящих на торжище праздну. И сказал им: идите и вы в виноградник мой, и, что следовать будет, дам вам. Они пошли. Опять вышедши около шестого и девятого часа, сделал то же. Наконец, вышедши около одиннадцатого часа, он нашел других, стоящих праздну и говорит им: что вы стоите здесь целый день праздну? они говорят ему: никто нас не нанял. Он говорит им: идите и вы в виноградник мой, и, что следовать будет, получите. Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых. И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию. Пришедшие же первыми думали, что они получают больше, но получили и они по динарию. И, получив, стали роптать на хозяина дома. И говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: Друг, я не обижаю тебя. Не за динарий ли ты договорился со мною? Возьми свое и пойди, я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе. Разве я не властен в своем делать, что хочу? Или глаз твой завистлив оттого, что я добр? Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных” (Мт. 20:1-16).

У евреев первый час соответствовал нашим шести часам утра, а одиннадцатый час, — нашим пяти часам после обеда. При расчете с работниками, хозяин виноградника не обидел трудившихся с раннего утра, заплатив и всем остальным ту же самую сумму. Пришедшие раньше получили по договоренной цене, а опоздавшие получили ту же сумму по доброте хозяина. Этой притчей Господь учит нас тому, что благодать Божия, как и вечная жизнь даются человеку не в результате арифметического подсчета количества его дел или по времени его пребывания в Церкви, но по **милости Божией**. Иудеи думали, что им, как первым членам Царства Мессии, полагается большая награда по сравнению с христианами нееврейского происхождения, присоединившимися к этому Царству позже. Но у Бога совсем другая мера праведности. На его весах **искренность, усердие, чистая любовь, смирение** более ценны, чем внешняя и формальная сторона человеческих дел. Благоразумный разбойник, покаявшийся так полно и искренне на кресте и всем сердцем поверивший в отвергнутого и истерзанного Спасителя, удостоился Царства Небесного наравне с другими праведниками, которые служили Богу с раннего детства. Бог всех милует преимущественно ради Своего Единородного Сына, а не ради их заслуг. В этом заключается надежда для грешников, которые одним **покаянным вздохом**, исходящим из глубины страдающей души, могут привлечь милосердие Божие и вечное спасение. Добрые поступки человека и христианский образ жизни свидетельствуют об искренности его религиоз-

ных убеждений, укрепляют в человеке полученные благодатные дары, но не являются за-слугой перед Богом в юридическом понимании этого слова.

О том, как необходима человеку благодать Божия, Господь раскрывает нам в притче

О Десяти Девах.

“Тогда подобно будет царство небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них пять было мудрых, и пять неразумных. Неразумные, взяв светильники свои, не взяли с собой масла. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих. И как жених замедлил, то задремали все и уснули. Но в полночь раздался крик: “вот жених, выходите навстречу ему.” Тогда встали все девы те, и поправили светильники свои. Неразумные же сказали мудрым: “дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут.” А мудрые отвечали: “чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе.” Когда же пошли они покупать, пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились. После приходят и прочие девы, и говорят: “Господи, Господи, отвори нам.” Он же сказал им в ответ: “Истинно, говорю вам: Не знаю вас.” Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий” (Мт. 25:1-13).

Ясно и убедительно объясняет притчу о Десяти Девах преподобный **Серафим Саровский** в своей беседе с Мотовиловым.

“Некоторые говорят, что недостаток елея у юродивых дев знаменует недостаток у них жизненных добрых дел. Такое разумение не вполне правильно. Какой же у них недостаток в добрых делах, когда они, хоть юродивыми, но все же девами называются? Ведь девство есть высочайшая добродетель, как состояние равноангельское, и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей. Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятого Духа Божьего не доставало. Творя добродетели, девы эти по духовному своему неразумию, полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы де добродетель и тем дело Божие сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было... Оно-то, это стяжание Духа Святого, собственно и называется тем елеем, которого и доставало у юродивых дев. За то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Духа Святого, без которого и спасения никому нет и быть не может, ибо: “Святым Духом всяка душа живится (оживляется) и чистотою возвышается, светлеет же Троическим единством священнотайне.” Сам Дух Святой вселяется в души наши, и это то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Троического Единства и даруется лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святого, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божию всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божию: “Вселюсь в них и буду им Богом, и они будут Моим народом.” Вот это то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дожидаться Жениха, пришедшего в полунощи, и войти с ним в чертог радости. Юродивые же, видя, что угасают их светильники, хотя и пошли на торжище

(рынок), да купят елея, не успели возвратиться вовремя, ибо двери уже были затворены. Торжище — жизнь наша, двери чертога брачного, затворенные и не допустившие к Жениху — смерть человеческая, девы мудрые и юродивые — души христианские; елей — не дела, но получаемая через них благодать Всесвятого Духа Божия, претворяющая от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери, — в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе.”

Учение Спасителя о Царствии Божиим в последней группе притч находится в самой тесной связи с мыслью о Его втором пришествии. Господь, говоря о Своем **втором пришествии** и последующем суде убеждает нас всегда “бодрствовать,” постоянно трудиться над своим исправлением. Действительно, ничто не располагает так к усердию, как ежедневное приготовление себя к отчету перед Богом. Ведь в сущности, с наступлением **смерти** мир заканчивает для нас свое существование и наступает для нас час суда. Чтобы этот смертный час не был для нас неожиданным и трагическим событием, Господь рассказал притчу

О Рабах, ожидающих пришествия своего господина.

“Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящими, и вы будете подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака, дабы когда придет и постучит, тотчас отворить ему. Блаженны те рабы, которых господин, пришедши, найдет бодрствующими, истинно говорю вам, он препояшется и посадит их, и, подходя, станет служить им. И если придет во вторую стражу, и в третью стражу придет, и найдет их так, то блаженны рабы те. Вы знаете, что если бы ведал хозяин дома, в который час придет вор, то бодрствовал бы и не допустил бы подкопать дом свой. Будьте же и вы готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий” (Лк. 12:35-40).

Как и в предыдущей притче о десяти девах, так и в этой под “горящими светильниками” надо понимать духовное горение, то есть усердное служение Богу, когда в нашем сердце пребывает свет Божественной благодати. “Благодать Божия,” по свидетельству преп. **Иоанна Кассиана**, “всегда направляет волю нашу в добрую сторону, однако, и от нас требует или ожидает соответственных усилий. Чтобы не дать даров своих беспечным, она выискивает случаи, которыми пробуждает нас от холодной беспечности, чтобы щедрое даяние даров ее не явилось беспричинным, подает их после нашего желания и труда. При всем том однако же благодать всегда дается даром, потому что за наши малые усилия воздает с безмерною щедростью.” Подобную мысль высказывает и преп. **Исаак Сирский**: “В какой мере человек приближается к Богу намерением своим, в такой и Бог приближается к нему дарами Своими.”

Заключение.

Как мы видели, притчи, рассказанные Господом Иисусом Христом — это яркие и наглядные поучения, в которых содержится цельное и стройное учение о Спасении челове-

ка, о Царстве Божиим — Церкви. В начальных притчах Господь говорит об условиях, благоприятствующих принятию людьми Царства Божия; в последующих говорит о милосердии Божиим к кающимся людям; учит любить ближних, делать добро и развивать в себе добрые нравственные начала, наставляет быть рассудительными и усердно молиться. И, наконец, в последних притчах говорит об ответственности человека перед Богом и о необходимости быть усердными, привлекая в свое сердце свет Божией благодати.

В настоящем труде об Евангельских притчах мы не пытались дать читателю полное и всестороннее объяснение сокрытой в них духовной мудрости, что невозможно. Мы ставили перед собой более скромную задачу познакомить читателя с основами Евангельского учения, данного в притчах. Притчи Христовы — это вечно-живые образные наставления, которые указывают нам путь к Спасению.

Указатель Параллельных Текстов Евангельских Притч.

1. Притчи о Царствии Божиим

- О сеятеле: Мт 13:1-23, Мк 4:1-20, Лк 8:4-15 3
- О плевелах: Мт 8:24-30, 36-43 5
- О невидимо растущем семени: Мк 4:26-29 7
- О зерне горчичном: Мт 13:31-32, Мк 4:30-32, Лк 13:18-19 8
- О закваске: Мт 13:33-35, Мк 4:33-34, Лк 13:20-21 8
- О сокровище, скрытом в поле: Мт 13:44 9

2. Притчи о Милосердии Божиим и о Покаянии

- О заблудившейся овце: Мт 18:11-14, Лк 15:1-7 10
- О блудном сыне: Лк 15:11-32 11
- О мытаре и фарисее: Лк 18:4-14 13

3. Притчи о Добрых Делах и Добродетелях

- а) **О прощении обид:**
 - О должнике, недостойном прощения: Мт 18:13-35 14
- б) **О добрых делах:**
 - О милосердном самарянине: Лк 10:25-37 16
 - О неверном домоправителе: Лк 16:1-13 18
 - О богатом и Лазаре: Лк 16:14-31 22
- в) **О добродетелях:**
 - О безрассудном богаче: Лк 12:13-21 24
 - О талантах: Мт 25:14-30, Лк 19:11-28 25
- г) **О рассудительности и молитве:**
 - О строителе башни: Лк 14:28-30 27
 - О царе, начинающем войну: Лк 14:31-33 27
 - О друге, просившем хлеба: Лк 11:5-8 28
 - О судье неправедном: Лк 18:1-8 28

4. Притчи об Ответственности и Благодати

а) Об ответственности человека:

О злых виноградарях: Мт 21:33-46, Мк 12:1-12 30

О бесплодной смоковнице: Лк 13:6-9 31

О званых на брачный пир: Мт 22:1-14, Лк 14:16-24 32

б) О благодати Божией:

О работниках, получивших равную плату: Мт 20:1-16 34

О десяти девах: Мт 25:1-13 36

О рабах, ожидающих господина: Мт 24:42-44, Лк. 13:35-40 39

Книга Деяний и Соборные Послания

По мере распространения и увеличения состава христианских общин в разных частях обширной Римской империи, естественно, у христиан возникали вопросы религиозно-нравственного и практического порядка. Апостолы, не всегда имея возможность лично разбирать эти вопросы на месте, откликались на них в своих письмах-посланиях. Поэтому, в то время, как Евангелия содержат в себе самые основы христианской веры, апостольские послания раскрывают некоторые стороны учения Христова более подробно и показывают его практическое применение. Благодаря апостольским посланиям мы имеем живое свидетельство о том, как учили апостолы и как формировались и жили первые христианские общины. Церковь всегда смотрела на апостольские послания, как на слова Духа Святого и чистый источник Истины (Лк. 12:12, Иоан. 16:13, 17:17-19). Хотя жизненные условия постоянно меняются и с каждым годом выдвигают новые проблемы, **суть** этих проблем та же, что и в апостольское время и во все века существования человечества. Поэтому в апостольских посланиях христианин найдет верное руководство для решения своих личных проблем и неветшающее сокровище христианского учения о вере и жизни.

В этой брошюре мы познакомим читателя с авторами и обстоятельствами написания книги Деяний и Соборных апостольских посланий. В конце приведем избранные наставления из этих священных книг.

Книга Деяний.

Книга Деяний святых Апостолов является прямым продолжением Евангелия. Цель ее автора — описать события, происшедшие вслед за вознесением Господа Иисуса Христа и дать очерк первоначального устройства Церкви Христовой. Особенно подробно эта книга повествует о миссионерских трудах апостолов Петра и Павла. Св. Иоанн Златоуст в своей беседе о книге Деяний разъясняет великое значение для христианства этой книги, подтверждающей фактами из жизни апостолов истину евангельского учения: “Настоящая книга содержит в себе по преимуществу доказательства воскресения.” Вот почему в пасхальную ночь перед началом прославления воскресения Христова в храме читается несколько глав из книги Деяний. По этой же причине эта книга прочитывается целиком в период от Пасхи до Пятидесятницы за ежедневными литургиями.

По указанию самого писателя книги Деяний (Деян. 1:1-3) это его вторая книга, написанная для Феофила, жившего в Антиохии. Из этого следует заключить, что книга Деяний написана в качестве **продолжения третьего Евангелия**, и автором ее является св. Евангелист **Лука**, бывший спутником и сотрудником св. апостола Павла. Между Евангелием от Луки и книгой Деяний существует и стилистическое сходство. Ссылки на книгу Деяний мы находим у ранних писателей, как например, у св. Игнатия Богоносца, у св. Поликарпа, у св. Иустина Мученика. О принадлежности кн. Деяний к творчеству св. Луки мы находим сведения у писателей второго века — св. Ириней Лионского, Климента Александрийского, Тертулиана, Оригена а также в древнем сирском переводе Библии (Пешито).

Книга Деяний повествует о событиях от Вознесения Господа Иисуса Христа до прибытия св. ап. Павла в Рим и охватывает период времени около 30 лет. 1-12 главы повествуют о деятельности ап. Петра среди иудеев Палестины; 13-28 главы — о деятельности ап. Павла среди язычников и распространении учения Христова уже за пределами Палестины. Повествование книги заканчивается указанием на то, что ап. Павел прожил в Риме два года и невозбранно проповедовал там учение Христово (28:30-31). О мученической смерти апостола, которая последовала в Риме при императоре Нероне около 67 года по Р.Х., здесь не упоминается. Из предания же церковного известно, что ап. Павел, оправданный на суде кесаря, вновь возвратился в Иерусалим и совершил еще одно, четвертое миссионерское путешествие. Из этого можно заключить, что книга Деяний закончена около 63 или 64 года по Р. Х. в городе Риме. Св. Павел в посланиях к Колоссянам и к Филимону упоминает о Луке, как находящемся с ним в Риме. Таким образом, книга Деяний рисует нам картину, как Церковь Христова, утвердившись среди иудеев в Палестине, согласно предсказанию Самого Господа, при упорном неверии главной массы иудейского народа, перешла потом в мир языческий и постепенно распространилась в Малой Азии и южной Европе.

В книге Деяний мы видим исполнение пророчеств Спасителя относительно чудес, которые апостолы будут совершать Его именем, и о торжестве веры Христовой над миром. Мы видим, как, несмотря на человеческую слабость апостолов, не обладавших никакими внешними материальными средствами и данными для распространения евангельского учения, сами апостолы после сошествия на них Духа Святого сделались словно другими людьми. Безбоязненно, с великим мужеством и самоотверженностью, несмотря на все преследования, проповедовали они учение Христово по всем концам тогдашнего культурного греко-римского мира и в короткий срок основали множество христианских общин. Книга Деяний ярко свидетельствует о том, что проповедь апостолов— это дело не человеческое, но дело Божие (Вспомним слова мудрого Гамалиила, давшего совет иудеям не преследовать учеников Христовых — Деян. 5:38-39). Особенно поучительно описание жизни первых христиан, имевших “одно сердце и одну душу” (Деян. 4:32), что было полной противоположностью жизни всего остального тогдашнего мира, утопавшего в эгоизме и всевозможных грехах и пороках. Для пастырей Христовой Церкви книга Деяний важна тем, что дает им образец церковной жизни и управления Церковью, на основе принципа “**соборности**” (Деян. 15 глава). Она в повествованиях и прямых наставлениях учит, каким должен быть служитель Церкви (Деян. 20:18-35).

Но самое важное в этой книге то, что она, как никакая другая книга, свидетельствует о величайшей истине христианства — Воскресении Христовом. Действительно, наилучшим доказательством истины Воскресения Христова служат чудеса, совершенные именем Христа, а книга Деяний преимущественно повествует о чудесах апостолов.

Соборные Послания.

Именем “Соборных” называются семь посланий, написанных св. апостолами: одно — Иаковом, два — Петром, три — Иоанном Богословом и одно Иудой. В составе книг Нового Завета православного издания они помещаются непосредственно после книги Деяний. Соборными они названы Церковью еще в ранние времена. “Соборный” — это “окружной” в том смысле, что они обращены не к частным лицам, а ко всем христианским общинам вообще. Весь состав Соборных посланий назван этим именем в первый раз у историка Евсевия (начало 4-го века по Р.Х.). От посланий ап. Павла Соборные отличаются тем, что носят более общие и основные вероучительные наставления, а у ап. Павла содержание приурочено к обстоятельствам тех местных церквей, к которым он обращается, и имеет более специальный характер. У ап. Павла выделяется личность самого апостола и обстоятельства в его апостольской деятельности, а в Соборных посланиях излагаются общеобязательные для всех христиан правила веры и благочестия и почти нет биографических сведений.

Послание апостола Иакова.

Писатель называет себя *“Иаковом, рабом Бога и Господа Иисуса Христа”* (В евангельской истории известны три лица с именем Иакова: 1) Иаков, сын Заведя, — один из 12 апостолов и брат св. Иоанна Богослова; 2) Иаков Алфеев, брат св. ап. и Евангелиста Матфея, тоже один из двенадцати, и 3) Иаков, называемый “брат Божий,” бывший одним из 70-ти учеников Христовых и имевший братьями Иосию, Иуду и Симона (Мт. 13:55), ставший потом первым епископом Иерусалимским и получивший у иудеев прозвание “праведного.” В отличие от двух других, принадлежавших к лику 12, он назывался еще “меньшим.”

Св. Иаков Заведеев очень рано окончил свою жизнь мученической смертью (Около 44 г. в Иерусалиме, согласно Деян. 12:2.). Св. Иаков Алфеев проповедовал среди язычников. Между тем Соборное послание Иакова обращено к иудеям, находящимся в рассеянии, (1:1) и церковное предание приписывает его третьему Иакову — брату Господню, первому епископу Иерусалимскому. За свою праведность он пользовался авторитетом у всех иудеев (даже не уверовавших) и в качестве епископа Иерусалимского мог считать под своим иерархическим ведением всех христиан из иудеев, где бы они не находились.

О Иакове, брате Господнем, известно, что он вел строго подвижническую жизнь, был девственником, не пил вина и других спиртных напитков, не ел мяса, носил только льняную одежду, строго соблюдал Моисеев закон и часто уединялся для молитвы в иерусалимский храм. Он был старшим сыном Иосифа, обручника Пресвятой девы, от первой жены. По преданию, он сопровождал Иосифа и Марию с младенцем Иисусом во время их бегства в Египет. Вначале он, как и его братья, не вполне веровал в Господа Иисуса, как в Мессию. Но потом он всем сердцем уверовал, и Господь по воскресении Своим удостоил его особенного явления Своего (1 Кор. 15:7). Пользуясь большим уважением среди апостолов, он председательствовал на первом Апостольском Соборе в Иерусалиме (Деян. гл. 15). Надо полагать, что вся его деятельность сосредоточивалась в Палестине. Жизнь свою он окончил мученически, будучи сброшен около 64 г. иудейскими начальниками с порти-

ка иерусалимского храма. Иудейский историк Иосиф Флавий, перечисляя причины падения Иерусалима в результате войны с римлянами, говорит, что Господь наказал евреев также за убийство Иакова праведного. Предание приписывает св. Иакову составление древнего чина Божественной литургии, который совершается до сего времени в Иерусалиме и в других храмах в день его памяти 23 октября.

Послание св. ап. Иакова было предназначено евреям: *“двенадцати коленам, находящимся в рассеянии,”* что не исключало и евреев, живших в Палестине. Время и место послания не указаны. По-видимому, послание написано им незадолго до кончины, вероятно, в 55-60 годах. Местом написания был, вероятно, Иерусалим, где апостол пребывал постоянно.

Поводом к написанию были те скорби, которые переносили иудеи рассеяния от язычников и, в особенности, от своих неверующих братьев. Испытания были столь велики, что многие стали падать духом и колебаться в вере. Некоторые роптали на внешние бедствия и на Самого Бога, но по-прежнему видели свое спасение в происхождении от Авраама. Они неправильно смотрели на молитву, недооценивали значение добрых дел, но охотно делались учителями других. При этом богатые превозносились над бедными, и братская любовь охладевала. Все это побудило св. Иакова дать им необходимое нравственное врачевание в виде послания.

Во 2-ой главе послания св. ап. Иакова есть ценнейшее наставление о сущности веры, которая должна состоять не в отвлеченном признании христианских истин, а в живом ее проявлении в делах милосердия. В 5-й гл. (14-16 ст.) говорится о назначении и силе таинства елеосвящения.

Послания апостола Петра.

Апостол Петр, называвшийся прежде Симоном, был сыном рыбака Ионы из Вифсаиды Галилейской (Иоан. 1:42-45) и братом апостола Андрея Первозванного, который и привел его к Христу. Св. Петр был женат и имел дом в Капернауме (Мт. 8:14). Призванный Христом Спасителем за рыбной ловлей на Геннисаретском озере (Лук. 5:8), он всегда выражал особенную преданность и решительность, за что и удостоен был особенного приближения к Господу вместе с сынами Заведеевыми (Лук. 9:28). Сильный и пламенный духом, он, естественно, занял влиятельное место в лике Христовых апостолов. Он первый решительно исповедал Господа Иисуса Христа Христом, то-есть Мессией (Мт. 16:16), и за это удостоился наименования Камнем (Петром). На этом камне Петровой веры Господь обещал создать Церковь Свою, которую и врата адовы не одолеют (Мт. 16:18). Свое трехкратное отречение от Господа (накануне распятия Спасителя) апостол Петр омыл горькими слезами раскаяния, вследствие чего после Своего воскресения Господь вновь восстановил его в апостольском достоинстве, трехкратно, по числу отречений, поручив ему пасты агнцов и овец Своих (Иоан. 21:15-17).

Апостол Петр первый содействовал распространению и утверждению Церкви Христовой после сошествия Святого Духа, произнеся пламенную речь перед народом в день Пятидесятницы и обратив 3000 душ ко Христу. Спустя некоторое время, исцелив хромого от рождения, он второй проповедью обратил к вере еще 5000 иудеев. (Деян. 2-4 главы. Книга Деяний, с 1-ой главы по 12-ю, рассказывают об его апостольской деятельности. Однако, после его чудесного освобождения Ангелом из темницы, когда Петр вынужден

был скрыться от Ирода (Деян. 12:1-17), о нем упоминается еще только один раз при рассказе об Апостольском соборе (Деян. 15 глава). Другие сведения о нем сохранились только в церковных преданиях. Известно, что он проповедовал Евангелие по берегам Средиземного моря, в Антиохии (где рукоположил еп. Еводия). Ап. Петр проповедовал в Малой Азии иудеям и прозелитам, (язычникам, обращенным в иудейство) потом — в Египте, где рукоположил Марка (написавшего со слов Петра Евангелие, называемое “от Марка.” Марк не состоял в числе 12-ти апостолов) в первого епископа Александрийской церкви. Отсюда он перешел в Грецию (Ахаию) и проповедовал в Коринфе (1 Кор. 1:12), потом проповедовал в Риме, Испании, Карфагене и Британии. К концу жизни св. Петр снова прибыл в Рим, где и принял мученическую кончину в 67 г., будучи распят вниз головой.

Первое Соборное Послание ап. Петра обращено к “пришельцам, рассеянным в Понте, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии” — провинциях Малой Азии. Под “пришельцами” надо понимать, главным образом, уверовавших иудеев, а также язычников, входивших в состав христианских общин. Эти общины были основаны ап. Павлом. Причиной написания послания было желание апостола Петра “*утвердить братьев своих*” (Лук. 22:32), при возникновении разногласий в этих общинах, и при гонениях, постигших их со стороны врагов Креста Христова. Появились среди христиан и внутренние враги в лице лжеучителей. Пользуясь отсутствием ап. Павла, они начали искажать его учение о свободе христианской и покровительствовать всякой нравственной распущенности (1 Петр. 2:16; 2 Петр. 1:9; 2:1).

Цель этого послания Петра — ободрить, утешить и утвердить в вере малоазиатских христиан, на что указывал сам апостол Петр: “Это кратко написал я вам через Силуана, верного, как думаю, вашего брата, чтобы уверить вас, утешая и свидетельствуя, что это истинная благодать Божия, в которой вы стоите” (5:12).

Местом первого послания указывается Вавилон (5:13). В истории христианской церкви известна церковь Вавилонская в Египте, где, вероятно, св. Петр и написал свое послание. В это время с ним находились Силуан и Марк, оставившие ап. Павла после его отправления на суд в Рим. Поэтому дата первого послания определяется между 62-м и 64-м годами после Р.Х.

Второе соборное послание написано к тем же малоазиатским христианам. В этом втором послании ап. Петр с особой силой предостерегает верующих от развратных лжеучителей. Эти лжеучения сходны с теми, которые обличает ап. Павел в посланиях к Тимофею и Титу, а также апостол Иуда — в своем Соборном послании. Лжеучения еретиков угрожали вере и нравственности христиан. В то время стали быстро распространяться гностические ереси, впитавшие в себе элементы иудейства, христианства и различных языческих учений (В сущности, гностицизм это — теософия, которая в свою очередь является фантазией в тоге философии). В жизни приверженцы этих ересей отличались безнравственностью и кичились своими знаниями “тайн.”

Второе послание написано незадолго до мученической кончины ап. Петра: “*Знаю, что скоро должен я оставить храмину мою, как и Господь наш Иисус Христос открыл мне.*” Написание можно отнести к 65-66 годам. Последние годы жизни апостол Петр провел в Риме, откуда можно заключить, что второе послание написано в Риме в качестве его предсмертного завещания.

Послания Евангелиста Иоанна Богослова.

Стиль послания и отдельные выражения напоминают нам Евангелие от Иоанна, и уже древнее предание считало его принадлежащим возлюбленному ученику Христову. Св. Иоанн Богослов был сыном галилейского рыбака Заведея и жены его Саломии, по преданию дочери Иосифа-обручника от первого брака. Таким образом, он приходился, по представлениям окружающих, племянником Господа. Старший брат его Иаков был тоже в числе 12-ти апостолов. Обоих братьев за силу их духа Господь прозвал “сыны громовы” — “воанергес” (Мк. 3:17). Повинуясь призыву Господа (Мт. 4:21 и Лук:10), Иоанн оставил родительский дом, став одним из приближенных учеников Его вместе с Петром и Иаковом (Мк. 5:37; Мт. 17:1; 26, 37). Господь удостоил Иоанна особенной любви: Иоанн возлежал на персях Господа на Тайной вечери, а при кресте Спаситель усыновил Иоанна Своей Пречистой Матери (Иоан. 13:23-25; 19:26). Сам св. Иоанн, не называя себя, говорит о себе, как об ученике “которого любил Иисус” (Иоан. 19:26). Из всех учеников только Иоанн не оставил своего Учителя и стоял на Голгофе у самого креста.

После Вознесения Господня и Сошествия Св. Духа, св. Иоанн в течение 15-ти лет не оставлял Иерусалима, до блаженного успения Божией Матери. Он с Петром и Иаковом принимал деятельное участие в устройстве Иерусалимской Церкви и вместе с ними считался одним из столпов ее (Гал. 1:9). Для низведения на крещенных самарян Духа Святого св. Иоанн отправился к ним вместе со св. Петром (Деян. 8:14). Позже он направился с проповедью в провинции Малой Азии, основался в Ефесе, откуда управлял всеми церквами Малой Азии. Из Ефеса он был сослан на остров Патмос, при императоре Домициане, после того как чудесно сохранил жизнь, будучи ввергнут в котел с кипящим маслом. В ссылке он написал свой Апокалипсис — Откровение. Позже он возвратился в Ефес и в конце 1-го века написал свое Евангелие и три послания. Он оставался девственником и почил несколько загадочной смертью в начале 2-го века в г. Ефесе. Не называя себя в послании, св. Иоанн говорит о себе, как об очевидце и самовидце событий земной жизни Господа Иисуса Христа (1:1-4).

Первое соборное послание написано после Евангелия от Иоанна: “Что было от начала, что мы видели и слышали, возвещаем вам (1 Иоан. 1:1-3), и, вероятно, — в Ефесе в конце 1-го столетия.

Оно было написано для христиан малоазиатских церквей, давно основанных и состоявших по преимуществу из бывших язычников (см. 1 Иоан. 5:21). К тому времени в Малой Азии умножились гностические учения, сменившие обрядовое иудейство и грубое язычество, против которых боролись апостолы Иуда, Петр и Павел. Лжеучители-гностики отвергали Божество Иисуса Христа и достоинство Его, как Спасителя мира, отвергали действительность Его воплощения; они либерально относились к порокам, утверждая, что знание дает человеку право на полную свободу и нравственный разгул.

Соответственно этому характер послания увещательный и обличительный. Цель послания — утвердить веру в Иисуса Христа, как Сына Божия, чтобы все получили через Него вечную жизнь и пребывали в Истине и Любви.

Второе соборное послание. О назначении этого послания нет никаких достоверных сведений, кроме тех, которые содержатся в самом послании. Кто были по имени “избранная госпожа” и дети ее — неизвестно. Ясно только, что они были христиане. Что касается

времени и места написания этого послания, можно думать, что оно написано тогда же, когда было написано первое, и в том же Ефесе. Второе Иоанново послание имеет только одну главу. В нем апостол выражает радость свою, что дети избранной госпожи ходят в истине, обещает посетить ее и с настойчивостью увещевает не общаться с лжеучителями.

Третье Соборное Послание обращено к Гайю или Каю. Кто это был, в точности неизвестно. Из апостольских писаний и из церковного предания известно, что это имя носили несколько лиц (см. Деян. 19:29; 20:4; Рим. 16:23; 1 Кор. 1:14 и др.), но к которому из них написано это послание, определить нет возможности. По-видимому, этот Гай не занимал никакой иерархической должности, а был просто благочестивым христианином, странноприимцем. О времени и месте написания третьего послания можно предположить тоже, что о времени и месте написания второго послания: оба эти послания написаны приблизительно в одно и то же время, все в том же г. Ефесе, где апостол Иоанн проводил последние годы своей земной жизни. Состоит это послание также из одной только главы. В нем апостол хвалит Гая за его добродетельную жизнь, твердость в вере и “хождение в истине,” а особенно — за его добродетель принятия странников и доброе отношение к проповедникам Слова Божия, порицает властолюбивого Диотрефа, сообщает некоторые известия и посылает приветствия.

Послание апостола Иуды.

Писатель этого послания сам называет себя “Иудой, рабом Иисуса Христа, братом Иакова.” Из этого можно заключить, что это одно лицо с апостолом Иудой из Двенадцати, который назывался Иаковлевым, а также Леввеем и Фаддеем (Мт. 10:3; Мр. 3:18; Лук. 6:16; Деян. 1:13; Иоан. 14:21). Он был сыном Иосифа Обручника Пресвятой Девы Марии от первой действительной его жены и братом детей Иосифа: Иакова, впоследствии епископа Иерусалимского, по прозвищу Праведного, Иосии и Симона, впоследствии также епископа Иерусалимского. По преданию, первое его имя было Иуда, имя Фаддея он получил, приняв крещение от Иоанна Крестителя, а имя Леввея получил, вступив в лик 12-и апостолов, может быть, в отличие от соименного ему Иуды Искаротского, ставшего предателем.

Об апостольском служении Иуды по вознесении Господнем предание говорит, что он проповедовал сначала в Иудее, Галилее, Самарии и Идумее, а затем — в Аравии, Сирии и Месопотамии, Персии и Армении, в которой мученически скончался, распятый на кресте и пронзенный стрелами.

Поводами к написанию послания, как видно из 3-его стиха, была забота св. Иуды “об общем спасении душ” и тревога по поводу усиления лжеучений. Св. Иуда прямо говорит, что он пишет потому, что в общество христиан вкрались нечестивые люди, обращающие христианскую свободу в повод к распутству. Это, несомненно, — лжеучители-гностики, поощрявшие разврат под видом “умерщвления” греховной плоти и считавшие мир не творением Бога, а произведением низших сил, враждебных Ему. Это те же симониане и николаиты, которых обличает св. Иоанн в 2 и 3 гл. Апокалипсиса. Цель послания — предостеречь христиан от увлечения этими лжеучениями, льстившими чувственности. Послание назначено всем христианам вообще, но по содержанию его видно, что оно назначалось для известного круга лиц, в который нашли себе доступ лжеучители. С достоверностью

можно предполагать, что это послание первоначально было обращено к тем же малоазиатским церквам, к которым писал потом и ап. Петр.

Несомненно, что это послание написано до разрушения Иерусалима, которое произошло в 70 году, ибо св. Иуда, упомянувший в своем послании почти о всех замечательных явлениях суда Божественного, не преминул бы упомянуть и об этом, самом поразительном явлении. Сходство этого послания с посланием св. ап. Петра наводит на мысль, что оно написано после Петрова, и св. Иуда использовал характеристику лжеучителей, данную св. Петром, почти в тех же словах и выражениях. Соборное послание св. ап. Иуды состоит всего из одной главы и представляет собой от начала до конца одну непрерывную речь, направленную против лжеучителей.

Послания ап. Павла.

Введение.

Из всех новозаветных священных писателей более всего потрудился в изложении христианского учения ап. Павел, написавший целых 14 посланий. По важности своего содержания они справедливо называются “вторым Евангелием” и всегда привлекали к себе внимание как мыслителей-философов, так и простых верующих. Сами апостолы не оставляли без внимания этих назидательных творений своего “возлюбленного собрата,” младшего по времени обращения ко Христу, но равного им по духу учения и благодатным дарам (2 Петр. 3:15-16).

Составляя необходимое и важное дополнение к евангельскому учению, послания ап. Павла должны быть предметом самого внимательного и усердного изучения каждого человека, стремящегося глубже познать христианскую веру. Эти послания отличаются особой высотой религиозной мысли, отражающей обширную ученость и знание ветхозаветного Писания ап. Павлом, а равно и его глубокое понимание новозаветного Христова учения. Не находя иногда в современном греческом языке необходимых слов, ап. Павел вынужден был иногда для выражения своих мыслей создавать собственные словесные сочетания, которые потом вошли в широкое употребление среди христианских писателей. К таким словосочетаниям относятся: “совоскреснуть,” “спогребстись Христу,” “облечься во Христа,” “совлечься ветхого человека,” “спасти банею пакибытия,” “закон духа жизни,” “иной закон в членах моих, противоположающий закону ума” и т.п.

Связь учения апостола Павла с его жизнью.

Послания Ап. Павла — это плоды его апостольского усердия в раскрытии учения Христова. Они замечательны тем, что апостол раскрывает в них христианское учение не отвлеченно, но в тесной связи с развитием основанных им церквей, своими апостольскими трудами и личными переживаниями. Так как учение, изложенное в посланиях ап. Павла, тесно переплетается с его личностью, то знакомство с его жизнью и личностью содействует их пониманию. Поэтому здесь мы познакомим читателя с теми фактами жизни ап. Павла, которые, по указанию самого апостола, служили для него источником решения вопро-

сов христианского учения о вере и нравственности. *“Я — наименьший из апостолов и недостойн называться апостолом, потому что гнал Церковь Божию. Но благодатью Божьею я есть то, что есть, и благодать Его во мне не была напрасна”* (1 Кор. 15:9-10) — так характеризует себя великий “Апостол языков” (язычников — имя, под которым ап. Павел вошел в историю христианской Церкви).

Наделенный от природы богатыми умственными способностями, он был воспитан и обучен в строгих **фарисейских правилах** и, по его собственным словам, преуспевал в иудействе более многих своих сверстников, будучи в молодости неумеренным приверженцем отеческих своих преданий (Гал. 1:14). Когда же Господь, избравший его от чрева матери, призвал его к апостольскому служению, он всю энергию, все силы своего великого духа посвятил проповеди имени Христова среди язычников. Делая это, он претерпел много скорбей от своих ослепленных неверием и ожесточенных против Христа единоплеменников.

Изучая жизнь и труды св. Павла по книге Деяний св. апостолов, поистине нельзя не прийти в изумление от необычной **несокрушимой энергии** этого великого “апостола языков.” Трудно представить себе, как этот человек, не обладавший крепким здоровьем и физической силой (Гал. 4; 13-14), мог перенести столько невероятных трудностей и опасностей, сколько пришлось перенести их ап. Павлу, ради славы имени Христова. И что особенно замечательно: по мере умножения этих трудностей и опасностей, пламенная ревность его и энергия не только не ослабевали, а еще больше возгорались и крепили.

Вынужденный вспомнить для назидания Коринфян о своих подвигах, он так о них пишет:

“Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От иудеев пять раз дано было мне по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе” (2 Кор. 11:23-27).

Сравнивая себя с прочими апостолами и по смирению называя себя “меньшим” из них, св. Павел тем не менее со всей справедливостью мог заявить: *“но я более всех их потрудился; не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною”* (1 Кор. 15:10).

И действительно, без **благодати Божией** обыкновенный человек не смог бы поднять таких трудов и совершить столько подвигов. Насколько мужественным, прямым и непоколебимым в своих убеждениях являл себя Павел перед царями и владыками, настолько же решителен и искренен был он и в отношениях со своими братьями-апостолами. Так однажды он не остановился даже перед обличением самого апостола Петра, когда этот апостол дал повод к нареканию в малоазийской столице язычества Антиохии (Гал. 2:11-14). Этот факт важен, между прочим, тем, что ясно говорит против ложного утверждения римо-католиков, будто ап. Петр был поставлен Господом “князем над прочими апостолами” и как бы заместителем Самого Господа (от чего римские Папы присваивают себе титул “наместников Сына Божия”). Разве посмел бы св. Павел, бывший гонитель Церкви

Христовой и позже других пришедший к апостольскому служению, обличать “заместителя” Господа Иисуса Христа? Это совершенно невероятно. Апостол Павел обличил св. Ап. Петра, как равный равного, как брат брата.

Жизнь и труды ап. Павла.

Св. Павел, первоначально носивший еврейское имя **Савл**, принадлежал к колену Вениаминову и родился в киликийском г. Тарсе (в Малой Азии), который тогда славился своей греческой академией и образованностью своих жителей. Как уроженец этого города и как происходивший от иудеев, освободившихся от рабства римлян, Павел имел права **римского гражданина**. В Тарсе Павел получил свое первое воспитание и, вероятно, там же познакомился с языческой культурой, ибо в его речах и посланиях ясно проглядывают следы знакомства с языческими писателями (Деян. 17:28; 1 Кор. 15:33; Тит. 1:12). Свое окончательное образование он получил в Иерусалиме в славившейся тогда раввинской академии, у знаменитого учителя **Гамалиила** (Деян. 22:3), который считался знатоком Закона и, несмотря на принадлежность к партии фарисеев, был человеком свободомыслящим (Деян. 5:34) и любителем греческой мудрости. Здесь же, по принятому у евреев обычаю, молодой Савл изучил искусство делать палатки, которое потом помогло ему зарабатывать средства на пропитание **собственным трудом** (Деян. 18:3; 2 Кор. 11:8; 2 Сол. 3:8).

Молодой Савл, видимо, готовился к должности раввина, потому сразу же по окончании своего воспитания и образования он проявил себя сильным ревнителем фарисейских преданий и гонителем веры Христовой. Может быть, по назначению синедриона он был свидетелем смерти **первомученика Стефана**, (Деян. 7:58; 8:1), а затем получил власть официально **преследовать христиан** даже за пределами Палестины в Дамаске (Деян. 9:1-2).

Господь, усмотревший в нем “сосуд избранный Себе,” на пути в Дамаск чудесным образом призвал его к апостольскому служению. Во время путешествия Савла осветил ярчайший свет, от которого он слепым упал на землю. Из света раздался голос: “Савл, Савл, почему ты гонишь Меня?” На вопрос Савла: “Кто Ты?” — Господь ответил: “Я Иисус, Которого ты гонишь.” Господь повелел Савлу идти в Дамаск, с тем, что ему будет указано, что делать дальше. Спутники Савла слышали голос Христа, но свет не видели. Приведенный под руки в Дамаск, ослепший Савл был научен вере и на третий день крещен Ананией. В момент погружения в воду Савл прозрел. С этого времени он сделался ревностным проповедником прежде гонимого им учения. На время он отправился в Аравию, а затем снова вернулся в Дамаск для проповеди о Христе.

Ярость иудеев, возмущенных его обращением ко Христу, заставила его бежать в Иерусалим (Деян. 9:23 в 38 г. по Р. Хр). где он присоединился к обществу верующих и познакомился с апостолами. Из-за покушения эллинистов на жизнь Савла, он отправился в свой родной г. Тарс. Отсюда около 43 г. он был вызван Варнавой в Антиохию для проповеди, и потом путешествовал вместе с ним в Иерусалим, куда привез помощь нуждающимся (Деян. 11:30).

Вскоре после возвращения из Иерусалима — по повелению Духа Святого — Савл вместе с Варнавой отправился в свое **первое апостольское путешествие**, продолжавшееся с 45 по 51 год. Апостолы прошли весь остров Кипр, и с этого времени Савл, когда обратил к вере проконсула Сергия Павла, именуется уже **Павлом**. За время миссионерского

путешествия Павла и Варнавы были основаны христианские общины в малоазийских городах Антиохии Писидийской, Иконии, Листре и Дервии (малоазийские города). В 51 г. св. Павел принял участие в Апостольском Соборе в Иерусалиме, где горячо восставал против необходимости для христиан из язычников соблюдения обрядов Моисеева закона.

Вернувшись в Антиохию, св. Павел в сопровождении Силы предпринял **второе** апостольское путешествие. Сначала он посетил ранее основанные им церкви в Малой Азии, а затем перешел в Македонию, где основал общины в Филиппах, Солуни и Верии. В Листре св. Павел приобрел любимого ученика своего Тимофея, а от Трояды продолжал путешествие с присоединившимся к ним ап. Лукой. Из Македонии св. Павел перешел в Грецию, где проповедовал в Афинах и Коринфе, задержавшись в последнем полтора года. Отсюда он послал два послания к Солунянам. Второе путешествие длилось с 51 по 54 год. В 55 г. св. Павел отправился во Иерусалим, посетив по пути Ефес и Кесарию, а из Иерусалима прибыл в Антиохию (Деян. 17 и 18 гл.).

После недолгого пребывания в Антиохии св. Павел предпринял **третье** апостольское путешествие (56–58 г.), посетив сначала, по обычаю своему, ранее основанные малоазийские церкви, а затем остановился в Ефесе, где в продолжение двух лет занимался ежедневно проповедью в училище Тиранна. Отсюда он написал свое послание к Галатам (по поводу усиления там партии иудействующих) и первое послание к Коринфянам (по поводу возникших там беспорядков и в ответ на письмо Коринфян к нему). Народное восстание, поднятое против Павла серебряных дел мастером Димитрием, заставило апостола оставить Ефес, и он отправился в Македонию (Деян. 1:9 гл.). На пути он получил от Тита известие о состоянии Коринфской церкви и о благоприятном действии его послания. Поэтому он послал с Титом из Македонии второе послание к Коринфянам. Вскоре он и сам прибыл в Коринф, откуда написал послание к Римлянам, намереваясь после Иерусалима отправиться в Рим и дальше на запад.

Попрощавшись в Мелите с Ефесскими пресвитерами, он прибыл в Иерусалим, где из-за возникшего против него народного мятежа был взят под стражу римскими властями и оказался в заточении, сначала при проконсуле Феликсе, а потом при сменившем его проконсуле Фесте. Это случилось в 59 г., а в 61 г. Павел, как римский гражданин, по своему желанию был отправлен в **Рим** на суд кесаря. Потерпев кораблекрушение у о. Мальты, апостол только летом 62 г. достиг Рима, где пользовался большим снисхождением римских властей и свободно проповедовал. Этим и оканчивается повествование о его жизни, имеющееся в книге Деяний апостольских (главы 27 и 28). Из Рима св. Павел написал свои послания к Филиппийцам (с благодарностью за присланное ему с Епафродитом денежное пособие), к Колоссянам, к Ефессянам и к Филимону, жителю Колосс (по поводу бежавшего от него раба Онисима). Все эти три послания были написаны в 63 г. и отправлены с Тихиком. Из Рима же в 64 г. написано и послание к палестинским Евреям.

Дальнейшая судьба ап. Павла в точности неизвестна. Некоторые считают, что он оставался в Риме и по повелению Нерона был предан мученической смерти в 64 г. Но есть основания предполагать, что после двухлетнего заключения Павлу дана была свобода, и он предпринял **четвертое** апостольское путешествие, на которое указывают его так называемые “пастырские послания” — к Тимофею и Титу. После защиты своего дела перед сенатом и императором св. Павел был освобожден от уз и снова путешествовал на Восток. Пробыв долгое время на острове Крите, он оставил там своего ученика Тита для рукоположения пресвитеров по всем городам (Тит. 1:5), что свидетельствует о рукоположении им

Тита во епископа Критской церкви. Позже в своем послании к Титу ап. Павел наставляет его, как проходить обязанности епископа. Из этого же послания видно, что он предполагал провести ту зиму 64 г. в Никополе (Тит. 3:12), близ родного Тарса.

Весной 65 г. он посетил остальные малоазийские церкви и в Милете оставил больного Трофима, из-за которого произошло возмущение против апостола в Иерусалиме, повлекшее за собой его первые узы (2 Тим. 4:20). Проходил ли св. Павел через Ефес, неизвестно, так как он говорил, что пресвитеры ефесские уже не увидят его лица (Деян. 20:25), но он, по-видимому, в это время рукоположил **Тимофея** во епископа для Ефеса. Далее апостол проходил через Троаду, где у некоего Карпа оставил свою фелонь (богослужебная верхняя одежда) и книги (вероятно тоже богослужебные, 2 Тим. 4:13), и потом отправился в Македонию. Там он услышал об усилении лжеучений в Ефесе и написал свое первое послание к Тимофею. Пробыв некоторое время в Коринфе (2 Тим. 4:20) и встретившись на пути с ап. Петром, Павел вместе с ним продолжал путь через Далматину (2 Тим. 4:10) и Италию, дошел до Рима, где оставил ап. Петра, а сам уже в 66 г. отправился далее на запад, дойдя, вероятно, до **Испании**.

После возвращения в Рим он был снова заключен в узы (второй раз), в которых и находился до смерти. Есть предание, что по возвращении в Рим он проповедовал даже при дворе императора **Нерона** и обратил к вере во Христа его любимую наложницу. За это он был предан суду, и хотя милостью Божией избавлен был, по собственному выражению, от львиных челюстей, то есть от съедения зверями в цирке (1 Тим. 4:16-17), однако был заключен в узы. Из этих вторых уз он написал в Ефес второе послание к Тимофею, приглашая его в Рим на последнее свидание, в предчувствии своей близкой смерти. Предание не говорит, успел ли Тимофей застать в живых своего учителя, но оно рассказывает, что сам апостол уже недолго ждал своего мученического венца. После девятимесячного заключения он был **усечен мечом**, как римский гражданин, недалеко от Рима. Это было в 67 г. по Р. Хр., в 12-ый год царствования Нерона.

При общем взгляде на жизнь ап. Павла видно, что она резко делится на две половины. До своего обращения ко Христу св. Павел, тогда Савл, был строгим фарисеем, исполнителем закона Моисеева и отеческих преданий, думавшим оправдаться делами закона и ревностью к вере отцов, доходившей до фанатизма. После обращения своего он стал апостолом Христовым, всецело преданным делу евангельского благовестия, счастливым в своем призвании, но сознающим свое собственное бессилие при исполнении этого высокого служения и приписывающим все свои дела и заслуги благодати Божией. Вся жизнь апостола до обращения, по глубокому убеждению его, была заблуждением, грехом и вела его не к оправданию, а к осуждению, и только благодать Божия извлекла его из этого губительного заблуждения. С этого времени св. Павел старается лишь быть достойным этой **благодати Божией** и не уклоняться от своего призвания. Поэтому нет и не может быть речи о каких бы то ни было заслугах — **все дело Божие**.

Будучи полным отражением жизни апостола, все учение св. Павла, раскрытое в его посланиях, проводит именно эту основную мысль: человек **оправдывается верою**, независимо от дел закона (Рим. 3:28). Но отсюда нельзя вывести заключение, будто ап. Павел отрицает всякое значение добрых дел (см. напр. Гал. 6:4; Ефес. 2:10 или 1 Тим. 2:10 и другие). Под “делами закона” в его посланиях понимаются не “добрые дела” вообще, а обрядовые **дела закона Моисеева**. Надо помнить, что ап. Павлу во время его проповедниче-

ской деятельности пришлось вынести **упорную борьбу** с противодействием иудеев и иудействующих христиан.

Многие из иудеев и по принятии христианства держались взгляда, что и для христиан необходимо тщательное исполнение всех обрядовых предписаний Моисеева закона. Они обольщали себя горделивой мыслью, что Христос пришел на землю для спасения **только иудеев**, а потому язычники, желающие спастись, должны принять обрезание и исполнять все иудейские обряды. Это заблуждение так сильно мешало распространению христианства среди язычников, что апостолы должны были созвать в 51 г. в **Иерусалиме Собор**, который **отменил** обязательность обрядовых постановлений закона Моисеева для христиан. Но и после этого Собора многие иудействующие христиане продолжали упорно держаться своего прежнего взгляда и впоследствии совсем отделились от Церкви, составив свое еретическое общество. Эти еретики, противодействуя лично ап. Павлу, вносили смуту в церковную жизнь, пользуясь отсутствием Павла в той или другой церкви. Поэтому св. Павел в своих посланиях был и вынужден постоянно подчеркивать, что Христос — Спаситель **всего человечества**, — как иудеев, так и язычников, и что спасается человек не выполнением обрядовых дел закона, а только **верою во Христа**. К сожалению, эта мысль ап. Павла была **извращена Лютером** и его последователями- протестантами в том смысле, будто ап. Павел отрицает значение вообще всяких добрых дел для спасения. Если это было бы так, тогда не говорил бы св. Павел в 1-ом послании к Коринфянам, в 13-ой главе, что “если я имею всю веру, так что могу и горы переставлять, а любви не имею, то я — ничто,” ибо любовь как раз и проявляет себя в добрых делах.

Перечень посланий ап. Павла.

На основании достоверных свидетельств, общий голос Церкви присваивает ап. Павлу авторство четырнадцати посланий, которые помещаются в Библии в следующем порядке:

- 1) Послание к Римлянам,
- 2) Первое послание к Коринфянам,
- 3) Второе послание к Коринфянам,
- 4) Послание к Галатам,
- 5) Послание к Ефессянам,
- 6) Послание к Филиппийцам,
- 7) Послание к Колоссянам,
- 8) Первое послание к Солунянам,
- 9) Второе послание к Солунянам,
- 10) Первое послание к Тимофею,
- 11) Второе послание к Тимофею,
- 12) Послание к Титу,
- 13) Послание к Филимону,
- 14) Послание к Евреям.

Порядок этот не хронологический, а расположенный по важности и обширности посланий и по сравнительному значению церквей и лиц, к которым послания адресованы. За посланиями к семи церквам следует послание к трем лицам, а послание к Евреям поставлено

позади всех, потому что подлинность его признана позже всего. Послания ап. Павла делятся обыкновенно на две неравные группы: 1) Послания **общехристианские** и 2) Послания **пастырские**. К этим последним относятся два послания к Тимофею и послание к Титу, потому что в них указываются основы и правила доброго пастырствования.

Некоторые места в посланиях св. Павла, как например: 1 Кор. 5:9, также Кол. 4:16 — давали повод думать, что существовали еще другие Павловы послания, до нас не дошедшие. Приписываемая ап. Павлу переписка с неизвестным философом Сенекой, братом упоминаемого в Деяниях проконсула Галлиона (18:12), не заслужила признания своей подлинности.

Обзор учения ап. Павла.

Послания св. ап. Павла имеют в составе Нового Завета великое значение, ибо в них мы находим глубокое и всестороннее раскрытие и разъяснение истин евангельского учения. Кроме отдельных, особо любимых ап. Павлом истин Христовой веры, как например: о значении ветхозаветного закона по отношению к Новому Завету, о растлении и порче человеческой природы и о единственном средстве оправдания пред Богом через веру во Иисуса Христа — нет, можно сказать, ни одного частного пункта во всей христианской догматике, который бы не находил своего обоснования и подкрепления в Павловых посланиях. Большая часть посланий построена по одному и тому же плану. Начинаются они приветствием к читателям и благодарностью Богу за Его промыслительные действия о том месте, куда адресовано послание. Далее послание обыкновенно делится на две части — вероучительную (догматическую) и нравственную. В заключение св. апостол касается частных дел, делает поручения, говорит о своем личном положении, выражает свои добрые пожелания и посылает приветствия мира и любви. Язык его живой и яркий, напоминает язык ветхозаветных пророков и свидетельствует о глубоком знании ветхозаветного Писания.

Значение посланий ап. Павла.

Итак, послания ап. Павла являются богатейшим источником духовной мудрости и вдохновения. Нет, кажется, такой религиозной истины, которая бы не была освещена и разъяснена в его творениях. Причем, эти истины изложены апостолом не как отвлеченные богословские понятия, но как факты веры, воодушевляющие человека к праведной жизни. Откликаясь на конкретные проблемы, с которыми сталкивались христиане первого века, послания ап. Павла служат ценным дополнением к Евангелиям. Они разъясняют, как на деле преодолевать неизбежные в жизни испытания, как осуществлять высокие христианские идеалы, в чем состоит суть христианского подвига. Они живым языком описывают быт и подвиги первых христиан, становление христианских общин, дают цельный облик Церкви Христовой апостольского времени.

Послания ап. Павла не менее ценны и своими автобиографическими заметками. Из них видно, как применял апостол в своей личной жизни высокие христианские принципы, которые проповедовал — что содействовало его духовному росту, что помогало его миссионерской деятельности, где он черпал духовные силы. Первым фактором успеха миссионерской деятельности апостола было его умение все свои великие таланты, душевные и

физические силы сконцентрировать на одной цели — на **служении Христу**. Вторым фактором было полное предание себя водительству **благодати Христовой**, которая давала ему воодушевление и силы для преодоления всех внешних препятствий и собственных немощей. Благодать Божия помогла ему обратить к Христу значительную часть Римской империи.

Книга Апокалипсис.

Значение Апокалипсиса и интерес к нему.

Апокалипсис (или в переводе с греческого — Откровение) св. Иоанна Богослова — это единственная пророческая книга Нового Завета. Она предсказывает о грядущих судьбах человечества, о конце мира и о начале вечной жизни, и поэтому, естественно, помещается в конце Священного Писания.

Апокалипсис — книга таинственная и трудная для понимания, но вместе с тем именно таинственный характер этой книги и привлекает к себе взоры как верующих христиан, так и просто пытливых мыслителей, старающихся разгадать смысл и значение описанных в ней видений. Об Апокалипсисе существует громадное количество книг, среди которых имеется и немало произведений со всяким вздором, в особенности это относится к современной сектантской литературе.

Несмотря на трудность понимания этой книги, духовно просвещенные отцы и учителя Церкви всегда относились к ней с великим благоговением как к вдохновенной Богом книге. Так, св. Дионисий Александрийский пишет: “Темнота сей книги не препятствует удивляться ей. И если я не все в ней понимаю, то лишь по моей неспособности. Я не могу быть судьей истин, в ней заключающихся, и измерять их скудостью моего ума; руководствуясь более верою, чем разумом, нахожу их только превосходящими мое понимание.” В таком же роде высказывается об Апокалипсисе блаженный Иероним: “В нем столько же тайн, сколько слов. Но что я говорю? Всякая похвала сей книге будет ниже ее достоинства.”

За богослужением Апокалипсис не читается потому, что в древности чтение Св. Писания за богослужением всегда сопровождалось объяснением его, а Апокалипсис весьма труден для объяснения.

Автор книги.

Автор апокалипсиса называет себя Иоанном (От. 1:1, 4 и 9; 22:8). По общему мнению святых отцов Церкви это был апостол Иоанн, возлюбленный ученик Христов, получивший за высоту своего учения о Боге-Слове отличительное имя “Богослов.” Его авторство подтверждается как данными в самом Апокалипсисе, так и многими другими внутренними и внешними признаками. Вдохновенному перу ап. Иоанна Богослова принадлежит еще Евангелие и три Соборных послания. Автор Апокалипсиса говорит, что он был на острове Патмос “за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа” (От. 1:9). Из церковной истории известно, что из апостолов только св. Иоанн Богослов подвергся заточению на этом острове.

Доказательством авторства Апокалипсиса ап. Иоанна Богослова служит сходство этой книги с его Евангелием и посланиями не только по духу, но и по слогу, и, особенно, по некоторым характерным выражениям. Так, например, проповедь апостольская называется здесь “свидетельством” (От. 1:2-9; 20:4; см.: Иоан. 1:7; 3:11; 21:24; 1 Иоан. 5:9-11). Господь Иисус Христос называется “Словом” (От. 19:13; см.: Иоан. 1:1-14 и 1 Иоан. 1:1) и “Агнцем” (От. 5:6 и 17:14; см.: Иоан. 1:36). Пророческие слова Захарии: *“И воззрят на нень Его же прободоша”* (12:10) и в Евангелии и в Апокалипсисе приводятся одинаково по греческому переводу “Семидесяти толковников” (От. 1:7 и Иоан. 19:37). Некоторые различия между языком Апокалипсиса и другими книгами ап. Иоанна объясняются, как разностью содержания, так и обстоятельствами происхождения писаний св. Апостола. Св. Иоанн, иудей по рождению, хотя и владел греческим языком, но, находясь в заточении вдали от живого разговорного греческого языка, естественно наложил на Апокалипсис печать влияния своего родного языка. Для непредубежденного читателя Апокалипсиса очевидно, что на всем содержании его лежит печать великого духа Апостола любви и созерцания.

Все древние и более поздние святоотеческие свидетельства признают автором Апокалипсиса св. Иоанна Богослова. Его ученик св. Папий Иеропольский называет писателем Апокалипсиса “старца Иоанна,” как называет себя и сам апостол в своих посланиях (2 Иоан. 1:1 и 3 Иоан. 1:1). Важно также свидетельство св. Иустина Мученика, жившего в Ефесе еще до своего обращения в христианство, где до него долго жил апостол Иоанн. Многие свв. отцы 2-го и 3-го веков приводят места из Апокалипсиса, как из боговдохновенной книги, принадлежащей перу св. Иоанна Богослова. Один из них был св. Ипполит, папа Римский, написавший апологию на Апокалипсис, ученик Ириней Лионского. Климент Александрийский, Тертуллиан и Ориген также признают св. ап. Иоанна автором Апокалипсиса. Равным образом убеждены в этом и более поздние отцы Церкви: преподобный Ефрем Сирий, Епифаний, Василий Великий, Иларий, Афанасий Великий, Григорий Богослов, Дидим, Амвросий Медиоланский, Блаженный Августин и Блаженный Иероним. 33-е правило карфагенского Собора, приписывая Апокалипсис св. Иоанну Богослову, ставит его в ряд других канонических книг Священного Писания. Особенно ценно свидетельство св. Ириней Лионского относительно авторской принадлежности Апокалипсиса св. Иоанну Богослову, так как св. Ириней был учеником св. Поликарпа Смирнского, который в свою очередь был учеником св. Иоанна Богослова, возглавляя под его апостольским руководством Смирнскую церковь.

Время, место и цель написания Апокалипсиса.

Древнее предание относит написание Апокалипсиса к концу I-го века. Так, например, св. Ириней пишет: “Апокалипсис появился незадолго пред сим и почти в наше время, в конце царствования Домициана.” Историк Евсевий (начало 4-го века сообщает, что современные ему языческие писатели упоминают о ссылке ап. Иоанна на Патмос за свидетельство о Божественном Слове, относя это событие к 15-му г. царствования Домициана. (царствовал в 81-96 гг. после Р.Хр).

Таким образом, Апокалипсис написан в конце первого столетия, когда каждая из семи малоазийских церквей, к которым обращается св. Иоанн, имела уже свою историю и так или иначе определившееся направление религиозной жизни. Христианство у них было

уже не в первой стадии чистоты и истины, и ложное христианство уже пыталось соперничать с истинным. Очевидно и деятельность ап. Павла, долго проповедовавшего в Ефесе, была делом уже давнего прошлого.

Согласны церковные писатели первых 3-х веков и в указании места написания Апокалипсиса, которым они признают остров Патмос, упоминаемый самим Апостолом, как место получения им откровений (От. 1:9-11). Патмос находится в Эгейском море, на юг от города Ефеса и в древнее время был местом ссылки.

В первых строках Апокалипсиса св. Иоанн указывает цель написания откровения: предсказать судьбы Церкви Христовой и всего мира. Миссией Церкви Христовой было возродить мир христианской проповедью, насадить в душах людей истинную веру в Бога, научить их праведно жить, указать им путь в Царство Небесное. Но не все люди приняли благосклонно христианскую проповедь. Уже в первые дни после Пятидесятницы Церковь столкнулась с враждой и сознательным сопротивлением христианству — сначала со стороны иудейских священников и книжников, потом — со стороны неверующих иудеев и язычников.

Уже в первый год христианства началось кровавое преследование проповедников Евангелия. Постепенно эти преследования стали принимать организованную и систематическую форму. Первым центром борьбы с христианством оказался Иерусалим. Начиная с середины первого столетия к враждебному лагерю присоединился Рим во главе с императором Нероном (царствовал в 54-68 гг. после Р.Хр). Гонения начались в Риме, где пролили свою кровь многие христиане, включая первоверховных апостолов Петра и Павла. С конца первого столетия гонения на христиан становятся более интенсивными. Император Домициан повелевает систематически преследовать христиан сначала в Малой Азии, а потом и других частях Римской империи. Ап. Иоанн Богослов, вызванный в Рим и брошенный в котел с кипящим маслом, остался невредим. Домициан ссылает ап. Иоанна на остров Патмос, где апостол получает откровение о судьбах Церкви и всего мира. С небольшими перерывами кровавые гонения на Церковь продолжаются и до 313-го года, когда император Константин издает Миланский эдикт о свободе вероисповедания.

Ввиду начинающихся гонений ап. Иоанн пишет христианам Апокалипсис, чтобы утешить их, наставить и укрепить. Он раскрывает тайные намерения врагов Церкви, которых он олицетворяет в звере, вышедшем из моря (как представителе враждебной светской власти) и в звере, вышедшем из земли — ложном пророке (как представителе враждебной псевдорелигиозной власти). Он обнаруживает и главного руководителя борьбы против Церкви — дьявола, этого древнего дракона, который группирует богоборческие силы человечества и направляет их против Церкви. Но страдания верующих не напрасны: через верность Христу и терпение они получают заслуженную награду на Небе. В определенное Богом время враждебные Церкви силы будут преданы суду и наказаны. После Страшного суда и наказания нечестивых начнется вечная блаженная жизнь.

Цель написания Апокалипсиса — изобразить предстоящую борьбу Церкви с силами зла; показать методы, какими дьявол при содействии своих слуг воюет против добра и истины; дать руководство верующим, как преодолевать искушения; изобразить гибель врагов Церкви и конечную победу Христа над злом.

Содержание, план и символика Апокалипсиса.

Апокалипсис всегда привлекал к себе внимание христиан, особенно в то время, когда различные бедствия и соблазны с большей силой начинали волновать общественную и церковную жизнь. Между тем образность и таинственность этой книги делает ее весьма трудной для понимания, а потому для неосторожных толкователей всегда есть риск ухода за границы истины к несбыточным надеждам и верованиям. Так, напр., буквальное понимание образов этой книги давало повод и теперь еще продолжает давать повод к ложному учению о так наз. “хилиазме” — тысячелетнем царстве Христовом на земле. Ужасы гонений, переживавшиеся христианами в первом веке и толкуемые в свете Апокалипсиса, давали некоторым повод верить, что наступили “последние времена” и близко второе пришествие Христа. Такое мнение возникло уже в первом веке.

За истекшие 20 веков появилось множество толкований Апокалипсиса самого разнообразного характера. Всех этих толкователей можно разделить на четыре разряда. Одни из них относят видения и символы Апокалипсиса к “последним временам” — кончине мира, явлению антихриста и Второму пришествию Христову. Другие — придают Апокалипсису чисто историческое значение и ограничивают его видения историческими событиями первого века: гонениями на христиан со стороны языческих императоров. Третьи — стараются найти осуществление апокалипсических предсказаний в исторических событиях своего времени. По их мнению, напр., папа Римский есть антихрист и все апокалипсические бедствия возвещаются, собственно, для Римской церкви и т.п. Четвертые, наконец, — видят в Апокалипсисе только аллегория, считая, что описываемые в нем видения имеют не столько пророческий, сколько нравственный смысл. Как мы увидим ниже, эти точки зрения на Апокалипсис не исключают, а дополняют друг друга.

Апокалипсис можно правильно понять только в контексте всего Священного Писания. Особенностью многих пророческих видений — как ветхозаветных, так и новозаветных — является принцип соединения нескольких исторических событий в одном видении. Иными словами, духовно родственные события, отстоящие одно от другого на много столетий и даже тысячелетий, сливаются в одну пророческую картину, объединяющую в себе события различных исторических эпох.

В качестве примера подобного синтеза событий можно привести пророческую беседу Спасителя о конце мира. В ней Господь говорит одновременно о разрушении Иерусалима, которое произошло 35 лет спустя после Его распятия и о времени перед Его вторым пришествием (Мт. 24-ая гл.; Мр. 13-ая гл.; Лк. 21-ая гл.). Причина такого объединения событий состоит в том, что первое иллюстрирует и поясняет второе.

Нередко ветхозаветные предсказания говорят одновременно о благотворном изменении человеческого общества в новозаветное время и о новой жизни в Царстве Небесном. В данном случае первое служит началом второго (Ис. (Исаия) 4:2-6; Ис. 11:1-10; Ис. 26, 60 и 65 гл.; Иер. (Иеремия) 23:5-6; Иер. 33:6-11; Авв. (Аввакум) 2:14; Соф. (Софония) 3:9-20). Ветхозаветные пророчества о разрушении халдейского Вавилона говорят одновременно и об уничтожении царства антихриста (Ис. 13-14 и 21 гл.; Иер. 50-51 гл.). Подобных примеров слияния событий в одном предсказании существует немало. Такой метод объединения событий по признаку их внутреннего единства употребляется для того, чтобы помочь ве-

рующему человеку понять сущность событий на основе того, что ему уже известно, оставляя в стороне второстепенные и ничего не объясняющие исторические подробности.

Как мы увидим ниже, Апокалипсис состоит из ряда многослойных композиционных видений. Тайнозритель показывает будущее в перспективе прошлого и настоящего. Так, например, многоглавый зверь в 13-19 гл. — это и сам антихрист и его предшественники: Антиох Епифан, так ярко описанный у пророка Даниила и в первых двух Маккавейских книгах, — это и Римские императоры Нерон и Домициан, преследовавшие апостолов Христовых, а также последующие враги Церкви.

Два свидетеля Христовых в 11-ой гл. — это обличители антихриста (Енох и Илия), и прообразы их — апп. Петр и Павел, а также все проповедники Евангелия, совершающие свою миссию в мире, враждебном христианству. Лжепророк в 13-ой главе — это олицетворение всех тех кто насаждает ложные религии (гностицизм, ереси, магометанство, материализм, индуизм и т.д.), среди которых самым ярким представителем будет лжепророк времен антихриста. Чтобы понять, почему ап. Иоанн объединял различные события и разных людей в одном образе, надо учесть, что он писал Апокалипсис не только для своих современников, но для христиан всех времен, которым предстояло претерпеть аналогичные преследования и скорби. Ап. Иоанн раскрывает общие методы обольщения, а также показывает верный способ избежать их, чтобы быть верным Христу до смерти.

Подобным образом и суд Божий, о котором неоднократно говорит Апокалипсис — это и Страшный суд Божий и все частные суды Божии над отдельными странами и людьми. Сюда входит и суд над всем человечеством при Ное, и суд над древними городами Содомом и Гоморрой при Аврааме, и суд над Египтом при Моисее, и двукратный суд над Иудеей (за шесть столетий до Рождества Христова и снова в семидесятых годах нашей эры), и суд над древней Ниневией, Вавилоном, над Римской империей, над Византией и уже сравнительно недавно — над Россией. Причины, вызвавшие праведное наказание Божие, всегда были одни и те же: неверие людей и беззакония.

В Апокалипсисе заметна определенная вневременность. Вытекает она из того, что ап. Иоанн созерцал судьбы человечества не с земной, а с небесной перспективы, куда его возвел Дух Божий. В идеальном мире у престола Всевышнего останавливается поток времени и перед духовным взором предстает одновременно настоящее, прошедшее и будущее. Очевидно поэтому автор Апокалипсиса некоторые события будущего описывает, как прошедшие, а прошедшие — как настоящие. Например, война ангелов на Небе и низвержение оттуда дьявола — события, случившиеся еще до создания мира, описываются ап. Иоанном, как бы случившиеся на заре христианства (От. 12 гл.). Воскресение же мучеников и их царствование на Небе, что охватывает всю новозаветную эпоху, помещается им после суда над антихристом и лжепророком (От. 20 гл.). Таким образом, тайнозритель не повествует о хронологической последовательности событий, а раскрывает сущность той великой войны зла с добром, которая идет одновременно на нескольких фронтах и охватывает как вещественный, так и ангельский мир.

Несомненно, что некоторые предсказания Апокалипсиса уже исполнились (например, относительно судьбы семи малоазийских церквей). Исполнившиеся предсказания должны помочь нам понять оставшиеся, которым еще предстоит исполниться. Однако, применяя видения Апокалипсиса к тем или иным конкретным событиям, надо учитывать, что такие видения содержат в себе элементы разных эпох. Только с завершением судеб мира и нака-

занием последних врагов Божиих все подробности апокалипсических видений будут осуществлены.

Апокалипсис написан по вдохновению Духа Святого. Правильному пониманию его больше всего мешает отход людей от веры и истинно христианской жизни, что всегда ведет к притуплению, а то и полной утрате духовного зрения. Всецелая преданность современного человека греховным страстям служит причиной того, что некоторые современные толкователи Апокалипсиса хотят видеть в нем лишь одну аллегория, и даже само Второе пришествие Христово учат понимать иносказательно. Исторические события нашего времени убеждают нас в том, что видеть в Апокалипсисе одну только аллегория значит быть духовно слепым, настолько многое теперь происходящее напоминает страшные образы и видения Апокалипсиса.

Метод изложения Апокалипсиса показан в приложенной здесь таблице. Как видно из нее, апостол одновременно раскрывает перед читателем несколько сфер бытия. К высшей сфере принадлежит Ангельский мир, Церковь, торжествующая на Небе, и Церковь, преследуемая на земле. Возглавляет эту сферу добра и руководит ею Господь Иисус Христос — Сын Божий и Спаситель людей. Внизу находится сфера зла: неверующий мир, грешники, лжеучители, сознательные богоборцы и бесы. Руководит ими дракон — падший ангел. На протяжении всего существования человечества эти сферы воюют друг с другом. Апостол Иоанн в своих видениях постепенно раскрывает перед читателем разные стороны войны между добром и злом и раскрывает процесс духовного самоопределения в людях, в результате которого одни из них становятся на сторону добра, другие — на сторону зла. В течение развития мирового конфликта Суд Божий постоянно совершается над отдельными людьми и народами. Перед концом мира зло чрезмерно усилится, а Церковь земная крайне ослабеет. Тогда Господь Иисус Христос придет на землю, все люди воскреснут, и совершится над миром Страшный суд Божий. Дьявол и его сторонники будут осуждены на вечные мучения, для праведников же начнется вечная, блаженная жизнь в Раю.

При последовательном чтении Апокалипсис можно разделить на следующие части.

1. Вступительная картина явившегося Господа Иисуса Христа, повелевающего Иоанну записать Откровение семи малоазийским церквам (1-ая глава).
2. Письма 7-ми малоазийским церквам (главы 2 и 3-ья), в которых одновременно с наставлениями этим церквам начертаны судьбы Церкви Христовой — от апостольского века и до конца мира.
3. Видение Бога, сидящего на престоле, Агнца и небесного богослужения (главы 4 и 5-ая). Это богослужение дополняется видениями в последующих главах.
4. С 6-й главы начинается раскрытие судеб человечества. Вскрытие Агнцем-Христом семи печатей таинственной книги служит началом описания разных фаз войны между добром и злом, между Церковью и дьяволом. Эта война, которая начинается в душе человека, распространяется на все стороны человеческой жизни, усиливается и делается все более страшной (до 20-ой главы).
5. Гласы семи ангельских труб (главы 7–10) возвещают начальные бедствия, которые должны постигнуть людей за их неверие и грехи. Описывается повреждение природы и появление в мире злых сил. Перед началом бедствий верующие получают

на чело (на лоб) благодатную печать, сохраняющую их от нравственного зла и от участи нечестивых.

6. Видение семи знамений (11–14 главы) показывает человечество, разделившееся на два противоположных и непримиримых лагеря— добра и зла. Добрые силы сосредоточиваются в Церкви Христовой, представленной здесь в образе Жены, облаченной в солнце (12-ая глава), а злые — в царстве зверя-антихриста. Зверь, вышедший из моря — символ злой светской власти, а зверь, вышедший из земли, — символ разложившейся религиозной власти. В этой части Апокалипсиса впервые отчетливо выявляется сознательное внемирное злое существо — дракон-дьявол, который организует и руководит войной против Церкви. Два свидетеля Христовых символизируют здесь проповедников Евангелия, которые сражаются со зверем.
7. Видения семи чаш (главы 15-17) рисуют мрачную картину всемирного нравственного разложения. Война против Церкви становится крайне напряженной (Армагеддон) (От. 16:16),испытания — невыносимо тяжкими. В образе Вавилона-блудницы изображается отступившее от Бога человечество, сосредоточенное в столице царства зверя-антихриста. Злая сила распространяет свое влияние на все области жизни грешного человечества, после чего начинается Божий суд над силами зла (здесь суд Божий над Вавилоном описывается в общих чертах, в качестве введения).
8. В следующих главах (18-19) суд над Вавилоном описывается подробно. Здесь же показывается гибель виновников зла среди людей — антихриста и лжепророка — представителей как гражданской, так и еретической антихристианской власти.
9. 20-ая глава подводит итог духовной войне и мировой истории. Она говорит о двукратном поражении дьявола и о царствовании мучеников. Пострадав физически, они победили духовно и уже блаженствуют на Небе. Здесь охватывается весь период существования Церкви, начиная с апостольских времен. Гог и Магог олицетворяют совокупность всех богоборческих сил, земных и преисподних, которые на протяжении христианской истории воевали против Церкви (Иерусалима). Они истребляются вторым пришествием Христовым. Наконец подвергается вечному наказанию и дьявол, этот древний змий, который положил начало всем беззакониям, неправдам и страданиям во Вселенной. Конец 20-ой главы повествует о всеобщем воскресении мертвых, о Страшном суде и о наказании нечестивых. Это краткое описание суммирует Страшный суд над человечеством и падшими ангелами и подводит итог драме вселенской войны между добром и злом.
10. Заключительные две главы (21-22) описывают новое Небо, новую Землю и блаженную жизнь спасенных. Это самые светлые и радостные главы в Библии.

Каждый новый отдел Апокалипсиса обычно начинается словами: “*И увидел я...*” — и заканчивается описанием суда Божия. Это описание обозначает конец предыдущей темы и начало новой. Между главными отделами Апокалипсиса тайнозритель иногда вставляет промежуточные картины, которые служат связующим звеном между ними. Приведенная здесь таблица наглядно показывает план и разделы Апокалипсиса. Для компактности мы соединили промежуточные картины вместе с главными. Идя горизонтально по приведенной таблице, мы видим, как постепенно раскрываются все с большей полнотой следующие области: Небесный мир; Церковь, гонимая на земле; грешный и богоборческий мир; преисподний мир; война между ними и суд Божий.

Значение символов и чисел. Символы и аллегории дают возможность тайнозрителю говорить о сути мировых событий на высоком уровне обобщения, поэтому он широко пользуется ими. Так, например, глаза символизируют ведение, много глаз — совершенное ведение. Рог — символ власти, могущества. Длинная одежда означает священство; венец — царственное достоинство; белизна — чистоту, непорочность; город Иерусалим, храм и Израиль — символизируют Церковь. Числа тоже имеют символическое значение: три — символизирует Троицу, четыре — символ мира и мирового порядка; семь означает законченность и совершенство; двенадцать — народ Божий, полноту Церкви (то же значение имеют числа, производные от 12-ти, как 24 и 144000). Одна треть означает какую-то сравнительно небольшую часть. Три с половиной года — время гонений. О числе 666 особо будет сказано ниже в этой брошюре.

Новозаветные события часто изображаются на фоне однородных ветхозаветных событий. Так, например, бедствия Церкви описываются на фоне страданий израильтян в Египте, искушения при пророке Валааме, гонения со стороны царицы Иезавели и разрушение Иерусалима халдеями; спасение верующих от дьявола изображается на фоне спасения израильтян от фараона при пророке Моисее; богоборческая власть представлена в образе Вавилона и Египта; наказание богоборческих сил изображается языком 10-ти египетских казней; дьявол отождествляется со змеем, соблазвившим Адама и Еву; будущее райское блаженство изображается в образе райского сада и древа жизни.

Главная задача автора Апокалипсиса — показать, как действуют злые силы, кто их организует и направляет в борьбе с Церковью; наставить и укрепить верующих в верности Христу; показать полное поражение дьявола и его слуг и начало райского блаженства.

При всей символичности и таинственности Апокалипсиса, религиозные истины раскрыты в нем предельно ясно. Так, например, Апокалипсис указывает на дьявола как виновника всех искушений и бедствий человечества. Орудия, которыми он старается погубить людей, всегда одни и те же: неверие, непослушание Богу, гордость, греховные желания, ложь, страх, сомнения и т.д. Несмотря на всю свою хитрость и опытность, дьявол не в состоянии погубить людей, всем сердцем преданных Богу, потому что Бог оберегает их Своей благодатью. Богоотступников же и грешников дьявол все больше и больше поработывает себе и толкает их на всякие мерзости и преступления. Он направляет их против Церкви и с их помощью производит насилия и устраивает войны в мире. Апокалипсис ясно показывает, что в конце концов дьявол и его слуги будут побеждены и наказаны, правда Христова восторжествует, и в обновленном мире наступит блаженная жизнь, которой не будет конца.

Сделав, таким образом, беглый обзор содержания и символики Апокалипсиса, остановимся теперь на некоторых главнейших его частях.

Письма семи церквам (2-3 гл.).

Семь церквей — Ефесская, Смирнская, Пергамская, Фиатирская, Сардийская, Филладельфийская и Лаодикийская — находились в юго-западной части Малой Азии (теперь Турции). Их основал ап. Павел в 40-х годах первого века. После его мученической смерти в Риме около 67-го года заботу над этими церквами взял на себя ап. Иоанн Богослов, который их окормлял примерно сорок лет. Попав в заточение на остров Патмос, ап. Иоанн оттуда писал этим церквам послания, чтобы подготовить христиан к предстоящим гонениям. Письма обращены к “ангелам” этих церквей, т.е. епископам.

Внимательное изучение посланий семи малоазийским церквям, наводит на мысль, что в них начертаны судьбы Церкви Христовой, начиная с апостольского века и до времени конца мира. При этом, предстоящий путь новозаветной Церкви, этого “Нового Израиля,” изображен на фоне важнейших событий в жизни ветхозаветного Израиля, начиная с грехопадения в раю и кончая временем фарисеев и саддукеев при Господе Иисусе Христе. Ап. Иоанн использует ветхозаветные события в качестве прообразов судеб новозаветной Церкви. Таким образом, в письмах к семи церквям переплетаются три элемента: а) современное автору состояние и будущее каждой малоазийской церкви, б) новая, более глубокая интерпретация ветхозаветной истории и в) грядущие судьбы Церкви. Сочетание этих трех элементов в письмах семи церквям суммировано в приложенной здесь таблице.

Примечания: Ефесская церковь была самой многолюдной, и имела статус митрополии в отношении соседних малоазийских церквей. В 431-ом году в Ефесе состоялся 3-й Вселенский собор. Постепенно светильник христианства Ефесской церкви угас, как и предсказал апостол Иоанн. Пергам был политическим центром западной части Малой Азии. В нем доминировало язычество с пышным культом обоготворенных языческих императоров. На горе вблизи Пергама величественно возвышался языческий памятник-жертвенник, — упоминаемый в Апокалипсисе как “престол сатаны” (От. 2:13).

Николаиты — древние еретики-гностики. Гностицизм явился опасным искушением для Церкви первых веков христианства. Благоприятной почвой для развития гностических идей явилась синкретическая культура, возникшая в империи Александра Македонского, объединившая Восток и Запад. Религиозное мироощущение Востока, с его верой в вечную борьбу между добрым и злым началом, духом и материей, телом и душой, светом и тьмой, в сочетании со спекулятивным методом греческой философии, породило различные гностические системы, для которых было характерно представление об эманационном происхождении мира из Абсолюта и о множестве посредствующих ступеней творения, соединяющих мир с Абсолютом. Естественно, что с распространением христианства в эллинистической среде возникла опасность его изложения в гностических терминах и превращения христианского благочестия в одну из религиозно-философских гностических систем. Иисус Христос воспринимался гностиками, как один из посредников (зонов) между Абсолютом и миром.

Одним из первых распространителей гностицизма среди христиан был некто по имени Николай — отсюда название “николаиты” в Апокалипсисе. (Предполагают, что это был Николай, который в числе других шести избранных мужей был рукоположен апостолами в дьяконскую степень, см.: Деян. 6:5). Искажая христианскую веру, гностики поощряли нравственную распущенность. Начиная с середины первого столетия, в Малой Азии процветало несколько гностических сект. Апостолы Петр, Павел и Иуда предупреждали христиан не попадать в сети этих еретиков-развратников. Видными представителями гностицизма были еретики Валентин, Маркион и Василид, против которых выступили апостольские мужи и ранние отцы Церкви.

Древние гностические секты давно исчезли, но гностицизм как слияние разнородных философско-религиозных школ существует и в наше время в теософии, кабале, масонстве, современном индуизме, йоге и в других культах.

Видение небесного Богослужения (4-5 гл.).

Апостол Иоанн получил откровение в “День Господень,” т.е. в воскресенье. Следует предполагать, что по апостольскому обычаю в этот день он совершил “преломление хлеба,” т.е. божественную Литургию и причастился, поэтому он “был в Духе,” т.е. испытывал особое вдохновенное состояние (От. 1:10). И вот, первым, чего он удостоивается увидеть — это как бы продолжение совершенного им богослужения — небесную Литургию. Это богослужение ап. Иоанн описывает в 4-ой и 5-ой главах Апокалипсиса. Православный человек узнает здесь знакомые черты воскресной Литургии и важнейшие принадлежности алтаря: престол, семисвечник, кадильницу с курящимся фимиамом, золотую чашу и т.д. (Эти предметы, показанные Моисею на Синайской горе, употреблялись также и в ветхоза-

ветном храме). Увиденный апостолом закланный Агнец посреди престола напоминает верующему человеку Причастие, под видом хлеба лежащее на престоле; души убиенных за слово Божие под небесным престолом — антиминос сшитыми в него частицами мощей святых мучеников; старцев в светлых одеждах и с золотыми венцами на головах — сонм священнослужителей, соборно совершающих Божественную Литургию. Примечательно здесь, что даже сами возгласы и молитвы, слышанные апостолом на Небе, выражают суть молитв, которые священнослужители и певчие произносят во время главной части Литургии — Евхаристического канона. Убеление праведными своих одежд “Кровью Агнца” напоминает таинство Причащения, через которое верующие освящают свои души.

Таким образом, апостол начинает раскрытие судеб человечества с описания небесной Литургии, чем подчеркивает духовное значение этого Богослужения и необходимость молитв святых о нас.

Примечания. Слова “Лев из колена Иудина” относятся к Господу Иисусу Христу и напоминают пророчество патриарха Иакова о Мессии (Быт. 49:9-10), “Семь Духов Божиих” — полнота благодатных даров Духа Святого (см.: Ис. 11:2 и Зах. 4-я гл.). Множество очей — символизируют всеведение. Двадцать четыре старца соответствуют двадцати четырем священническим чредам, установленным царем Давидом для служения в храме — по два ходатая на каждое колено Нового Израиля (1 Пар. 24:1-18). Четыре таинственных животных, окружающих престол, подобны животным, виденным пророком Иезекиилем (Иез. 1:5-19). Они, по-видимому, являются существами, самыми близкими к Богу. Лица эти — человека, льва, тельца и орла — взяты Церковью в качестве эмблем четырех Евангелистов.

В дальнейшем описании горнего мира встречается много нам непонятного. Из Апокалипсиса мы узнаем, что ангельский мир необъятно велик. Бестелесные духи — ангелы, подобно людям наделены Творцом разумом и свободной волей, но их духовные способности во много раз превосходят наши. Ангелы всецело преданы Богу и служат Ему молитвой и исполнением Его воли. Так, например, они возносят к престолу Божию молитвы святых (От. 8:3-4), содействуют праведникам в достижении спасения (От. 7:2-3, 14:6-10, 19:9), сочувствуют страждущим и гонимым (От. 8:13, 12:12), по повелению Божию наказывают грешников (От. 8:7, 9:15, 15:1, 16:1). Они облечены могуществом и имеют власть над природой и ее стихиями (От. 10:1, 18:1). Они ведут войну с дьяволом и его бесами (От. 12:7-10, 19:17-21, 20:1-3), принимают участие в суде над врагами Божиими (От. 19:4).

Ученье Апокалипсиса об ангельском мире в корне ниспровергает ученье древних гностиков, признававших промежуточные существа (зоны) между Абсолютом и вещественным миром, которые совершенно самостоятельно и независимо от Него управляют миром.

Среди **святых**, которых ап. Иоанн видит на Небе, выделяются две группы, или “лика:” это — **мученики и девственники**. Исторически мученичество есть первый род святости, и поэтому апостол с мучеников и начинается (6:9-11). Он видит их души под небесным жертвенником, что символизирует искупительное значение их страданий и смерти, которыми они участвуют в страданиях Христовых и как бы дополняют их. Кровь мучеников уподобляется крови ветхозаветных жертв, которая стекала под жертвенник Иерусалимского храма. История христианства свидетельствует, что страдания древних мучеников послужили к нравственному обновлению дряхлого языческого мира. Древний писа-

тель Тертулиан писал, что кровь мучеников служит семенем для новых христиан. Гонения на верующих будут то утихать, то усиливаться в течение дальнейшего существования Церкви, и поэтому тайнозрителю было открыто, что новым мученикам предстоит дополнить число первых.

Позже ап. Иоанн видит на Небе огромное количество людей, которых никто не мог перечесать — из всех племен, и колен, и народов, и языков; стояли они в белых одеждах с пальмовыми ветвями в руках своих (От. 7:9-17). Общее у этого неисчислимого сонма праведников то, что *“они пришли от великой скорби.”* Для всех людей путь в Рай один — через скорби. Христос — первый Страдалец, взявший на Себя как Агнец Божий грехи мира. Пальмовые ветви — символ победы над дьяволом.

В особом видении тайнозритель описывает девственников, т.е. людей, отказавшихся от утех брачной жизни ради всецелого служения Христу. (Добровольные “скопцы” ради Царства Небесного, см. об этом: Мт. 19:12; От. 14:1-5. В Церкви этот подвиг нередко осуществлялся в монашестве). Тайнозритель видит на челах (лбу) девственников написанное “имя Отца,” что указывает на их нравственную красоту, отображающую совершенство Творца. “Новая песнь,” которую они поют и которую никто не может повторить, является выражением духовной высоты, которой они достигли через подвиг поста, молитвы и целомудрия. Эта чистота недостижима для людей мирского образа жизни.

Песнь Моисея, которую поют праведники в следующем видении (От. 15:2-8), напоминает благодарственный гимн, который пели израильтяне, когда, перейдя через Красное море, спаслись от египетского рабства (Исх. 15 гл.). Подобным образом и Новозаветный Израиль спасается от власти и влияния дьявола, перейдя в благодатную жизнь посредством таинства крещения. В последующих видениях тайнозритель еще несколько раз описывает святых. “Виссон” (драгоценная льняная одежда), в который они облечены, — символ их праведности. В 19-ой главе Апокалипсиса брачная песнь спасенных говорит о приближении “брака” между Агнцем и святыми, т.е. о наступлении самого близкого общения между Богом и праведниками (От. 19:1-9; 21:3-4). Заканчивается книга Откровения описанием блаженной жизни спасенных народов (От. 21:24-27; 22:12-14 и 17). Это самые светлые и радостные страницы в Библии, показывающие торжествующую Церковь в Царстве славы.

Таким образом, по мере раскрытия судеб мира в Апокалипсисе ап. Иоанн постепенно направляет духовный взор верующих к Царству Небесному — к конечной цели земного странствования. Он как бы по принуждению и неохотно говорит о мрачных событиях в грешном мире.

Снятие семи печатей.

Видение четырех всадников (6-я гл.).

Видение семи печатей является вводным к последующим откровениям Апокалипсиса. Снятие первых четырех печатей показывает четырех всадников, которые символизируют четыре фактора, характеризующие всю историю человечества. Первые два фактора являются причиной, вторые два — следствием. Увенчанный всадник на белом коне “вышел, чтобы победить.” Он олицетворяет те добрые начала, естественные и благодатные, которые Творец вложил в человека: образ Божий, нравственную чистоту и невинность, стремление к добру и совершенству, способность верить и любить, и индивидуальные “таланты,” с которыми рождается человек, а также благодатные дары Святого Духа, которые он

получает в Церкви. По мысли Творца эти добрые начала должны были “победить,” т.е. определить счастливое будущее человечества. Но человек уже в Эдеме поддастся соблазну искушителя. Поврежденная грехом природа перешла к его потомкам; поэтому люди уже с раннего возраста склонны грешить. От повторных грехов в них еще больше усиливаются дурные наклонности. Так человек, вместо того, чтобы духовно расти и совершенствоваться, подпадает под разрушительное действие собственных страстей, предается различным греховным пожеланиям, начинает завидовать и враждовать. От внутреннего разлада в человеке возникают все преступления в мире (насилия, войны и всевозможные бедствия).

Разрушительное действие страстей символизирует рыжий конь и всадник, отнявшие мир у людей. Поддаваясь своим беспорядочным греховным желаниям, человек растрчивает данные ему Богом таланты, беднеет физически и духовно. В общественной же жизни вражда и войны ведут к ослаблению и разложению общества, к утрате его духовных и материальных ресурсов. Это внутреннее и внешнее обеднение человечества символизирует вороной конь с всадником, держащим меру (или весы) в руке своей. Наконец, полная утрата Божиих дарований ведет к смерти духовной, и конечным последствием вражды и войн является смерть людей и распад общества. Эту печальную участь людей символизирует бледный конь.

В четырех апокалипсических всадниках изображена в самых общих чертах история человечества. Сначала — блаженная жизнь в Эдеме наших прародителей, призванных “царствовать” над природой (белый конь), потом — их грехопадение (рыжий конь), после которого жизнь их потомков наполнилась различными бедствиями и взаимным уничтожением (вороной и бледные кони). Апокалипсические кони также символизируют жизнь отдельных государств с их периодами расцвета и упадка. Здесь и жизненный путь каждого человека — с его детской чистотой, наивностью, большими потенциальными возможностями, которые омрачаются бурной молодостью, когда человек растрчивает свои силы, здоровье и в конце концов умирает. Здесь — и история Церкви: духовное горение христиан в апостольское время и усилия Церкви обновить человеческое общество; возникновение в самой Церкви ересей и расколов, и гонение Церкви языческим обществом. Церковь слабеет, уходит в катакомбы, а некоторые поместные церкви вообще исчезают.

Таким образом, видение четырех всадников суммирует факторы, которые характеризуют жизнь грешного человечества. Дальнейшие главы Апокалипсиса будут развивать глубже эту тему. Но снятием пятой печати тайнозритель показывает и светлую сторону человеческих бедствий. Христиане, пострадав физически, победили духовно; теперь они в Раю! (От. 6:9-11) Их подвиг приносит им вечную награду, и они царствуют со Христом, как это описано в 20-ой гл. Переход к более подробному описанию бедствий Церкви и усилению богоборческих сил знаменуется снятием седьмой печати.

Семь труб Запечатление избранных.

Начало бедствий и поражение природы (7-11 гл.).

Ангельские трубы предвещают человечеству бедствия, физические и духовные. Но до начала бедствий ап. Иоанн видит ангела, возлагающего печать на чело сынов Нового Израиля (От. 7:1-8). “Израиль” — здесь это новозаветная Церковь. Запечатление символизирует избранничество и благодатное покровительство. Напоминает это видение таинство Миропомазания, во время которого на чело новокрещенного возлагается “печать дара Духа Святаго. “Напоминает оно и крестное знамение, ограждаемые которым “врагу противляются.” Люди, не защищенные благодатной печатью, терпят вред от “саранчи,”

ляются.” Люди, не защищенные благодатной печатью, терпят вред от “саранчи,” вышедшей из бездны, т.е. от дьявольской силы (От. 9:4). Пророк Иезекииль описывает подобное запечатление праведных граждан древнего Иерусалима перед его взятием халдейскими полчищами. Тогда также как и теперь таинственная печать возлагалась с целью сохранить праведных от участи нечестивых (Иез. 9:4). При поименном перечислении 12-ти колен (племен) Израилевых нарочито пропущено колено Даново. Некоторые видят в этом указание на происхождение антихриста из этого племени. Основанием к этому мнению служат загадочные слова патриарха Иакова относительно будущего потомков Дана: “змей на дороге, аспид на пути” (Быт. 49:17).

Таким образом, данное видение служит введением к последующему описанию гонений на Церковь. Измерение храма Божия в 11-ой гл. имеет то же значение, что и запечатление сынов Израилевых: сохранение чад Церкви от зла. Храм Божий, как и Жена, облаченная в солнце, и город Иерусалим — это разные символы Церкви Христовой. Основная мысль этих видений та, что Церковь свята и дорога Богу. Бог попускает гонения ради нравственного совершенствования верующих, но оберегает их от порабощения злу и от одной участи с богоборцами.

Перед снятием седьмой печати наступает безмолвие “как бы на полчаса,” (От. 8:1). Это — тишина перед бурей, которая всколыхнет мир во время антихриста. (Современный процесс разоружения в результате крушения коммунизма не являются ли перерывом, который предоставляется людям для обращения к Богу?). Перед наступлением бедствий ап. Иоанн видит святых, усердно молящихся о помиловании людей (От. 8:3-5).

Бедствия в природе. Вслед за этим раздаются трубные звуки каждого из семи ангелов, после чего начинаются различные бедствия. Сначала погибает третья часть растительности, потом — третья часть рыб и других морских существ, затем следует отравление рек и водных источников. Падение на землю града и огня, пылающей горы и светящейся звезды, по-видимому, иносказательно указывает на огромные размеры этих бедствий. Не является ли это предсказанием о глобальном засорении и уничтожении природы, которое наблюдается в наши дни? Если так, то экологическая катастрофа предвещает пришествие антихриста. Все более оскверняя в себе образ Божий, люди перестают ценить и любить Его прекрасный мир. Своими отбросами они загрязняют озера, реки и моря; разлитой нефтью поражают огромные прибрежные пространства; уничтожают леса и джунгли, истребляют многие виды зверей, рыб и птиц. От отравления природы заболевают и гибнут как сами виновные, так и невинные жертвы их жестокой алчности. Слова: “Имя третьей звезды полынь... И многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки” напоминают Чернобыльскую катастрофу, потому что “чернобыль” значит полынь. Но что означает поражение третьей части солнца и звезд и затмение их? (От. 8:12). Очевидно здесь речь о загрязнении воздуха до такого состояния, когда солнечный и звездный свет, достигая землю, кажется менее ярким. (Так, например, по причине загрязнения воздуха небо в Лос-Анджелесе обычно выглядит грязно-коричневым по цвету, ночью же звезд над городом почти не видно, за исключением самых ярких).

Повествование о саранче (пятая труба, От. 9:1-11)), вышедшей из бездны, говорит об усилении бесовской силы среди людей. Возглавляет ее “Аполлион,” что значит “губитель” — дьявол. По мере того, как люди своим неверием и грехами утрачивают благодать Бо-

жию, образующуюся в них духовную пустоту все больше заполняет бесовская сила, которая мучает их сомнениями и различными страстями.

Апокалипсические войны. Труба шестого ангела приводит в движение огромное войско за Евфратской рекой, от которой погибает третья часть людей (От. 9:13-21). В библейском представлении река Евфрат обозначает рубеж, за которым сосредоточиваются враждебные Богу народы, угрожающие Иерусалиму войной и истреблением. Для Римской империи река Евфрат служила оплотом от нападения восточных народов. Девятая глава Апокалипсиса написана на фоне жестокой и кровопролитной иудео-римской войны 66-70 годов нашей эры, еще свежей в памяти ап. Иоанна. Эта война имела три фазы (От. 8:13). Первая фаза войны, в которой Гасиус Флор возглавлял римские войска, длилась пять месяцев, с мая по сентябрь 66 г. (пять месяцев саранчи, От. 9:5 и 10). Вскоре началась вторая фаза войны, с октября по ноябрь 66 г., в которой сирийский губернатор Цестий возглавлял четыре римских легиона (четыре ангела у реки Евфрат, От. 9:14). Эта фаза войны была особенно сокрушительной для евреев. Третья фаза войны, под предводительством Флавиана, длилась три с половиной года — с апреля 67-го по сентябрь 70-го г., и закончилась уничтожением Иерусалима, сожжением храма и рассеянием пленных иудеев по Римской империи. Эта кровопролитная римо-иудейская война стала прообразом ужасных войн последних времен, на которые указывал Спаситель в Своей беседе на Елеонской горе (Мт. 24:7).

В атрибутах адской саранчи и евфратского полчища можно узнать современные оружия массового уничтожения — танки, пушки, бомбардировщики и ядерные ракеты. Дальнейшие главы Апокалипсиса описывают все усиливающиеся войны последнего времени (От. 11:7; 16:12-16; 17:14; 19:11-19 и 20:7-8). Слова *“река Евфрат высохла, чтобы готов был путь царям от восхода солнечного”* (От. 16:12) могут указывать на “желтую опасность.” При этом надо учитывать, что описание апокалипсических войн имеет черты действительных войн, но в конечном итоге относится к духовной войне, а собственные имена и числа имеют аллегорическое значение. Так ап. Павел объясняет: “Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных,” (Еф. 6:12). Название Армагеддон сложено из двух слов: “Ар” (на еврейском — равнина) и “Мегиддо” (местность на севере Св. Земли, около горы Кармил, где в древности Варак поразил войско Сисары, а пророк Илия истребил более пятисот жрецов Вааловых) (От. 16:16 и 17:14; Суд. 4:2-16; 3 Цар. 18:40). В свете этих библейских событий Армагеддон символизирует поражение Христом богоборческих сил. Имена Гог и Магог в 2 20-ой гл. напоминают пророчество Иезекииля о нашествии на Иерусалим несметных полчищ, под предводительством Гога из земли Магог (на юге Каспийского моря) (Иез. 38-39 гл.; От. 20:7-8). Иезекииль относит это пророчество к мессиянским временам. В Апокалипсисе осаждение полчищами Гога и Магога “стана святых и города возлюбленного” (т.е. Церкви) и истребление этих полчищ небесным огнем надо понимать в смысле полного поражения богоборческих сил, людских и бесовских, Вторым пришествием Христовым.

Что же касается физических бедствий и наказаний грешников, часто упоминаемых в Апокалипсисе, то тайнозритель сам объясняет, что Бог попускает их для вразумления, чтобы привести грешников к покаянию (От. 9:21). Но апостол со скорбью отмечает, что люди не внимают зову Божию, продолжают грешить и служить бесам. Они, как бы “закусив удила,” несутся к собственной гибели.

Видение двух свидетелей (От 11:2-12). 10-ая и 11-ая главы занимают промежуточное место между видениями 7-ми труб и 7-ми знамений. В двух свидетелях Божиих некоторые святые отцы видят ветхозаветных праведников Еноха и Илию (Или Моисея и Илию. Известно, что Енох и Илия были взяты живыми на Небо (Быт. 5:24; 4 Цар. 2:11), которые перед концом мира придут на землю, чтобы обличить лживость антихриста и призвать людей к верности Богу. Казни, которые эти свидетели наведут на людей, напоминают чудеса, совершенные пророками Моисеем и Илией (Исх. 7-12 гл.; 3 Цар. 17:1; 4 Цар. 1:10). Для ап. Иоанна прообразами двух апокалипсических свидетелей могли быть апп. Петр и Павел, незадолго перед этим пострадавшие в Риме от Нерона. По всей видимости, два свидетеля в Апокалипсисе символизируют и других свидетелей Христовых, распространяющих Евангелие во враждебном языческом мире и нередко запечатлевающих свою проповедь мученической смертью. Слова “Содом и Египет, где и Господь наш распят,” указывают на город Иерусалим, в котором пострадал Господь Иисус Христос, многие пророки и первые христиане” (Некоторые предполагают, что во времена антихриста Иерусалим станет столицей всемирного государства. При этом приводят экономическое обоснование такого мнения).

Семь знамений (12-14 гл.). Церковь и царство зверя.

Чем дальше, тем отчетливее тайнозритель выявляет перед читателями разделение человечества на два противоположных лагеря — Церковь и царство зверя. В предыдущих главах ап. Иоанн начал знакомить читателей с Церковью, говоря о запечатленных, об Иерусалимском храме и о двух свидетелях, и в 12-ой главе он показывает Церковь во всей ее небесной славе. Одновременно с этим он выявляет и ее главного врага — дьявола-дракона. Видение Жены, облаченной в солнце, и дракона делает очевидным, что война между добром и злом выходит за пределы вещественного мира и простирается на мир ангелов. Апостол показывает, что в мире бесплотных духов существует сознательное злое существо, которое с отчаянным упорством ведет войну против преданных Богу ангелов и людей. Эта война зла с добром, пронизывающая все существование человечества, началась еще в ангельском мире до создания вещественного мира. Как мы уже говорили, тайнозритель описывает эту войну в разных частях Апокалипсиса не в ее хронологической последовательности, а в разных фрагментах, или фазах.

Видение Жены напоминает читателю Божие обещание Адаму и Еве о Мессии (о Семени Жены), Который сотрет главу змея (Быт. 3:15). Можно было бы подумать, что в 12-ой главе под Женой подразумевается Дева Мария. Однако из дальнейшего повествования, в котором говорится о прочих потомках Жены (христианах), видно, что здесь под Женой надо подразумевать Церковь. Солнечное сияние Жены символизирует нравственное совершенство святых и благодатное озарение Церкви дарами Духа Святого. Двенадцать звезд символизируют двенадцать племен Нового Израиля — т.е. совокупность христианских народов. Муки Жены при родах символизируют подвиги, лишения и страдания служителей Церкви (пророков, апостолов и их преемников), понесенных ими при распространении Евангелия в мире и при утверждении христианских добродетелей среди своих духовных чад. (“Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос,” — говорил ап. Павел галатским христианам (Гал. 4:19)).

Первенец Жены, “Которому надлежало пасти все народы железным жезлом,” — это Господь Иисус Христос (Пс. 2:9; От. 12:5 и 19:15). Он — Новый Адам, ставший главой Церкви. “Восхищение” Младенца, очевидно, указывает на вознесение Христа на Небо, где Он сел “одесную Отца” и с тех пор управляет судьбами мира.

“Дракон своим хвостом увлек с Неба третью часть звезд и поверг их на землю,” (От. 12:4). Под этими звездами толкователи понимают ангелов, которых гордый Денница-дьявол взбунтовал против Бога, в результате чего на Небе произошла война. (Это была первая революция во вселенной!). Во главе добрых ангелов выступил архангел Михаил. Взбунтовавшиеся против Бога ангелы потерпели поражение и не смогли удержаться на Небе. Отпав от Бога, они из добрых ангелов стали бесами (демонами). Их преисподнее царство, названное бездной или адом, стало местом мрака и страданий. Согласно мнению святых отцов, война, описанная здесь ап. Иоанном, произошла в ангельском мире еще до сотворения вещественного мира. Приводится она здесь с целью объяснить читателю, что дракон, который будет преследовать Церковь в дальнейших видениях Апокалипсиса, есть падший Денница — исконный враг Бога.

Итак, потерпев поражение на Небе, дракон со всей яростью ополчается на Жену-Церковь. Его оружие — многообразные искушения, которые он устремляет на Жену подобно бурной реке. Но она спасается от искушений бегством в пустыню, то есть добровольным отказом от жизненных благ и удобств, которыми дракон старается ее пленить. Два крыла Жены — это молитва и пост, которыми христиане одухотворяются и делаются недостижимыми для дракона, ползающего по земле, как змей (Быт. 3:14; Мр. 9:29). (Следует вспомнить, что многие усердные христиане уже с первых веков переселялись в пустыню в буквальном смысле, покидая шумные города, полные соблазнов. В отдаленных пещерах, скитах и лаврах они все свое время отдавали молитве и богомыслию и достигали такой духовной высоты, о которой современные христиане и представления не имеют. Монашество расцвело на Востоке в 4-7 веках, когда в пустынных местах Египта, Палестины, Сирии и Малой Азии образовалось множество обителей, насчитывающих сотни и тысячи монахов и монахинь. С Ближнего Востока монашество перекинулось на Афон, а от туда — в Россию, где в дореволюционное время насчитывалось более тысячи монастырей и скитов).

Примечание. Выражение “времени, времен и полувремени” — 1260 дней или 42 месяца (От. 12:6–15) — соответствует трем с половиной годам и символически обозначает период гонений. Три с половиной года продолжалось общественное служение Спасителя. Приблизительно столько же времени продолжались гонения на верующих при царе Антиохе Епифане, императорах Нероне и Домициане. Вместе с тем, числа в Апокалипсисе следует понимать иносказательно (см. выше).

Зверь, вышедший из моря, и зверь, вышедший из земли (От. 13-14 главы). Большинство свв. отцов под “зверем из моря” понимают антихриста, а под “зверем из земли” — лжепророка. Море символизирует неверующую людскую массу, вечно волнующуюся и обуреваемую страстями. Из дальнейшего повествования о звере и из параллельного повествования пророка Даниила (Дан. 7-8 гл). следует заключить, что “зверь” — это вся богоборческая империя антихриста. По внешнему виду дракон-дьявол и зверь, вышедший из моря, которому дракон передал свою власть, похожи друг на друга. Их внешние атрибуты говорят об их ловкости, жестокости и нравственном безобразии. Головы и рога зверя символизируют богоборческие государства, составляющие антихристианскую империю, а также

их правителей (“царей”). Сообщение о смертельном ранении одной из голов зверя и об ее исцелении — загадочно. В свое время сами события прольют свет на значение этих слов. Историческим основанием для этого иносказания могло послужить убеждение многих современников ап. Иоанна, что убитый Нерон ожил и что он вскоре вернется с парфскими войсками (находившимися за Евфратской рекой (От. 9:14 и 16:12), чтобы отомстить своим врагам. Может быть здесь указание на частичное поражение богоборческого язычества христианской верой и на возрождение язычества в период всеобщего отступления от христианства. (Некоторые здесь видят указание на поражение богоборческого иудаизма в 70-ых годах нашей эры. “Они не иудеи, но сборище сатанинское,” — сказал Господь Иоанну (От. 2:9; 3:9; Смодри подробнее об этом в нашей брошюре “Христианское учение о конце мира”).

Примечание. Есть общие черты между зверем Апокалипсиса и четырьмя зверями пророка Даниила, олицетворявших четыре древних языческих империи (Дан. 7-я гл.). Четвертый зверь относился к Римской империи, а десятый рог последнего зверя означал сирийского царя Антиоха Епифана — прообраза грядущего антихриста, которого архангел Гавриил назвал “презренным” (Дан. 11:21). Характеристика и деяния апокалипсического зверя имеют много общего с десятым рогом у пророка Даниила (Дан. 7:8-12; 20-25; 8:10-26; 11:21-45). Первые две Маккавейские книги служат яркой иллюстрацией времен перед концом мира.

Затем тайнозритель описывает зверя, вышедшего из земли, которого он позже именуется лжепророком. Земля здесь символизирует полное отсутствие духовности в учении ложного пророка: все оно пропитано материализмом и угождением грехолюбивой плоти. Лжепророк обольщает людей ложными чудесами и заставляет их поклоняться первому зверю. “Он имел два рога подобные агнчим, и говорил, как дракон” (От. 13:11), — т.е. он выглядел кротким и миролюбивым, но речи его были исполнены лести и лжи.

Как в 11-ой главе два свидетеля символизируют всех служителей Христовых, так, очевидно, и два зверя 13-ой гл. символизируют совокупность всех ненавистников христианства. Зверь из моря — символ гражданской богоборческой власти, а зверь из земли — совокупность лжеучителей и всякой извращенной церковной власти.

Как во времена земной жизни Спасителя обе эти власти, гражданская и религиозная, в лице Пилата и иудейских первосвященников объединились в осуждении Христа на распятие, так и во всей истории человечества эти две власти нередко объединяются в борьбе с верой и для преследования верующих. Примеры: пророк Валаам и моавитский царь; царица Иезавель и ее жрецы; лжепророки и князья перед разрушением Израиля и позже Иудеи, “отступники от святого завета” и царь Антиох Епифан (Дан. 8:23; 1 Макк. и 2 Макк. 9 гл.), приверженцы моисеева закона и римские правители в апостольское время. В новозаветное время еретики-лжеучители ослабляли Церковь своими расколами и этим содействовали завоевательским успехам арабов и турок, наводнивших и разоривших православный Восток; русские вольнодумцы и народники подготовили почву для революции; современные лжеучители совращают нестойких христиан в различные секты и культы. Все они являются лжепророками, содействующими успеху богоборческих сил. Апокалипсис ярко обнаруживает взаимную поддержку между драконом-дьяволом и обоими зверями. Здесь у каждого из них свои корыстные расчеты: дьявол жаждет поклонения себе, антихрист добивается власти, а лжепророк ищет своей материальной выгоды. Церковь, призы-

вая людей к вере в Бога и к укреплению добродетелей, служит им помехой, и они совместно воюют против нее.

Начертание зверя (От. 13:16-17; 14:9-11; 15:2; 19:20; 20:4). На языке Св. Писания носить на себе печать (или начертание) означает принадлежность или подчинение кому-то. Мы уже говорили, что печать (или имя Божие) на челе верующих означает их Божие избранничество и, следовательно, Божие покровительство над ними (От. 3:12; 7:2-3; 9:4; 14:1; 22:4). Деятельность лжепророка, описанная в 13-ой главе Апокалипсиса, убеждает, что царство зверя будет носить религиозно-политический характер. Создавая союз разных государств, оно одновременно будет насаждать новую религию вместо христианской веры. Поэтому покориться антихристу (аллегорически — принять на свое чело или на правую руку печать зверя) будет равносильно отречению от Христа, что повлечет за собой лишение Царства Небесного. (Символика печати почерпнута от обычая древности, когда воины выжигали на своих руках или на лбу имена своих предводителей, а рабы — добровольно или насильственно — принимали печать имени своего господина. Язычники, преданные какому-нибудь божеству, нередко носили на себе татуировку этого божества).

Не исключена возможность, что во времена антихриста будет заведена усовершенствованная компьютерная регистрация наподобие современных банковских карточек. Усовершенствование будет состоять в том, что невидимый глазу компьютерный код будет печататься не на пластиковой карточке, как сейчас, но прямо на теле человека. Этот код, читаемый электронным или магнитным “глазом,” будет передаваться в центральный компьютер, в котором будет храниться вся информация о данном человеке, личная и финансовая. Таким образом, установление личных кодов прямо на людях заменит собой надобность в деньгах, паспортах, визах, билетах, чеках, кредитных карточках и других личных документах. Благодаря индивидуальной кодировке все денежные операции — получение жалованья и уплата долгов — могут быть проведены прямо в компьютере. При отсутствии денег грабителю забирать у человека будет нечего. Государство, в принципе, сможет легче контролировать преступность, так как передвижения людей ему будут известны благодаря центральному компьютеру. Думается, что в таком положительном аспекте будет предложена эта система личной кодировки. На практике же она будет использована и для религиозно-политического контроля над людьми, когда “никому нельзя будет ни покупать, ни продавать кроме того, кто имеет это начертание,” (От. 13:17).

Конечно, высказанная здесь мысль о штамповке кодов на людях — предположение. Суть не в электромагнитных знаках, но **в верности или в измене Христу!** На протяжении истории христианства давление на верующих со стороны антихристианской власти принимало самые различные формы: принесение формальной жертвы идолу, принятие магометанства, вступление в безбожную или противохристианскую организацию. На языке Апокалипсиса — это принятие “начертания зверя:” приобретение временных преимуществ ценой отречения от Христа.

Число зверя — 666 (От. 13:18). Значение этого числа до сих пор остается загадкой. Очевидно, что оно поддастся расшифровке, когда сами обстоятельства будут способствовать этому. Некоторые толкователи в числе 666 видят уменьшение числа 777, которое в свою очередь означает троекратное совершенство, полноту. При таком понимании символики этого числа, антихрист, стремящийся во всем показать свое превосходство над Христом,

на деле во всем окажется несовершенным. В древности исчисление имени основывалось на том, что буквы алфавитов имели цифровое значение. Например, в греческом языке (и в церковно-славянском) “А” равнялось 1, В = 2, Г = 3 и т.д. Подобное цифровое значение букв существует в латинском и в еврейском языках. Каждое имя можно было арифметически подсчитать путем сложения цифрового значения букв. Например, имя Иисус, написанное по-гречески, равняется 888 (возможно, обозначающее высшее совершенство). Есть огромное количество собственных имен, которые суммой своих букв, переведенных в цифры, дают 666. Например, имя Нерон Кесарь, написанное еврейскими буквами. В таком случае, если бы собственное имя антихриста было известно, то подсчитать его числовое значение не требовало бы особой мудрости. Может быть здесь надо искать решение загадки в принципиальной плоскости, но не ясно, в каком направлении. Зверь Апокалипсиса — это и антихрист, и его государство. Может быть во времена антихриста будут введены инициалы, обозначающие новое всемирное движение? По воле Божией личное имя антихриста до времени скрыто от праздного любопытства. Когда время придет, те, кому следует, расшифруют его.

Говорящий образ зверя. Трудно понять значение слов о лжепророке: *“И дано было ему вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя говорил и действовал так, чтоб убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя,”* (От. 13:15). Поводом к этой аллегории могло послужить требование Антиоха Епифана, чтобы иудеи кланялись статуе Юпитера, воздвигнутой им в Иерусалимском храме. Позже император Домициан требовал, чтобы все жители Римской империи кланялись его изображению. Домициан был первым императором, потребовавшим себе божеского почитания еще при своей жизни и того, чтобы его величали “наш господь и бог.” Иногда для большего впечатления за статуями императора скрывались жрецы, которые оттуда вещали от его имени. Христиан, не кланяющихся изображению Домициана было велено казнить, а кланяющихся одаривать. Может быть в пророчестве Апокалипсиса речь идет о каком-нибудь аппарате вроде телевизора, который будет передавать образ антихриста и одновременно следить, как люди реагируют на него. Во всяком случае в наше время кинофильмы и телевизор широко используются для насаждения антихристианских идей, для приучения людей к жестокости и пошлости. Ежедневное неразборчивое смотрение телевизора убивает в человеке доброе и святое. Не есть ли телевизор предтеча говорящего образа зверя?

Семь чаш.

Усиление богоборческой власти. Суд над грешниками (15-17 гл.).

В этой части Апокалипсиса тайнозритель описывает царство зверя, достигшего своего апогея силы и контроля над жизнью людей. Отступление от истинной веры охватывает почти все человечество, и Церковь доходит до крайнего истощения: *“И дано было ему вести брань со святыми и победить их”* (От. 13:7). Чтобы ободрить верующих, оставшихся верных Христу, ап. Иоанн возводит их взор к горнему миру и показывает великий сонм праведников, которые, подобно израильтянам, спасшимся от фараона при Моисее, поют победную песнь (Исх. 14-15 гл.).

Но как пришел конец власти фараонов, так и дни антихристианской власти сочтены. Следующие главы (16-20 гл.) в ярких штрихах рисуют Божий суд над богоборцами. Пора-

жение природы в 16-ой гл. подобно описанию в 8-ой гл., но здесь оно достигает всемирных размеров и производит ужасающее впечатление. (Как и раньше, очевидно, истребление природы производится самими людьми — войнами и промышленными отбросами). Усилившийся солнечный зной, от которого страдают люди, может быть связан с уничтожением озона в стратосфере и увеличением углекислого газа в атмосфере. Согласно предсказанию Спасителя в последний год перед концом мира жизненные условия станут настолько невыносимыми, что, *“если бы Бог не сократил тех дней, то не спаслась бы никакая плоть”* (Мт. 24:22).

Описание суда и наказания в 16-20 главах Апокалипсиса следует порядку **возрастающей виновности** врагов Божиих: сначала подвергаются наказанию люди, принявшие начертание зверя, и столица антихристианской империи — “Вавилон,” потом — антихрист и лжепророк, наконец — дьявол.

Повествование о поражении Вавилона приводится дважды: сначала в общих чертах в конце 16-ой гл., и более обстоятельно в — 18-19 главах. Вавилон изображается блудницей, сидящей на звере. Наименование Вавилон напоминает халдейский Вавилон, в котором в ветхозаветное время сосредоточивалась богоборческая власть. (Халдейские войска разрушили древний Иерусалим в 586 г. до Р.Хр). Описывая роскошь “блудницы,” апостол Иоанн имел в виду богатый Рим с его портовым городом. Но многие черты апокалипсического Вавилона не применимы к древнему Риму и, очевидно, относятся к столице антихриста.

Равным образом загадочно и объяснение ангела в конце 17-ой главы о “тайне Вавилона” в подробностях, относящихся к антихристу и его царству. Вероятно, эти детали будут поняты в будущем, когда придет время. Некоторые иносказания взяты из описания Рима, стоявшего на семи холмах, и его богоборческих императоров. “Пять царей (голов зверя) пали” — это первые пять римских императоров — от Юлия Цезаря до Клавдия. Шестая голова — это Нерон, седьмая — Веспасиан. “И зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и (он же) из числа семи” — это Домициан, оживший Нерон в народном представлении. Он есть антихрист первого века. Но, вероятно, символика 17-ой главы получит новое объяснение во времена последнего антихриста.

Суд над Вавилоном, антихристом и лжепророком (18-19 гл.).

Тайнозритель в живых и ярких красках рисует картину падения столицы богоборческого государства, которую он именует Вавилоном. Это описание имеет сходство с предсказаниями пророков Исаии и Иеремии о гибели халдейского Вавилона в 539-ом году до Р.Хр (Ис. 13-14 гл.; Ис. 21:9; Иер. 50-51 гл.). Есть много общего между прошлым и будущим центрами мирового зла. Особо описывается наказание антихриста (зверя) и лжепророка. Как мы уже говорили, “зверь” — это и определенная личность последнего богоборца и, одновременно, олицетворение всякой вообще богоборческой власти. Лжепророк — это последний лжепророк (помощник антихриста), а также олицетворение всякой псевдорелигиозной и извращенной церковной власти.

Важно понять, что в повествовании о наказании Вавилона, антихриста, лжепророка (в 17-19 гл.) и дьявола (в 20-ой гл.), ап. Иоанн следует не хронологическому, а принципиальному методу изложения, который мы сейчас объясним.

В своей совокупности Св. Писание учит, что богоборческое царство закончит свое существование во время Второго пришествия Христа, тогда же погибнут антихрист и лжепророк. Страшный суд Божий над миром будет происходить в порядке возрастающей **виновности подсудимых**. (“Время начаться суду с дома Божия. Если же прежде с нас начнется, то какой конец непокоряющимся слову Божию?” (1 Пет. 4:17; Мт. 25:31-46). Сначала будут судиться верующие, потом — неверующие и грешники, затем — сознательные враги Божии, и, наконец, — главные виновники всякого беззакония в мире — бесы и дьявол). В таком порядке повествует и ап. Иоанн о суде над врагами Божиими в 17-20 главах. При этом суд над каждой категорией виновных (богоотступниками, антихристом, лжепророком и, наконец, дьяволом) апостол предваряет описанием их вины. Поэтому возникает впечатление, что сначала будет разрушен Вавилон, какое-то время спустя будут наказаны антихрист и лжепророк, после чего на земле наступит царство святых, и уже после очень продолжительного времени дьявол выйдет, чтобы обольщать народы и тогда он будет наказан Богом. В действительности же в Апокалипсисе речь идет о параллельных событиях. Этот метод изложения ап. Иоанна следует учитывать для правильной интерпретации 20-ой главы Апокалипсиса (См.: “Несостоятельность хилиазма” в брошюре о конце мира).

1000-летнее Царство святых.

Суд над дьяволом (20 гл.). Воскрешение мертвых и Страшный суд.

Двадцатая глава, повествуя о царстве святых и о двукратном поражении дьявола, охватывает весь период существования христианства. Она подводит итог драме 12-ой главы о преследовании драконом Жены-Церкви. Первый раз дьявол был поражен крестной смертью Спасителя. Тогда он был лишен власти над миром, “скован” и “заключен в бездну” на 1000 лет (т.е. на очень продолжительное время, От. 20:3). “*Ныне суд миру сему. Ныне князь мира сего изгнан будет вон,*” — говорил Господь перед Своими страданиями (Иоан. 12:31). Как мы знаем из 12-ой гл. Апокалипсиса и из других мест Священного Писания, дьявол и после крестной смерти Спасителя имел возможность искушать верующих и творить им козни, однако власти над ними уже не имел. Господь сказал Своим ученикам: “Се даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражию” (Лк. 10:19).

Только перед самым концом мира, когда вследствие массового отступления людей от веры “удерживающий” будет взят от среды (2 Фес. 2:7), дьявол снова возобладает над грешным человечеством, но на короткое время. Тогда он возглавит последнюю отчаянную борьбу против Церкви (Иерусалима), направив против нее полчища “Гога и Магога,” но будет поражен Христом вторично и окончательно. (“Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее” (Мт. 16:18). Полчища Гога и Магога символизируют совокупность всех богоборческих сил, человеческих и преисподних, которые дьявол объединит в своей безумной войне против Христа. Таким образом, все усиливающаяся на протяжении истории борьба с Церковью заканчивается в 20-ой главе Апокалипсиса полным поражением дьявола и его слуг. 20-ая глава суммирует духовную сторону этой борьбы и показывает ее конец.

Светлой стороной гонений на верующих является то, что они, пострадав физически, духовно победили дьявола, потому что они остались верными Христу. С момента своей мученической смерти они царствуют со Христом и “судят” мир, принимая участие в судьбах Церкви и всего человечества. (Поэтому мы обращаемся к ним за помощью, и отсюда

вытекает православное почитание святых (От. 20:4). О славной участи страдальцев за веру Господь предсказал: *“Верующий в меня, если и умрет, оживет”* (Иоан. 11:25). **“Воскресение первое”** в Апокалипсисе — это духовное возрождение, которое начинается с момента крещения верующего человека, усиливается его христианскими подвигами и достигает своего высшего состояния в момент мученической смерти ради Христа. К духовно возрожденным относится обещание: *“Наступает время и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и услышавши оживут.”* Слова 10-го стиха 20-й главы являются заключительными: дьявол, прельщавший людей, *“ввержен в озеро огненное.”* Так заканчивается повествование об осуждении богоотступников, лжепророка, антихриста и дьявола.

Заканчивается 20-ая глава описанием Страшного суда. До него должно произойти всеобщее воскресение мертвых — физическое, которое апостол называет **“вторым”** воскресением. Физически воскреснут все люди — и праведники и грешники. После всеобщего воскресения *“были раскрыты книги ... и судимы были мертвые по написанному в книгах.”* Очевидно тогда перед престолом Судьи выявится духовное состояние каждого человека. Все темные поступки, злые слова, тайные мысли и желания, — все, тщательно скрываемое и даже позабытое, — вдруг всплывет на поверхность и станет очевидным для всех. Ужасное то будет зрелище!

Как есть два воскресения, так есть и две смерти. *“Смерть первая”* — это состояние неверия и греха, в котором пребывали люди, не принявшие Евангелия. *“Смерть вторая”* — это обречение на вечное отчуждение от Бога. Это описание очень сжато, так как о Суде апостол уже говорил раньше несколько раз (см.: От. 6:12-17; 10:7; 11:15; 14:14-20; 16:17-21; 19:19-21 и 20:11-15). Здесь апостол подводит итог Страшному суду (Кратко об этом повествует пророк Даниил в начале 12-ой главы). Этим кратким описанием ап. Иоанн завершает описание истории человечества и переходит к описанию вечной жизни праведников.

Новое Небо и новая Земля.

Вечное блаженство (21-22 гл.).

Последние две главы книги Апокалипсиса являются самыми светлыми и радостными страницами Библии. Они описывают блаженство праведников на обновленной Земле, где Бог отрет всякую слезу с очей страдальцев, где не будет уже ни смерти, ни плача, ни вопля, ни болезни. Начнется Жизнь, которой не будет конца.

Итак, книга Апокалипсис написана во время усилившихся гонений на Церковь. Ее цель — укрепить и утешить верующих ввиду предстоящих испытаний. Она раскрывает способы и ухищрения, которыми дьявол и его слуги пытаются погубить верующих; она учит, как преодолеть соблазны. Книга Апокалипсис призывает верующих быть внимательным к своему душевному состоянию, не бояться страданий и смерти ради Христа. Она показывает радостную жизнь святых на небе и зовет соединиться с ними. Верующие, хотя иногда имеют много врагов, но еще больше имеют защитников в лице ангелов, святых и, в особенности, Христа-Победителя.

Книга Апокалипсис ярче и нагляднее других книг Священного Писания раскрывает драму борьбы зла с добром в истории человечества и показывает полное торжество Добра и Жизни.

Письма Семи церквам.

Церковь	Ефесская Апок. 2:8-11	Смирнская Апок. 2:12-17	Пергамская Апок. 2:12-17	Фиатирская Апок. 2:18-29	Сардийская Апок. 3:7-13	Филаделфийская. Апок. 3:14-17
Похвала	Усердно трудился, терпел развратных	Переносишь скорбь, нищету	Не отрекся от веры	Добрые дела, любовь, вера, последние дела больше первых	Не осквернил одежд своих.	Хотя и слаб, но верен Христу
Порицание	Охладел в любви	— — — —	Допускаешь еретиков в своей среде	Попускаешь еретикам сеять соблазны	Кажешься живым, но ты мертв	— — —
Призыв	Вспомни откуда ниспал и покаяйся	Будь верен до смерти.	Покайся.	Что имеешь, береги.	Бодрствуй, ибо ты близок смерти. Покайся.	Береги свое богатство
Что ожидает	“Сдвину светильник” твой (отвергну)	— — — —	— — — —	— — — —	Приду неожиданно	— — —
Награда	Вкусишь от дерева жизни	Избежишь вечной смерти.	Вкусишь манну. Получишь новое имя.	Покоришь язычников.	Получишь белую одежду.	Будешь на облаках. Имя Бога.
Ветхозаветный период	Жизнь в Эдеме (Быт. 2:9)	Рабство в Египет (десять казней, Исх. 7-12 гл.)	Странствование по Синайской пустыне. Валаам соблазняет Израиль (Чис. 25:1 и 31:16)	Соблазн язычества при Иезавели (3 Цар. 16:31 и 21:21-26).	Суд Божий над Израилем и Иуде ей (Ис. 1:9 и 6:13) (8-6 век до Р. Хр.)	Вавилонское пленение. Возвращение из плена. Возрождение Иерусалима и Иудеи (Ключ Давидов)
Новозаветный период	Апостольское время (1-ый век)	Гонение Церкви при римском императоре (2-4 век)	Борьба с ересями (Вселен. Соборы). Монашество (4-7 век).	Иконоборчество. Христианизация новых народов (славян) “власть над язычн” (7-12 век).	Расцвет церковного искусства. Формализм в религии. Падение Византии. Революция в России (13-20 век)..	Гнет атеизма. Борьба Церкви за христианизацию Европы (20-й век)
Характер данного периода	Сначала духовное горение и невинность; потом — охлаждение.	Очищение через гонения и скорби	Борьба с ересью. Умственные искушения.	Достигнутая духовная зрелость.	Внешнее обрядовое благочестие. Наказание.	Верность Христу в трудных условиях

План Апокалипсиса.

Видение	Семь печатей Небесное богослужение. 4 Всадника (4-6).	Семь труб Начальные бедствия и сохранение верующих (7-10)	Семь Знамений Церковь и царство зверя (11-14)	Семь чаш. Суд над грешника ми (15-17)	Суд над Вавилоном антихристом и лжепророком (18-19)
Торжествующая Церковь на небе	Небесное богослужение (4-5). Пер вые мученики (6:9-11).	Праведники всех национальностей (7:9-17). Сила молитв святых (8:3-6). Хвала Богу (11:16-19).	Предвкушение по бедды святых (12:10-12). Девственники (14:1-5).	Гимн спасшихся от зверя (15:1-4).	Приготовление к бку Агнца и Церк Брачный гимн с санных (19:1-10).
Церковь гонимая на земле	Верным предстоит пострадать (6:11).	Запечатление из бранных перед началом бедствий (7:1-8).	Измерение храма (11:1-2). Подвиг двух свидетелей (11:3-14). Жена, облаченная в солнце (12:1-6 и 13-18). Терпение святых. (13:10, 14:12-13).	Блажен бодрствующий (16:15).	— — — —
Мир грешников и наказание их	4 всадника: Страсти борются в чело веке. Отсюда вражда, нищета и взаимное истребление (6:1-8).	Начальные бедствия. Частичное поражение природы (8:7-13).	Грешники обольщаются зверем и покоряются ему. Печать зверя (13:8 и 16-17).	Еще большие наказания грешников. Полное поражение природы (16:1-12).	— — — —
Богоборческий мир, антихрист и лжепророк.	— — — —	— — — —	Зло усиливается. Зверь из моря — антихрист (13:1-10). Зверь из земли — лжепророк (13:11-18).	Царство зверя (16:10-12). Вавилон блудница — центр мирового зла (17:1-18).	Полное низвержение Вавилона и радона Небе (18:1-24).
Преисподний мир. Дьявол и бесы.	— — — —	Появление в мире адской силы. Дьявол — губитель душ (9:1-12).	Дракон преследует Жену-Церковь (12:3-4) и сеет соблазны (12:10-13 и 12:15-17).	Нечистые духи обольщают людей служить зверю (16:13-14).	Нечистая сила усиливается в царстве зверя (18:2).
Война физическая и духовная. Полчища зла.	Бедствия в мире возникают из-за разлада в самом человеке (6:1-8).	Ангелы у реки Евфрат. Первая фаза войны (9:13-21).	Война на Небе (12:7-10). Сражение дьявола с двумя свидетелями Христа (11:7).	Перед последним сражением (16:12). Армагеддон (16:16) и победа Христа (17:14).	Христос поражает Антихриста и с полчища (19:11-21).
Описание конца мира и суда.	Страх грешников перед Судьей (6:12-17).	Осуществление тайны Божией (10:7).	Царство мира становится Царством Бога (11:15). Жатва (14:14-20).	Суд над язычника ми (16:17-21).	Полное поражение Вавилона. Наказание зверя и лжепророка (19:19-21).
Главная тема	Введение. Небесное богослужение. Раскрытие причин конфликта в мире. Смысл страданий мучеников.	Церковь небесная растет, на земле умножаются бедствия. Бог охраняет верных.	Подвиг свидетелей Христовых. Дьявол направляет богоборческие силы против Церкви.	Царство зла усиливается, но Бог сокрушает его. Суд начинается с грешного мира. Спасенные ликуют.	Суд над богоборцами антихристом и лжепророком. Центр мирового зла уничтожается.

**Copyright © 2001, Holy Trinity Orthodox Mission
466 Foothill Blvd, Box 397, La Canada, Ca 91011, USA
Редактор: Епископ Александр (Милеант)**

(new_testament_r.doc, 07-15-2001)

Edited by	Date